

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Героическая Петропавловская оборона 1854 г. еще долго будет привлекать к себе внимание как начинающих любителей камчатской старины, так и серьезных исследователей. Библиография этого события насчитывает не одну сотню источников, изданных в разные годы и с различной полнотой и точностью описывавших происходившее. Достаточно упомянуть лишь великолепный сборник официальных документов, воспоминаний, статей и писем «Защитники отечества», составленный известным историком Б. П. Полевым и вышедший в Петропавловске-Камчатском вторым изданием в 1989 г.

Сегодня мы представляем вниманию читателей «Вопросов...» пять оригинальных источников, затрагивающих эту тему и датированных 1855—1890 гг. Самый ранний из них — книга «Камчатка и ее обитатели» — принадлежит перу морского офицера В. К. Войта. Она стала первым отдельным изданием, предназначенным для широкой публики, содержащим, помимо прочего, описание Петропавловского боя. Ее рукопись подготовлена не ранее декабря 1854 г., а сама книга вышла в свет в 1855 г.

Второй материал — статья «Петропавловский бой» неизвестного автора — взята нами из газеты «Владивосток», увидевшей свет 5 августа 1890 г. Она рассказывает о подготовке к празднованию тридцать шестой годовщины обороны и включает фрагментарное и весьма приблизительное описание минувших дел, но проникнута высокопатриотическим духом и содержит призыв будущим поколениям «не забывать доброго прошлого Родины».

Третья работа — книга А. П. Сильниченко «Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлеченные из дел Владивостокского портового архива». В других своих трудах, посвященных Камчатке, автор также обращался к событиям 1854 г., восхищаясь личностью первого камчатского губернатора В. С. Завойко. Мог ли он думать о том, что спустя всего семь лет после написания этой книги ему самому предстоит возглавить оборону Камчатки от иноземных захватчиков в ходе русско-японской войны, будучи начальником Петропавловского округа?

Вот фрагменты приказов А. П. Сильниченко, датированных 1904 г. и содержащих ссылки на события полувековой давности: «Сколько бы врага не появилось на Камчатском полуострове, откуда бы он не появился,

будем его бить во славу Царя и Отечества без всякого милосердия, и, глубоко убежден, победим... Наша защита — беспредельная преданность всего населения Камчатки Обожжаемому Монарху Николаю II, вере православною и горячо любимой Родине и полная готовность каждого камчатского жителя, без всякого исключения, стоять за честь России, как стояли отцы и деды с 17 по 24 августа против англо-французской эскадры. И братская могила, и памятник Славы, что в Петропавловске, да будут порукой совершенной истины моих слов, идущих из глубины души верноподданного... Прошу глубоко верить, что на Камчатке ни при каких условиях не будет нарушена такая дорогая всякому верноподданному честь Русского имени...»

Содержание книги воспроизводится по изданию 1897 г. типографии штаба Приамурского военного округа в Хабаровске. При подготовке к публикации опущены введение и главы 18, 19 и 20: «Ввод судов Камчатской флотилии в устье реки Амура, к посту Николаевскому», «Постройка в Николаевске укреплений», «Приказы Муравьева», не имеющие непосредственного отношения к событиям на Камчатке.

Четвертый материал — часть воспоминаний Ю. Г. Завойко, супруги руководителя Петропавловской обороны В. С. Завойко. Полностью они публиковались дважды: в журнале «Русский вестник» (т. 123, с. 442—504) и отдельной книгой, вышедшей в Москве в 1876 г. Значительная часть воспоминаний воспроизведена в 1989 г. в упомянутом выше сборнике «Защитники отечества» (с. 101—127). В настоящем издании нами опущены описания подготовки Петропавловского порта к обороне и боевых действий в августе 1854 г., а также события, имевшие место в 1855 г. в устье реки Амур.

Завершает подборку фрагмент записок офицера фрегата «Аврора» лейтенанта Н. А. Фесуна, впервые увидевших свет в 1860 г. в журнале «Морской сборник». Здесь воспроизводятся материалы, охватывающие период с 27 августа 1854 г., времени ухода англо-французской эскадры из Авачинской губы, до 6 апреля 1855 г., дня, когда Петропавловский порт покинули его защитники. Интересующихся подробностями боевых действий в августе 1854 г. в изложении Н. А. Фесуна вновь отсылаем к «Защитникам отечества» (с. 150—169).

Помимо знакомства широких слоев читателей с малоизвестными свидетельствами славных событий, разворачивавшихся в Петропавловске в середине XIX в., публикацией этих работ мы преследуем еще одну цель: показать своеобразные и давно забытые быт, нравы и занятия камчатских жителей того времени.

В. К. ВОЙТ

КАМЧАТКА И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ

с видом города Петропавловска, планом
и описанием сражения 20 и 24-го августа

Войт Владимир Карлович — капитан-лейтенант (1847), действительный статский советник (1863). После окончания Морского корпуса (1831) произведен в мичманы и оставлен при корпусе для продолжения учебы в Высшем офицерском классе. В 1831—1834 гг. плавал в Балтийском море. В 1835 г. произведен в лейтенанты и прикомандирован к Морскому корпусу. В 1839 г. назначен адъютантом к главному командиру Свеаборгского порта. В 1844 г. на фрегате «Константин» перешел из Архангельска в Кронштадт. В 1850 г. уволен в чине надворного советника. Продолжил службу в Санкт-Петербургской портовой таможне. В 1868 г. уволен со службы. В 1848 г. в «Морском сборнике» опубликовал статью «Описание морской игры», в которой впервые в русском флоте попытался сформулировать цели и задачи морских игр и условия их проведения. Автор книги «Воспоминания и впечатления» (1887) [Словарь биографический морской / Авт.-сост. В. Д. Доценко. — СПб., 2000. — С. 85].

Отпечатана в 1855 г. в Санкт-Петербурге в типографии городской полиции. Печать позволяет с тем, чтобы по отпечатании представлено было в Ценсурный Комитет узаконенное число экземпляров.

С.-Петербург, 5-го декабря 1854 года.

Ценсор *В. Бекетов*

Велика и необъятна Россия, разнообразна она и климатами, и народами, привольно раскинулась в трех частях земного шара; когда одни из ея жителей отходят ко сну, другие пробуждаются к дневным заботам; и молитвы на сон грядущий и утреннего бдения, произносимыя на том же родном языке, в одно и тоже время встречаясь у Престола Всевышняго, молят об одном и том же: Православном Царе и о матушке России!

Велика, необъятна ты, православная! На юге у тебя собирают виноград и пшеницу полуодетые жители, томимые жаром, на севере в тоже время в меховой броне жмется семья к очагу в тесной юрте; довелось подстрелить лютаго зверя или дорогога зверька, и семья счастлива, потому что сыта! Не удалось, и она горюет, что нужно зарезать одного из оленей, этих вечных спутников, это живое богатство севернаго обитателя.

Кажется, печальна, безотраднa эта жизнь... Вечный мрак или тусклый свет севернаго сияния большую часть года обозначают эту безконечную пустыню, в которой человек живет семьями, а не обществом. Но переселите его оттуда на юг, и бедный Самоед или Коряк погибнет от жара — в лихорадке, не поймет роскоши природы — он привык к тундрам.

КАМЧАТКА
И
ЕЯ
ОБИТАТЕЛИ.

СЪ
ВИДОМЪ ГОРОДА ПЕТРОПАВЛОВСКА,
планомъ и описаніемъ сраженія
20 и 24-го августа.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ С.-П.-Б. ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИИ.
1855.

Титульный лист книги В. К. Войта «Камчатка и её обитатели», 1855 г.

Русский народ всем готов жертвовать и жертвует, — чтобы защитить свое отечество, свое православие, которым он дорожит, как своею святынею, и ищет случая, чтобы только выказать себя каким-нибудь самоотвержением, — готовностью умереть честно перед своими братьями великой России, связанными между собою как одно мощное сочувствующее тело. Но обратимся собственно к нашему предмету — к Камчатке.

17-го августа был сделан сигнал с Дальнего телеграфа: в море видны неприятельские суда. Это известие пробудило геройство отдаленного Петропавловска и, несмотря на то, что неприятель был в пять раз сильнее бедной и пустынной колонии, он принужден был возвратиться со стыдом, не причинив никакого вреда. Жители Камчатки, согретыя общим чувством любви к родине, подобно своим вешним цветам, которые, выбившись из-под снега продолжительной зимы, — часами зреют в блестящих красках в упоительном и сильном аромате. Подобно им, можно сказать, наши храбрецы выразили себя геройским делом и обратили внимание Царя и Отечества.

Самая северная полоса России, на пространстве с лишком 13 000 верст прилегая к Ледовитому морю, покрыта болотами, тундрами и необъятной высоты раскинувшимися кряжами гор; дикие птицы смело вьют свои гнезда; хищные звери не забегают в эту пустыню, лишь временем Якут прикочует для рыбной ловли, а Самоед покормит оленей мохом, когда солнце пригреет эту оледеневшую почву. Но лишь эту пустыню занесет снегом, они бегут южнее, где зима не так сурова, снег не так глубок, и олени могут добывать мох, разрывая его копытами. Пробежав эту северную безотрадную часть России, мы увидим, что берег у Берингова пролива круто поворотил от Америки и, спускаясь ниже, жметя к родной Азиатской России, омываясь Восточным океаном и Охотским морем.

Этот полуостров, как известно, — Камчатка.

Сначала она, от реки Анадыр, та же пустыня, летом покрытая мхом, то же снежное волнистое пространство зимою — это жилище Чукоч и Коряков.

Потом от реки Алютор, как бы выйдя из-под снегового гнета, начинают появляться горы, поросшие лесами. Ниже, от реки Ука присоединяется к обилию леса плодотворность огородной растительности. Еще далее горы поднимаются в страшной высоте; между ними, как исполины, стоят курящиеся сопки, производящие страшные землетрясения. У оконечности Камчатки (мыса Лопатки) берега ровные, болотистые, безлесные и безлюдные.

Фигура полуострова похожа на продолговатый эллипс; длина его около 2 400 верст, в широте $59\frac{1}{2}$ градусов; он так узок, что, по достоверным известиям, с высоких гор в ясную погоду видны оба омывающих его моря, а между устьями рек Тигиля и Камчатки 415 верст, и эта наибольшая ширина полуострова.

От южной оконечности или от мыса Лопатки тянется продолговатый, почти во всю длину полуострова хребет гор, разделяющий Камчатку почти на две равные части; от него в разных причудливых направлениях поперек Камчатки тянутся другие хребты почти до восточных и западных склонов полуострова, многие из них пропадают на низменностях морского берега; другие, как бы выступая в море, с размаху падают в него, образуя мысами заливы, схожие по величине с морями. На восточной стороне вообще берег возвышеннее, громаднее, полнее дикаго величия, нежели западный, довольно плоской.

Между этими поперечными хребтами, покрытыми лесами, образуются широкия долины, полныя растительности, по которым текут быстрые реки, а по их берегам живут 5 000 разноплеменных душ мужескаго и женскаго пола.

Хлебопашество даже в обширной долине по реке Камчатке неблагоприятно, и главное затруднение составляет иней, падающий внезапно во время лета. При Великой Императрице Екатерине II отправлено было сюда несколько крестьянских семей с рогатым скотом, лошадьми и разными необходимыми потребностями. Этих крестьян поселили в двух деревнях по реке Камчатке, у ея устья — Минькова, а другая, Ключевская, у подошвы Сопки (того же названия). Хлеб сначала у них родился довольно хорошо, но в последствии эти переселенцы, приняв обычаи страны, нашли более выгодным пушной промысел.

Огородные овощи здесь рождаются в изобилии и замечательны по своей величине; к ним нужно присоединить разные питательные травы и корни.

Равнины по берегам рек изобилуют травой выше роста человеческого; случается, что в одно лето косят по три раза. По известиям 1850 г. на полуострове было до 800 лошадей и 1 900 голов рогатого скота.

Лес растет только внутри полуострова, по пологости гор и по рекам; восточный берег Камчатки изобильнее западнаго; здесь лес растет даже близ моря. Суровость климата происходит от близости окружающих морей и снеговых гор. Зима и осень составляют большую половину года; деревья начинают зеленеть в исходе мая, и в начале августа падает иней. Зима умеренная и постоянная; в Петропавловске от $5\frac{1}{3}$ до 18° , во внутренних местах от 20° и доходит до 40° по Реомюру. Январь холоднее прочих месяцев. Частыми выюгами иногда заносятся даже селения. Лето влажно и холодно, когда ветер дует со снеговых гор. Редко погода стоит хорошая в продолжении недели; нет дня, который бы начинался туманом вроде дождя, пропадающего только к полудню.

В местах же отдаленных от моря, так сказать, в середине полуострова, около Верхне-Камчатска, климат совсем иной; с апреля до июля ясная погода, до исхода августа продолжают дожди, а зимою выпадает глубокий снег, сильные ветры редко дуют и не продолжительны.

Езда по Камчатке обыкновенно бывает в сентябре, октябре, феврале и марте месяцах. Восточные и юго-восточные ветры, дующие в ноябре, декабре и январе, сильны и продолжительны, так что трудно противу их держаться на ногах, этими ветрами наносит лед, а иногда с ними морских бобров к истоку реки Камчатки.

Солнечные лучи так сильно отражаются от снега, что жители загорают или, лучше сказать, сжеживаются, лицо трескается, покрывается струпьями, и временем Камчадалы даже лишаются зрения; в предохранение от этого они носят сетки, сплетенные из конских волос. Град случается часто, как летом, так и осенью; молния и гром редко бывают, землетрясения, как уже сказано, часты, от большого числа сопок, находящихся в восточной части полуострова. Замечательные из них: Авача на северной стороне Авачинской губы; в виду, или, лучше сказать, у ее подножия Петропавловский порт. Вечно покрытая снегом, наподобие обрезанного шатра, она высится как одинокий исполин в 8 278 футов и вечно дымится, не извергая огня; она окружена рядами высоких гор, едва достигающих до половины ее колоссального роста.

Эти горы, расположенные рядами один другого выше, лесисты, исключая их вершин. Первое извержение было в 1737 г., сопровождавшееся страшным землетрясением, распространившимся на самые отдаленные места. Море до того волновалось, что валы вышиною в 30 сажень взбегали на берег, и в проливе на дне морском видели каменные горы, о которых никто и не помышлял; местами пепел на вершок покрывал землю. Много жителей погибло от наводнения и разорилось. В некоторых местах луга сделались холмами, а поля — морскими заливами. Последнее извержение было в 1826 г. с водою, сопровождавшееся ужасным землетрясением, и вслед за водою выбросило пепел, покрывший на два вершка окрестность на сто верст.

Толбачинская, между реками Камчаткою и Толбачиком, курится с давних лет; в 1739 г. выкинула огненный шар, зажегший лес по окрестным горам. Кроме легкого землетрясения, ничем не сопровождалось это явление.

Ключевская, в 16 131 фут; она до двух третей высоты своей состоит из гор, расположенных как и у Авачи. В ясную погоду ее видно из Верхне-Камчатска верст за 300; перед ненастьем вокруг ее шатра замечают облака в три ряда. Дым из нее выходит безпрестанно, но горит она почти раз в год и тогда освещает русских переселенцев, живущих здесь, как солнце.

По рассказам жителей, пепел из нея выметается каждый год по два и по три раза, так что иногда на триста верст расстояния земля покрывается на вершок. В 1737 г. внутреннее пламя, пробившись сквозь трещины горы, представляло ее как бы всю горящую; пламя устремлялось иногда вниз, подобно огненной реке, внутри горы слышен был сильный гром и треск... Это извержение продолжалось с неделю, не причинив несчастья и повреждения. Штеллер

замечает, что горят только одинокие горы, а не хребты гор; все они имеют снаружи сходство, и на самых вершинах потухших гор образуются озера.

В Камчатке есть много горячих целительных ключей. Более известны Малкинские, где была устроена больница в 1819 г., и Паратунские. Эти серно-железистые источники имеют чудное свойство быстро уничтожать разные кожные сыпи, ревматические боли и телесные изнурения; в особенности Малкинские хороши от ртутиальных приемов.

Жители различаются по наречиям следующим образом от севера. 1) Племя Корякское, оленное или кочующее. 2) Корякское сидячих, то есть живущее в земляных юртах. 3) По восточную часть продольного хребта: Алюторцы. 4) Укинцы по реке Уки. 5) Собственно Камчадалы по реке Камчатке. Потом идет пустынное и ныне безлюдное пространство вплоть до мыса Лапатки. Из этого числа мы исключаем Петропавловский порт, населенный служащими отставными, их семействами и купцами. 6) От мыса Лапатки по западному берегу до Большерецка: Явинцы и Голыгинцы; их наречие схоже с жителями Курильских островов; здесь в озерах добывается жемчуг, но не в большом количестве. 7) От Большерецка до реки Аблуковины Большерецкое. 8) Отсюда до реки Тигиль — Пенженское. 9) От Тигиля на север — Паланское.

В этой дикой стране Коряки кочующие переходят с табунами с одного места на другое; Алюторцы и «сидячие» Коряки живут в землянках, а летом в деревянных балаганах отдельными семействами в острожках, так называется по-камчатски каждое селение, состоящее из нескольких юрт и балаганов. Чтобы поставить юрту, выкапывают землю аршина на два глубины. В середине этой ямы ставят четыре толстых столба, на сажень расстояния один от другого, на которые кладут перекладины, а потом накатывают потолок, оставляя четырехугольное отверстие, служащее вместе и окном, и дверью. Потом с боков обносят бревнами, жердями и покрывают травой. Так что юрта снаружи представляет круглый небольшой холмик, хотя внутри она четырехугольная. У одной из продолговатых стен ставят очаг с особенным выводом наружу. По стенам делают прилавки, где спит семья. Около очага на земле или на полках ставят домашнюю посуду, состоящую из деревянных чаш, корыт и котла; к числу домашней принадлежности относятся нарты и лодки. Украшений внутри юрт нет никаких. В них живут от осени до весны, потом переселяются в балаганы, служащие им и амбарами. Чтобы построить балаган, утверждают в земле двухсаженные бревна в три ряда в равном расстоянии; эти столбы связываются перекладинами, на которых мостят пол кольями, в значительном расстоянии от земли, устлая его травой; сверху пола из кольев же делают остроконечный шатер, сплетенный из прутьев, и его покрывают травой. Двери делаются с двух сторон одна против другой. Подобные балаганы не только находятся при зимнем жилье, но и в местах рыбного промысла, где под ними досушивают рыбу во время мокрой погоды,

а, возвращаясь домой, оставляют запас провизии до зимы в этих летних балаганах без караула, сняв только лестницу, без которой хищные звери не могут сюда проникнуть. Всякий острожек, выстроенный при реке, почитает ее за свое владение.

Если же семья захочет разделиться, то переселяется на другую реку или помещается выше или ниже на значительном расстоянии. Это мы сказали о сидячих Коряках и Алюторцах, а прочие обитатели Камчатки живут в домах, подобно нашим крестьянским избам, и иные содержатся в особенной чистоте. Там вы не редко встретите людей грамотных.

Средняя часть Камчатки своим научным просвещением обязана Ивашкину (ссылный бывший офицер Петр Матвеевич Ивашкин (1723—1806). В 1742 г. обвинен в заговоре против императрицы Елизаветы Петровны, образован, знал несколько языков. — *Ред.*), память которого до сих пор почитается и в третьем поколении; народ ходит помолиться на его могилу, находящуюся в Верхне-Камчатске.

В 1830 г. здесь было до 11-ти церквей и духовное училище, в котором обучались и дети Камчадалов, имевшее благотельное и большое влияние на этих жителей, которые большею частию все русские обычаи переняли от живущих там казаков, поселенцов и от посещающих их купцов и мореплавателей. Если заезжий остановится у таены, то есть старосты, то встретит не один радушный прием, но и найдет сахар, чай, овощи и масло. Хитрый, предусмотрительный Камчадал бережлив от недоверчивости, а потому и достаточен. Желая казаться выше своего состояния, он любознателен. В семействах они большею частию живут в некоторой подчиненности у женщин. Одним словом, Камчадал составляет средину между русским мужиком и звероловом, заняв оседлые привычки у одного, он не покинул живость, предприимчивость и хитрость другого. Алюторцы и сидячие Коряки ленивы и до крайности неопрятны: не умываются, едят из одной посуды с собаками и никогда ее не полощат, вообще пахнут рыбаю и волос не чешут.

Камчадалы вообще телом смуглы и черноволосы, малобородые, глаза маленькие, впалые и огненные, лица плоские, щеки одутловатые, губы толстые, рот большой, плечисты и росту среднего; в отношении нравственности отличаются робостию, хвастовством, раболепством к строгим и неуважением перед ласковыми. Водка и табак едва ли не главные двигатели всех их желаний и помышлений, и чем более Камчадал пьет, тем более увеличивается в нем эта страсть, для насыщения которой уже нет пределов, нет ничего заветного.

Сладострастие возбуждается пением, пляскою и рассказами. Они любят праздность и уверены, что нет жизни краше их, и никто более их не испытывает и не пользуется удовольствиями.

Язык камчатский выговаривается половиною в горле, а половиною во рту; это произношение тихо, трудно и сопряжено со странными телодвижениями.

Зимнее платье мужчин и женщин почти одинаковое, из оленьих кож, верхнее — кухлянка, двойное, шерстью вверх и вниз, с небольшим разрезом на шее. Головная меховая шапка плоская, с длинными концами, называется малахай, из лисьих лапок; сапоги тоже двойные, мехом вверх — тарбосы. Этот зимний костюм повсеместный. Летний же зависит от достатка каждого. Оседлые ходят большею частию в тканых куртках, сюда привозимых; кочующие Аллюторцы — в камлейках роудужных, выделанных из оленьей кожи вроде замши.

Летом, где нет по рекам судоходства, ходят пешком; мужчины носят тяжести на плечах, а женщины на голове. Зимой ездят на собаках, запрягая их попарно гуськом в сани и нарты, вроде легких дровень. Передняя в этой упряжи есть путеводитель по снеговой безследной пустыни; за нее платят около 100 руб. ассигнациями. Этих собак, разделяющихся на скакунов, иноходцев, рысаков, скорее можно принять за домашних волков. От их хищности и от страшного количества огромных крыс трудно содержать домашних птиц. Собаки, кроме лета, постоянно на цепях; но если сорвутся, беда той, которая будет повалена, ее разорвут на части; были примеры, что оне заедали лошадей.

Запрягают ремянными постромками первую пару от саней — скакунов, средняя — иноходцы и потом рысаки. Вожжей нет; чтобы поворотить вправо, кричат: «Ках! Ках!» Влево: «Хугг! Хугг!» С гортанным выговором попутательное слово: «Хха! Хха!», остановить — среднее между «Мя» и «Ня». Ездок помещается верхом или боком и должен стараться сохранить равновесие; в противном случае узкия и высокия санки на самых малых раскатах опрокидываются, и тогда собаки убегают, оставляя путешественника на произвол случая. Иногда, почуя зверя, они дружно устремляются по его следу; и тогда, чтобы остановить их порыв, выдвигают вроде толстой палки — оштол, впереди нарты, которая останавливается на ней, как на якоре при первом соприкосновении с сугробом или кочкою. На крутые горы обыкновенно нужно идти пешком. Когда застанет метель и выюга в открытом месте, ложатся вместе с собаками и ждут затишья, иногда по несколько дней. Собаки, обыкновенно, лежат очень смирно, но от голода иногда объедают все ремни; для езды их обыкновенно холостят. Весною, когда пропадет снег и прекращается их служба, собак отпускают на волю, и они кормятся по своему произволу, выкапывая мышей из нор и на реках промышляя рыбою. В октябре каждый хозяин их собирает и, привязав у своих балаганов, выдерживает до тех пор, пока спадет жир, для легкости бега. В летнее время мужчины ловят рыбу, сушат ее, перевозят от моря к своим жилищам и припасают корм собакам, состоящий из рыбных костей или кислой рыбы. Женщины иногда помогают в этой постоянно-изобильной ловле, пластают рыбу, и так как оне большия любительницы трав и ягод, которые оне в летнее время постоянно жуют, то ходят собирать по тундрам: рябину, орехи кедрового сланца; это

дерево значительно меньше настоящего кедра, растет не прямо и разстилается по земле.

Замечательнейшие травы и корни: сарана, принадлежащая к породе лилий (*Lilium Kamtschatense*); корни ее употребляются вместо круп в пироги, их вынимают из мышиных нор. Пареная сарана с морошкой, голубелью и другими ягодами вместе столченная считается приятнейшим кушаньем. Сладкая трава *Sphodilium foliolis pinnatifidis* употребляется вместо конфет и служит угощением во всех празднествах. Нарезав стебли, на которых находятся коренные листья, оскабливают с них кожу, вешают на солнце; когда трава провянет, ее кладут в травяные мешки, где она несколько дней сахарится, то есть покрывается сладкою пылью, изнутри выступающею, этот травяной сахар несколько солодковат. При заготовливании травы женщины надевают перчатки, остерегаясь сока, который ядовит, и от него тело быстро и сильно пухнет. В прежнее время, заквашивая эту траву с жимолостными ягодами и голубелью, перегоняли водку, которая, как опиум, развивала дикую фантазию. С похмелья довольно было выпить стакан холодной воды, чтобы снова опьянеть.

Кипрей-трава (*Epilobium linn.*), с нею варят рыбу и мясо, а свежие листья употребляют вместо чая. Сушеный кипрей вкусом очень приятен и несколько походит на калмыцкие огурцы; его употребляют во все приправы и даже сырой подают вместо закуски. Черемша, или полевой чеснок употребляется не только в хозяйстве, но и как лекарство; зимою, отварив в воде и сквася, его едят как щи.

Камчадалы могут назваться всепожирающими животными, которые не только едят мухоморов; но, размочив их в кипрейном сусле, производят опьяняющий напиток. Все травы и их свойства они распознают как бы животным инстинктом. Кроме того, из трав, растущих на морском берегу, они плетут корзинки, ковры и многие другие вещи.

Осенью мужчины ловят осеннюю рыбу и разных птиц: гусей, лебедей, уток и прочих, возятся с собаками и выдерживают их как лошадей; делают санки и припасают дрова. Женщины, как летом, так и зимою не только сучат нитки на сети, — но на них лежит обязанность выделывать кожи на платье и обувь, оне портные и сапожники; и это занятие считает себе Камчадал за безчестие; но зато его удел охота. Камчатка изобилует зверями, лисицы ее пышны, и чем роскошнее она, тем хитрее и осторожнее. Промышляют их отравою, клепцами или стрельбою. Лучший промысел бывает, когда снег падет на мерзлую землю, и лисица не в состоянии более питаться мышами и разрывать их норы. Соболы камчатские величиною и пышностию превосходят всех сибирских соболей, один недостаток, что оне не так черны, но зато и у самых худых весьма пышные и черные хвосты. За лучших соболей считаются тигильския и укинския. В прежнее время соболей там было невероятное

множество, а теперь, кто изловит в зиму пять или шесть, считается за отличного промышленника; многие и ясак, то есть годовой оброк, не в состоянии ими выплатить, и принуждены занимать, обязуясь за это работать целое лето по условию. Песцов и зайцев много, но их стараются ловить, а если попадутся в лисьи клепцы, то кожу употребляют на одеяла. Евражек употребляют Коряки себе на платье. Горностаев, ластиц никто не ловит, так как они уничтожают крыс, этих губительных врагов Камчатки. Росомаха считается за лучшего зверя, и если воображение захочет возсоздать кого-нибудь в величественном виде, то непременно нарядит в платье из росомахи. Особенно в Камчатке много волков и медведей; последние здесь невелики и несердиты, на людей не нападают, в особенности никогда не причиняют вреда женщинам, в летнее время собирают вместе с ними ягоды и ходят около них как дворовый скот, но когда встретят бабу с ягодами, то непременно их отнимут. Лишь только в устьях рек появляется рыба, то медведи стадами устремляются туда и ловят ее, плавающую в изобилии, у которой высасывают мозг, бросая самое тело. Когда же рыба переमेжится, то они отправляются на воровство, нападают на балаганы, даже на острожки; был пример, что козак по имени Селиванов в зиму убил пятьдесят два медведя. Оленей и диких каменных баранов можно считать за необходимых зверей как для платья, так и для пищи Камчадалов.

Пир у них бывают, когда один острожек намерен пригласить и употребить соседей по причине свадьбы или какого-нибудь счастливого промысла; время этих пиров проходит в объядении, пляске и питии.

В числе коренных плясок Бахия, положенная на ноты Иваном Федоровичем Крузенштерном, состоит в том, что две бабы, став одна противу другой и имея в руках по пуку сушеной травы, называемой тонтичь, начинают поводить плечами и взмахивать руками, припевая в такт тихим голосом: «Бахии-до-Бахи»; потом телодвижения усиливаются, и песня громче раздается; все это продолжается до тех пор, пока не выбьются из сил и не потеряют голоса. Другого рода пляска состоит в том, что десять человек мужчин и женщин становятся в кружок и ходят тихо кругом, подымая одну ногу за другою в такт, один выговаривает половину и другой другую половину одного и того же слова. Слова эти относятся до их промысла. Как ни дика эта пляска, продолжающаяся иногда часов по двенадцати, но еще страшнее их дикий крик.

Третий род пляски: женщины становятся двумя рядами, кладут обе руки на живот и, подымаясь на носках, поводят плечами, не шевеля руками и не сходя со своего места. Четвертый род: мужчины прячутся по углам; и сначала выскакивает один и как бешеный бьет в ладоши, в грудь, по бедрам и, подняв руки вверх, делает неистовые телодвижения; после первого выбегает второй и так далее по очереди, между тем как остальные все кругом вертятся. Пятый род пляски: становятся на колени и прыгают вокруг,

как лягушки, плеская руками и представляя странные фигуры. Эта пляска начинается одним, а другие из углов к нему припрыгивают. Описание это заимствовано от Штеллера.

Пение Камчадал очень однообразно и неприятно, хотя в нем нет ничего дикаго. Песни обыкновенно сочиняются девками и бабами, у которых вообще довольно приятные голоса, в этих песнях выражаются простые понятия о вещах. Например, песня на знаменитого описателя Камчатки, в то время студента, Крашенинникова:

*Ежели бы я был студент,
то описал бы горы.
Если бы я был студент,
то описал бы все морския рыбы.*

Вот в переводе песня, называемая Аангич, сложенная на голос морской утки: «Я потерял жену свою и душу, с печали пойду в лес, буду собирать кору с дерева и есть, после того встану поутру, погоню утку Аангич с земли на море, и на все стороны поглядывать буду, не найду ли где любезного моего сердца».

Сватовство прежнего времени и теперь оставшееся у Алютарцев, Чукчей и Коряков, состоит в том, что парень, высмотрев девуку (из которых Алютарки дивной красоты), обыкновенно в другом острожке, переселяется туда на житье, иногда объявляет о своем намерении, а иногда нет и старается показать свое удалство, трудолюбие, проворство, одним словом — составить о себе доброе мнение, а услужливостию обратить всех в свою пользу, в особенности же тестя, тещу и невесту. Наконец, когда он не боится более отказа, объявляет родителям о своем желании и при согласии получает разрешение — хватать. Это значит, что он, улучив время, бросается на свою невесту, разрывает на ней платье, и должен дотронуться до обнаженного тела. Но это не так легко, хотя невеста часто и не сопротивляется, но в это время она бывает под охранением всего женского пола, при том же одета в двойное платье, а часто опутана рыболовными сетями; эти препятствия нужно разорвать при оглушительном крике и страшных побоях телохранительниц; эти аргусы таскают за волосы жениха, терзают ему лицо и как вампиры впиваются в него, чтоб не допустить схватить невесту и значит овладеть ею. Если он одержит победу, аргусы отбегают прочь, и невеста умильным и жалобным голосом произнесет: «Ни, ни», делается его женою. Этот обряд, сколь он ни странен, но имеет мысль и значение в той стране, где люди живут отдельными семействами, рассчитывая на силу своего главы. Другие несчастные несколько лет к ряду добиваются хватить; но при каждом случае, избитые телохранительницами, должны снова залечивать свои увечья.

Когда кто-нибудь из этих народов желает сдружиться с кем-нибудь, то, навабив лучшего кушанья, словно на десятерых, и натопив юрту до возможного

жара, приглашает будущего своего друга, который, при входе в юрту, как и сам хозяин, раздевается донага. Потом хозяин, закрыв верхнее отверстие юрты, начинает подбивать гостя и питьем, и яствами, поддавая пару, то есть, обливая раскаленные камни на очаге. Хозяин старается закормить, запить и, так сказать, зажарить гостя, которому не позволено выходить из юрты, пока он не признает себя побежденным от жара и подбиванья. Хозяин же волен выходить на воздух. Когда же гость не в состоянии долее вытерпеть подобного угощения, то начинает откупаться своим платьем, собаками и всем, что понравится хозяину, который во все это время не ест. Обобрав гостя, он отпускает его домой во всем старом и дурном, и чрез несколько дней отправляется принять подобное же угощение и откупиться.

Утвердясь на Севере Сибири, Русские всегда имели впереди себя охотников: открывать, разведывать и вступать в меновой торг с передовым, неизвестным, или, так сказать, не початым народом; потом в этих местах утверждался острог, окруженный даже укрепленною стеною, под начальством прикащика, и окрестный народ объясачивался, то есть облагался данью в силу данного всем вообще прикащикам наказа: «Стараться об открытии новых народов и приведении их под Государеву руку». Власть России все более и более распространялась по Сибири. Кто первый из Русских был в «Камчатской земле», положительно неизвестно; но словесные предания называют Федота Алексеева с братиею; и, как говорят, видели впоследствии следы их зимовья на р. Никуле, впадающей в р. Камчатку. Этот народ до присоединения к России жил в диком состоянии звероловов, не имея никого начальником; никому не подчиняясь и не платя никому дани. Можно сказать, что покорение Камчатки не стоило больших жертв России. Прикащики в первое время сменялись очень часто, отвозили сами собранный ясак в Иркутск или Москву. Приезжая в Камчатку, прикащики, если имели достаточно вооруженной силы, то посылали ее против непокорных или не желавших платить ясака жителей.

По Именному Указу Петра Великого в 1720 г. была послана первая экспедиция навигаторов Ивана Евреина и Федора Лузина для проведывания и описания Курильского острова. А в 1728 г. по собственноручному начертанию Великого Преобразователя явилась первая морская экспедиция под начальством флота Капитана Беринга, который сделал знаменитое открытие пролива между Азией и Америкой. По отбытии Беринга в Охотск, он приказал своей партии, жившей в Камчатке, на построенном им боте «Гавриил» следовать к Северу, к Анадырю и присоединиться к Капитану Павлуцкому, который, приняв главное начальство над войском, намерен был наказать Чукоч за убийство прибывшего с ним пятидесятника Шестакова. Видя малочисленность казаков, недовольные Камчадалы сделали общее возстание, которое вскоре было уничтожено; присланный Якутского полка Майор

Мерлин с командой, исследовав причину бунта и вкравшийся злоупотребления власти и насилия управлявших, по конфирмации казнил виновных; с тех пор полная тишина и спокойствие наступили для Камчатки. В начальники начали назначать гражданских чиновников, построили Тигильскую крепость для содержания в страхе беспокойных Коряков, и благотворительным постановлением Императрицы Елизаветы Петровны страна была приведена в порядок. В постановлении старые долги требовать воспрещалось; ясак же определялся по одному зверю на семью, то есть по лисице, бобру или соболю, смотря по промышленности места и, наконец, Христианство озарило этот дикий народ, пострадавший в 1767 г. от завезенной из Охотска оспы, обезлюдившей юго-восточную часть полуострова.

В царствование Великой Екатерины, в 1783 г. (так в тексте. — *Ред.*) прибыла вторая морская экспедиция под командой Командора Беринга отыскать ближайший берег Америки, сделать опись Курильским островам до Японии и Охотского моря. Построив суда, Лейтенант Шпанберг посетил Японию, а Беринг и Чириков доходили до Америки. Так как их суда «Св. Петр» и «Св. Павел» перед этим отправлением зимовали в Авачинской губе, то эта гавань, получив название Петропавловской, передала его и теперешнему порту.

По открытии в Иркутске Наместничества учрежден в Нижне-Камчатске город и уездное правление, которое в 1803 г. преобразовано в областное под начальством Генерал-майора Сомова.

Экспедиция с ученою целью снова явилась в 1786 г. под командой флота Капитана Белингса, бывшего спутника Кука. Большая часть трудов по открытиям и описям островов между Америкою и Азиею принадлежит Сарычеву, бывшему впоследствии Генерал-Гидрографом.

Постоянные усилия Правительства открывать и изведывать прилегающие к Камчатке острова побудили деятельность и в купечестве; но чтобы пушной промысел в этих странах не истребился бы, купец Григорий Шелихов с братьями Голиковыми, вступая в товарищество, вздумали его организовать, и завели на острове Кадьяк российское селение; к ним присоединилась иркутская коммерческая компания, и, назвавшись Американскою, поступила под Высочайшее покровительство, получив права, утвержденныя Императором Павлом 27 января 1799 г. В прежнее время сношение Камчатки и американских колоний было чрез Охотск; зимою от Якутска ездили частию на оленях, частию на собаках по снеговой безлюдной стране, где в дальнем разстоянии друг от друга путешественники находили небольшие избы с припасом дров и распоряжались в них, как у себя дома. Летом же до 30 000 лошадей проходило по местам, где даже не была проложена дорога, и обыкновенно эти путешествия сопровождались страшным конским падежом. В отвращение этих неудобств, Американская Компания снарядила первую кругосветную экспедицию под начальством знаменитого и незабвенного впоследствии для

флота Адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна; он командовал в этой экспедиции кораблем «Невою», а Капитан Лисянский — «Надеждою».

По возвращении Иван Федорович подал проект о преобразовании Камчатского края, вследствие которого для облегчения жителей расформирован был находящийся там батальон. Управление края составили из начальника как страны, так и портов и вместе с тем ротного командира части флотского экипажа и его помощника. Как начальника, так и его помощника выбирают из морских офицеров, с наградой следующего чина, обязывая их прослужить не менее пяти лет на месте. Прочия звания состояли из секретаря, объездного комиссара для сбора ясака, лекаря и писцов. Местом пребывания Правления назначен Петропавловск. Команда состояла из 122 человек и 75 казаков, рассеянно живущих по Камчатке и исправляющих полицейскую должность. В последнее время образовался здесь целый экипаж под № 47.

Жители управляются инородческими постановлениями, решая миром все распри и частности, касающиеся до их быта; из среды своей они выбирают старшин: Камчадалы под названием Таёнов, Коряки и Чукчи — князцов, русские поселенцы — старост; эти выборные утверждаются начальником, который обязан наблюдать за сбором ясака, и имеет более моральное, чем физическое влияние на благоденствие жителей.

Торговля меновая; но накрепко запрещено продавать туземцам водку. Острогов, то есть городов, где помещаются казаки, пять: Большерецк, Верхне-Камчатск, Нижне-Камчатск, Тигильск и Петропавловск, в этих бедных селениях находятся церкви, и не живут никакия власти, кроме как в Тигильске, где есть заведывающий некогда бывшею крепостью, и в Петропавловске, месте главного управления.

В 1822 г. острожек, или селений туземцев, считалось 52. Назначение флотских офицеров в правители Камчатки принесло несомненную пользу; сюда большею частию выбирались люди бывалые в тех местах и знакомые с краем; отправляясь туда, они не порывали связей с Петербургом и могли о многом ходатайствовать в пользу страны; им помогали дружным содействием офицеры, которые во время дальних, то есть кругосветных путешествий, непременно посещали Камчатку и привозили о ней известия.

Рассказывают довольно правдоподобный анекдот. Почта в Камчатку ходила прежде раз летом из Охотска морем, и раз зимою — берегом чрез Ижигу; в этих редких сообщениях, может быть, и забыли о Камчатке во время нашествия иноплемеников, и вдруг, спустя долгое время, когда Наполеон был уже заключен на остров Эльбу, жители Камчатки читают в журналах: о ужас!.. Что это?.. Наполеон собирается на Россию. Слушайте!.. Слушайте!.. Ведь супостаты перешли Неман... Общее изумление оковало всех, так как читать новости собирались обществом. Возможно ли? Что дальше?.. Продолжайте. Смоленск взят... Что, что?.. Да Смоленск взят... Видно,

Господь Бог наказует нас по грехам, проговорило небольшое общество и отправилось в церковь молиться за спасение отечества от нашествия врага. Потом снова принялись читать и не могли окончить — Москва взята!.. Взята первопрестольная! Златоглавая! Белокаменная! И кто даже не видал Москвы, не слыхал о чудесах ея архитектуры, плакал о ней, как о своей матери безутешными рыданиями малолетнего сына, опускающего в могилу родную мать. Где-то этот антихрист, этот огненный Наполеон, и скоро ли он сюда явится?

Опасения были страшны; но одно еще утешало, что привезший почту из Охотска ничего еще не слыхал такого сумнительного и, наверное, узнал бы от своих, если бы Французы, или какая-нибудь басурманщина завелась поблизости в Якутске. Долго ли горевали в Камчатке о взятии Москвы, не знаем; но можно сказать достоверно, что быстр был переход от горя к радости: веселыми криками провожали они разбитого неприятеля и оставляли его только тогда в покое, когда шумная радость требовала шумного подкрепления вином, выпитом по этому случаю без счета и без меры.

Первый из флотских офицеров был назначен Начальником Камчатки Петр Иванович Рикорд; уважаемый всеми наш Адмирал пред отправлением туда женился. И Людмила Ивановна была первая из европейских женщин, прожившая там пять лет. В то время на отправлявшихся смотрели с особенным любопытством, прощаясь, провожали, как на вечную разлуку. Камчатка в общественном мнении являлась более как чем-то отдаленным — страшным, отчужденным от России краем.

*В Камчатку сослан был,
Вернулся Алеутом.*

Этими словами поэт вполне обрисовал современные понятия, в которых заключалось, даже примешивалось, что-то заколдованное, превращающее. К угрюмости края присоединялись всякого рода лишения и страшная дороговизна: там плачивали за фунт свечей и фунт табаку по пяти рублей ассигнациями. Вместо стекол окна оклеивались рыбьим пузырем и бумагою; собирались, как на праздник, пить чай вприкуску. Появление первых фортепиано произвело умиление в жителях, они плакали и метались от радости, слушая русские песни, и боялись даже добросердечно довериться чувствам, думая, что в этом инструменте порождение колдовства; и когда смельчаки отваживались дотронуться до клавишей, за них боялись зрители; а потом, когда убедились, что фортепиано вреда не делает, то боялись, чтоб от этих прикосновений звуки не истратились бы.

Но от благотельного влияния начальников и от их ходатайства колония начала процветать. При Аркадии Васильевиче Голенищеве (ныне Генерал-Лейтенант) в 1828 г. Петропавловск объявлен порт-франко на десять лет,

а потом последовательно делалось по Высочайшему повелению продолжение привилегий. Эта благотворительная мера оживила край, торговля сделалась свободною, и ею вполне воспользовались Американцы, привозящие сюда не только необходимое, но и предметы роскоши. Но так как из Камчатки не дозволяют вывозить пушный товар, единственное богатство туземцев, а у иностранцев нужно все покупать на деньги, то и приведена в исполнение мудрая мысль начальника: по отходе купцов из Петропавловска они возвращают в Казначейство все ими вырученные деньги и взамен получают бланки, приносящие 4 %, с переводом на Петербург. Это взаимно-полезная и выгодная мера до сих пор в употреблении.

С 1828 г. купцы приписаны к Камчатской Области и, пользуясь правами и преимуществами всех трех гильдий, платят половинную повинность купцов третьей гильдии.

При Аркадии Васильевиче Голенищеве были заведены внутри края три больницы и прибавлено четыре лекаря. По его предположению составилось земледельческое общество, Высочайше утвержденное 18 августа 1831 г. Предприятие это было приведено в исполнение и продолжалось до 1837 г.

В это время на полуострове считалось одиннадцать церквей.

Петропавловск в общественном мнении идет за Камчатку, хотя в нем нет ни одного Камчадала, а живут служащие с семьями, отставные да купцы. В 1850 г. считалось около 900 человек мужского и женского пола.

Город выстроен почти в долине, на пологих подошвах двух огромных гор, с правой Березовой, а с левой Никольской, в виду вечно курящейся сопки Авача, у самой Петропавловской бухты. Он состоит с небольшим около трехсот одноэтажных деревянных домов, так как здесь часты землетрясения, церковь почти в середине, дом начальника, а ныне Губернатора Камчатки, на правой возвышенности; от него по косогору тянется сад, около некоторых домов частоколом обнесены огороды, все пространство между домами поросло густою муравою, тропинки тянутся по разным направлениям, езды в экипажах нет никакой; местами подле домов протекают горные ключи.

В летнее время этот маленький городок, подымаясь из зелени, представляет живописный вид, окруженный горами, некоторые из них покрыты сплошным цветом диких роз, рододендума, жимолости и лилий. Петропавловск находится под широтою $N 53^{\circ}1'$ и долготою Восточною $52^{\circ}4'$ от острова Ферро.

Живут здесь, как и везде, не без радостей, в особенности по приходе из России военных судов, — тогда обитатели все время проводят у бухты; путешественников встречают, как родных, дружатся в короткое время и, пользуясь хорошою погодою, отправляются по окрестным живописным местам на шлюпках с песельниками пить чай на чистом воздухе. Или собираются перед городом на Никольскую гору, большою родственною семьею побегать по проложенным дорожкам, поиграть, попеть и насладиться величе-

ственную Авачинскую губою, которая видна отсюда во все стороны, вставленная в зеленые рамки берегов, поросших лесом.

Наступит зима, начнутся вечерки, и беззаботная молодежь танцует себе осмерки вроде кадрили, или наши немудреные танцы под звуки портового скрипача, с придачею треугольника, иногда ручной гармоникой, да под напевы хора. Веселятся беззаботною радостью, а иногда дом заметает снегом, и по неволе нужно веселиться, пока не разгребут и не очистят выхода. Между женщинами встречаются дивной красоты, о нарядах бедных девиц обыкновенно заботятся жены начальников. Когда их в первый раз убрали да одели по моде, что делалось в доме начальника, то их даже не узнали родители, собравшиеся на вечерку, и смотрели как на приезжих из других концов России.

При входе в глубокую гавань Петропавловска (величиною и длиною в 250 сажень), которая, как уже сказано, прилегает к городу, слева — Сигнальная гора, а справа, в разстоянии 50 сажень — Кошка, или природная мола, соединяющаяся с противоположным берегом; эта Кошка возвышается на сажень от воды и служит границею Петропавловской от Авачинской губы. Сигнальная гора сначала выступает из воды длинным и огромным мысом, как бы укрывая собою город и гавань, потом, изогнувшись влево крутым поворотом, она образует южную часть бухты.

На этой Сигнальной горе под флагом на высоте 70 фут была устроена батарея № 1 под командою Лейтенанта Гаврилова; за внутреннюю сторону горы и под ее защитою стоял фрегат «Аврора», Командир Капитан-лейтенант Изъльметьев. На «Авроре» с левой стороны было полное число пушек — двадцать две, остальные были размещены по батареям. В одной линии с нею, но за Кошкою, был помещен транспорт «Двина», Командир Капитан-лейтенант Васильев, они в упор защищали гавань. Далее, при соединении Кошки с берегом была устроена батарея № 2 под командою Лейтенанта Князя Дмитрия Петровича МаксUTOва; хотя она выдавалась вперед, но до нее мог достигнуть неприятель, понявшись выше сигнальной батареи. На противоположном берегу впереди батареи Князя МаксUTOва на пологой горе Красный яр — батарея № 4 под командою Лейтенанта Попова.

Вот защита города с этой стороны!

Теперь посмотрим на полуостров от юга и познакомимся с самою Авачинскою губою.

Коцебу в своем путешествии в Камчатку от Каролинских островов говорит: «От садов роскоши обращаемся к унылому северу. Пасмурное небо встречает нас на самой границе северного пасада. Мы проникаем сквозь густой туман, вечно покоящийся над морем и берегом, не осененным ни единым деревом и дико поражающим нас зубчатыми вершинами, покрытыми снегом».

Это справедливое описание более относится к самой юго-восточной части Камчатки и обрисовывает природу осенью. Но, если летом в хорошую погоду входят в Авачинскую губу, мореплаватели бывают удивлены красотою и обширностью этой гавани, в которую могут поместиться все флоты земного шара. Длина ее 35 верст, самая большая ширина 21, пролив, ведущий к ней, 4 версты, расстояние на север от мыса Лопатки около 245 верст.

Вас поражает не только огромное пространство воды, но и крутые берега, покрытые березовым лесом, и густая растительность, эта смесь цветов белого с зеленым и с синим; берега, причудливо окаймляя залив, то выступая вперед, то углубляясь, так сказать, в заливе, образуют обширные заливы. И прямо впереди вас — три исполина природы, вечно курящиеся сопки, наподобие отрезанного шатра — Авача, Козельская и Коряцкая, покрытые снегом, при солнечном сиянии они бывают облиты радужными лучами, рисующими их в какой-то девственной, небесной красоте! Все видимое отдаленное пространство загромождено лесистыми горами, которые, расположившись грядами одна выше другой, как ступени, сопровождают любопытный взор путешественника к Аваче, которой половину высоты они только достигают.

Этот колоссальный ландшафт невольно переносит в первобытный мир, когда человек смотрел на окружающую его природу с недоверчивым любопытством, как бы уничтожаясь от магического и величественного ее явления. Смотрел одиноким, как здесь плывущий корабль, он редко встретит себе спутника, не видит по берегам ни жилищ, ни любопытных. Вас не развлекут посторонние предметы, все внимание сосредоточено на этой дикой и величественной природе, вы поглощены очаровавшим и как будто первым путешественником являетесь сюда.

Поворотя почти в половине Авачинской губы (имеющей от 10 до 14 сажень глубины) и придерживаясь к правой стороне, вы достигнете до Петропавловска.

Неприятель, 17-го августа войдя в Авачинскую губу, послал вперед английский пароход под американским флагом. На другой день английские фрегаты: «Президент» (52 орудия), «Пик» (44 ор.), и французский «Ла-форт» (60 ор.), корвет «Эвридис» (32 ор.), бриг «Облигадо» (18 ор.) и пароход «Вираго» («Ла-форт» и «Президент» под Контр-Адмиральскими флагами), обменявшись несколькими выстрелами с нашими передовыми батареями и убедаясь, что их здесь ждали, отошли в противоположную сторону к Тарьинской губе и встали на якорь.

Первые известия о разрыве с Англиею и Франциею были получены Губернатором Камчатки Контр-Адмиралом Завойко от Американского Посланника на Сандвичевых островах в мае, а официальное уведомление в июле. Предусмотрительный Начальник, заранее изготовясь к нападению

неприятельских судов, крейсирующих в Восточном Океане, укрепил порт земляными батареями до прихода еще транспорта «Двина» и фрегата «Аврора».

Кроме матросов и небольшой команды солдат, при появлении неприятеля вооружены были гражданские чиновники и некоторые из жителей; гарнизон состоял около 800 человек.

19-го числа взят портовой бот, или, лучше сказать, плашкоут, везший кирпич с противоположного берега Авачинской губы. Семь неприятельских катеров один за другим буксировали, то есть тащили его по бокам, и сзади бота держались вооруженные неприятельские катера. Русский человек не может не вернуть словца кстати. Это торжественное шествие бота посреди неприятельских шлюпок под развевающимися флагами сравнили с известною картиною о том, как мыши кота хоронят.

20 августа в восемь часов утра английский пароход, взяв с боков по фрегату, а третий сзади, подвел их к Сигнальной батарее.

Первый период сражения. Фрегаты, выстроившись один сзади другого, открыли огонь по батарее на Сигнальной горе и противоположной ей на Красном яре. Фрегат и транспорт были защищены от них Сигнальною горою, и батарея Князя Максutowa, устроенная впереди их линии равнения на Кошке, в это время находилась от них едва на расстоянии дальнего выстрела.

Восемь наших орудий на обеих передовых батареях в продолжение полутора часа дрались противу 80 орудий с примерным и геройским самоотвержением. Командир батареи на Сигнальной горе, Лейтенант Гаврилов, раненый в голову и ногу, не только не оставлял своего поста, но распоряжался и ободрял людей с равнодушием постороннего зрителя. На этих батареях платформы были засыпаны землею выше колес, станки подбиты, действовать не было возможности, и неприятель повез десант на более пологий берег горы Красный яр.

Губернатор во все время присутствовал со своим штабом на Сигнальной горе в самом жарком и губительном огне и с высоты ея распоряжался общими действиями.

Второй период сражения. Мичман Попов, видя невозможность противостать десанту 600 человек, заклепав три свои пушки, с 28 человеками прислуги и гардемарином отступил по направлению к батарее Князя Максutowa и, соединясь с стрелковой партией мичманов Михайлова и Фесуна, составленных из фрегатской команды и портовой 2-й стрелковой партии, воспользовался смятением неприятеля, произведенным меткими выстрелами с нашего фрегата и транспорта; эта горсть смельчаков, вчетверо слабейшая десанта, при криках: «Ура!» бросились на неприятеля. Крик «Ура!» сделался победным, его торжественно повторил гарнизон, видя стремглав бежавшего неприятеля, в беспорядке бросавшагося на свои шлюпки, на которых он поспешно отваливал.

Третий период сражения. Неприятельские фрегаты, заставив замолчать две наши передовые батареи, двинулись к батарее № 2, и устремили 80 орудий против 11-ти, оставаясь защищенными Сигнальной горой от выстрелов «Авроры» и «Двины».

Вот что рассказывает очевидец мичман Фесун: «Когда неприятель действовал бомбическими орудиями на дальнем расстоянии, наша батарея была молчалива и спокойна, временами острое словцо возбуждало смех. Князь Максutow не горячился, не тратил даром пороху; но когда раздосадованный неприятель подтягивался ближе, раздавался громкий голос Князя Дмитрия Петровича: “Вторая!.. третья!..” Взвился дымок, и можно быть уверенным, что ядро не пролетало мимо неприятеля. Временами с батареи проносили окровавленные носилки и, сопровождая их грустными взорами, гарнизон творил знамение Креста. Надолго останется в памяти у бывших свидетелей картинное и прекрасное действие батареи № 2.

Князь Максutow до того приучил своих людей к хладнокровию, что когда против их действовали только из шести бомбических орудий, то кантонисты — мальчики, служившие при подаче картузов, играя, спускали на воду кораблики. Одному из этих малолетних оторвало руку; доктор, делая операцию, спросил с участием: “Что, больно?” Мальчик сквозь слезы отвечал: “Нет, это за Царя!”»

Редкий пример мужества!

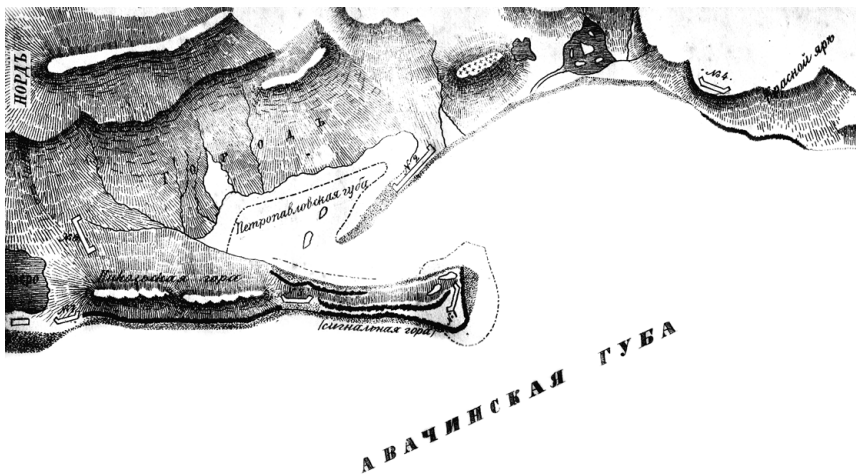
В начале седьмого часа неприятель прекратил свое настойчивое девятичасовое действие против батареи Князя Дмитрия Петровича Максutowа и отошел на прежнее место якорной стоянки.

В продолжение этого соединенного действия неприятельских фрегатов, пароход, пользуясь дымом, в начале 12-го часа выскочил из-за Сигнальной горы и хотел попытать счастья прорваться в гавань; но, встреченный огнем «Авроры», «Двины» и батареи № 2, задним ходом быстро отошел. Потом неприятель с корвета и парохода хотел, было, высадить десант на противоположную сторону Сигнальной горы, но, получив повреждение и потеряв шлюпку, перевозившую войска, не выполнил своего намерения. Под вечер пароход снова пытался было проскользнуть в гавань, но возбудил только смех Авроровцев. Они приняли его возгласом: «Иди, иди дружок, мы тебя так удовольствуем, что более не захочешь!» И батальный огонь уничтожил это последнее покушение.

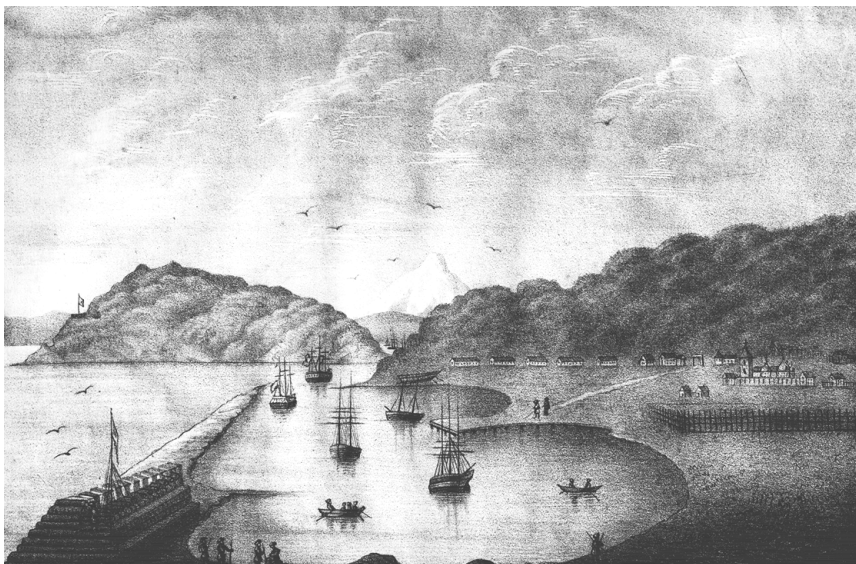
Так кончилось знаменитое 20-е августа.

На другой день пароход ходил в Тарьинскую губу хоронить Контр-Адмирала Прайса. Иностранная газеты рассказывают, что он застрелился по неосторожности, заряжая ривольвер.

Прекрасный вечер роскошного северного лета сменил день 23 августа, лучи заходящего солнца как бы сосредоточили на снеговой вершине Авачи

План сражения

Вид города Петропавловска

всю свою яркость, и посреди этого радужного ослепительного блеска подымался густой вечно струящийся дым сопки в голубое, безоблачное небо, на котором в таких причудливых силуэтах чертились отдаленные горы, покрытые лесом.

Долина Петропавловская благоухала дикими цветами и травой, жители толпами спешили на перешеек, то есть пологое место почти противу города, сажень на 50 разделяющее крутые обрывы гор Сигнальной и Никольской, которая, вдруг поднявшись сажень на 60 и раскинувшись в протяжении версты в причудливых формах, опускается пологою лощиною к морскому берегу. На перешейке и на этой части морского берега были выстроены батареи № 3 под начальством брата и друга героя Князя Александра Петровича МаксUTOва, батареею же № 7 командовал Капитан-Лейтенант Кораллов; за нею в ложине озеро, по внутреннюю сторону которого, ближе к городу, батарея № 6 Поручика Гезехуса, она могла действовать в то время, когда неприятель высадит десант и займет ложину.

С перешейка можно было видеть необыкновенное движение на неприятельской эскадре, шлюпки часто собирались на французский адмиральский корабль и, отваливая, весело кричали: «Vivat!» На лицах обитателей Петропавловска видна была твердая решимость победить или умереть.

В пять часов утра 24-го августа ударили тревогу на единственной гаубтвахте Петропавловска, и неприятельский фрегат «Ла-форт», подойдя на близкое расстояние, открыл жесточайший огонь против батареи на перешейке. В короткое время его ядра буквально изрыли все это узкое пространство. Князь Александр МаксUTOв более получасу выдерживал огонь тридцати орудий. Но, наконец, станки подбиты, платформы засыпаны землею, у одного орудия оторвало дуло, неприятель, воспользовавшись этим, свозит десант. Князь наводит единственную оставшуюся у него пушку, и меткое ядро, попав в катер, пускает его ко дну вместе с французским войском. Фрегат, мстя за своих, дает залп, наш герой, не смотря на эту массу ядер, сам заряжает пушку, но... здесь судьба положила предел его еще юной жизни. Он падает с оторванною рукою, и неприятель, заметив это, кричит радостно: «Vivat!»

Пользуясь смятением, неприятель делает залп за залпом, подбивает последнее орудие, засыпает землею и ядрами всех, кто осмеливается приблизиться к этому месту, и свозит десант. В то же время по другую сторону Никольской горы Английский фрегат, сбив батарею Капитан-Лейтенанта Кораллова, также высадил десант; эти войска числом до 900 заняли Никольскую гору и в густых массах подвигались по ней к заозерной батарее и к городу, но тут и положили предел их торжеству.

Мичман Михайлов и Лейтенант Анкундинов, пользуясь кустарником, взобрались по отвесной крутизне Никольской горы с Северной стороны под неприятельскими выстрелами, их поддержали другие малочисленные отря-

ды, которые были устремлены по разным направлениям на эту гору. Вскоре пальба наших прекратилась, с криком «Ура!» бросились они на неприятеля в штыки. Неприятель при натиске храбрцев, числом менее 300, недолго держался, он дрогнул. Ободренные первым успехом, наши рванулись вперед, десант не устоял, и пошла страшная резня, тут уже действовали не штыками, а прикладами, у кого ломался приклад, тот хватал нож или что попадало под руку.

Утесы Никольской горы, крутые сверху, далее опускаются почти перпендикулярно к морю, часть неприятеля была отсюда сброшена, другая, ища спасения, скатывались обезображенными трупами. Отступление же с оконечностей горы, хотя совершалось в беспорядке, но с меньшею потерей неприятель бежал к шлюпкам, унося трупы товарищей.

Крики победы, крики неистовства, проявляющие силу и ожесточение, крики отчаяния спасающегося неприятеля, которого провожали меткими выстрелами наши стрелки, разсыпанные по кустарникам у обрыва берега, стоны и вопли раненых потрясали воздух.

Это был страшный день — то была ужасная резня.

Семь неприятельских офицерских сабель и множество ружей остались в руках победителей, но главным трофеем было следующее знамя. На английском гюйсе нашито изображение земного шара. Сверху герб Англии — леопард, под ним корона, ниже написано: «Гибралтар». Земной шар обвит с боков лаврами. Под ним надпись: «Per mare, per terrain (на суше и на море)».

Маленькое домогательство свободной Англии!

Велика и необъятна Россия, не знает Запад ни твоей внутренней жизни, ни твоей истории! Осветили иноземцы в 1812 г. тебя зарею, и, может быть, скоро эта предвестница выведет за собою солнце и лучами славы озарит дивное разнообразие климатов и твоих героев-обитателей!

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ БОЙ

В этом году 24 августа исполнится 36-я годовщина славного Петропавловского боя. Тридцать шесть лет тому назад горсть русских храбрцев еще раз показала врагам своего отечества, что «сила не в силе».

Очень хорошо зная, что мы не содержим в восточных водах никакой флотилии, достаточно сильной для отражения задуманного ими нападения, англо-французы решили, что им следует уничтожить этот ничтожный, маленький Петропавловский порт, — тогда единственный наш оплот на Дальнем Востоке. Стараясь всюду, где только возможно, нанести имущественный вред России без особого ущерба для себя, «образованные мореплаватели»

рассчитывали, что раздавить, разрушить Петропавловск им ничего не будет стоить... и горько ошиблись!

Восемнадцатого августа на рейде Авачинской губы появилась вражеская эскадра из шести боевых судов, имевших 212 пушек. У нас там были только транспорт «Двина» и фрегат «Аврора», имевшие всего 27 пушек. На семи береговых батареях имелось всего 45 орудий; пороху всего на все было по 36 зарядов на орудие. Гарнизон состоял из 42 офицеров и 879 нижних чинов, в том числе 350 линейных солдат и 18 волонтеров. На фрегате «Аврора», только что возвратившемся из продолжительного плавания, было 60 человек больных, но с первым ударом боевой тревоги все они явились на свои места по боевому расписанию.

На военном совете командир фрегата «Аврора» капитан-лейтенант Изъльметьев, когда возникли сомнения среди самого гарнизона в возможности дать врагу надлежащий отпор, объявил, что со своей стороны, если бы даже допустили неприятеля в город, то он с фрегата своего будет продолжать пальбу и, наконец, взорвет фрегат, если бы неприятель одолел. Решено было драться до последней возможности.

Неприятель до того был уверен в превосходстве своих сил и до того был убежден в своем успехе, что после незначительной бомбардировки решил высадить десант и занять порт открытою силою. 24-го числа в четыре часа утра с неприятельской эскадры отвалил десант на 25 гребных судах, человек в семьсот. Для отражения их на месте высадки у Николаевской горы у нас было только 204 человека...

...И ещё раз «ахнул, дерзкий, и упал!»

К двенадцати часам бой был окончен. Окончилась эта дикая свалка людей, где три лезли на одного, где этот один решил лучше умереть, чем добровольно уступить хоть пядь родной земли. Неприятель в беспорядке и вплавь бросился к своим судам, но и тут не находил спасения, топя друг друга.

Отбив неприятеля и подобрав раненых, герои построились в каре, отслушали молебен, и молодецкое «Ура!» огласило место новой славы русской удачи. Не вынесла самонадеянная гордость англичанина — английский адмирал Прайс в своей каюте пустил себе пулю в лоб, и командование союзной эскадрой принял на себя французский адмирал Февриэ де-Пуант.

У нас убито нижних чинов 31, обер-офицеров — два и нижних чинов — 63. Потери неприятеля доходили до 350 человек и четырех офицеров. Взято английское знамя и семь офицерских сабель.

27 августа в восемь часов утра эскадра снялась с якоря, вышла в море и скрылась из виду. Выходя из Авачинской губы, неприятель захватил корабль Российско-Американской компании «Ситху» и сжег военный транспорт «Анадырь». Вот единственный трофей грозной эскадры, вот заключительные ее действия, подсказанные бессильной злобой.

В следующем году неприятель со значительно большею силой явился вновь к Петропавловску, чтобы отомстить за своё поражение, но... Петропавловский порт со всеми своими защитниками куда-то исчез. Повторилась история Москвы 1812 года, и мы уничтожили своими руками то, что не надеялись защитить своей жизнью. «Есть невозможное и для героев». Неприятелю оставалось разрушить брошенные укрепления и дома, да рыться в огородах, разыскивая спрятанные пушки и миллион казенных денег (справедливость требует сказать, что французы осуждали этот поиск англичан, говоря, что взять пушки с батареей вооруженной рукою они считают понятным, а рыться и искать их в земле считают для себя унижительным). Так закончил свое короткое, но славное существование русский Петропавловский порт.

Несколько лет тому назад на том месте, где в общей могиле легли и защитники, и нападавшие, воздвигнут скромный памятник; и каждое заходящее военное судно молитвой за упокой погибших отдает свою дань удивления доблести павших героев. Смолкла на этот раз и народная злоба, и на общей могиле раздается молитва как за своих, так и за врагов, а место это получило название «Братской могилы».

В этом году по ходатайству начальника эскадры П. Н. Назимова решено эскадре в полном составе идти к Петропавловску отпраздновать на месте воспоминание о Петропавловском бое, и эскадра, как мы слышали, около 14 августа уходит туда.

Предполагается в день боя после панихиды на «братской могиле» произвести салют. По этому поводу мы слышали несколько голосов о том, что салюта этого «некому слышать», «для кого это торжество?», «ведь кроме нескольких камчадалов там никого нет» и пр.

Вот то-то и есть, что уж очень привыкли мы во всем все делать для кого-то. Нам кажется недостаточным подчеркнуть славную страницу нашей истории лишь для нас, лишь для себя и чувства народной гордости громкими, хотя и салютационными, выстрелами воскресить в своем воображении славный Петропавловский бой; для нас недостаточно знать, что мы только и наши команды будут свидетелями этого празднования.

Утешим эти беспокойства тем, что, быть может, на наше счастье, найдется там и свидетель, вроде американского китобоя или какого-нибудь иностранца, которые расскажут у себя дома о смешных русских варварах, стрелявших холостыми выстрелами в опустевшем порте.

Что же касается нас, то мы от души приветствуем эту мысль. Пусть 24 августа хоть немного сильнее забьется сердце каждого присутствующего. Это усиленное биение сердца окупит стоимость потраченного пороха; пусть установится у нас обычай не забывать доброго прошлого Родины.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ СОБЫТИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ с 1847 по 1855 год, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ДЕЛ ВЛАДИВОСТОКСКОГО ПОРТОВОГО АРХИВА

...В то время как Невельской решал столь важный для России вопрос, Муравьев был на пути в Камчатку. Муравьев первый из Генерал-Губернаторов Восточной Сибири решился на столь трудную поездку. Когда Муравьев спрашивал на эту поездку разрешения, то многия называли намерение Муравьева мечтой...

25 июля Муравьев прибыл в Петропавловский порт, в Камчатку. В это время здесь находился и преосвященный Иннокентий. Муравьев, осмотрев знаменитую Авачинскую губу, пришел к убеждению, что англичане не могут быть равнодушны к обладанию Россией столь превосходной бухтой. Он тогда же предугадал возможность посягательства Англии на наш в то время единственный порт на Восточном океане. В виду этого он решил укрепить его. С этой целью Муравьев лично назначил места для батарей, из коих № 6-й в августе месяце 1854 г. доказала недюжинные военные способности Муравьева.

Целые ночи беседуя с преосвященным Иннокентием, таким же патриотом, каким был сам, он при содействии Иннокентия выработал целый ряд мер, которые имели помочь «сему бедствующему краю».

Все, решенное Муравьевым и Иннокентием, было представлено в Петербурге. Главнейшим из всего проекта Муравьева является следующее:

Из Охотского, Камчатского и Гижигинского края образовать особую область и назначить Губернатором ея Василия Степановича Завойко. 2) Охотский порт перенести в Петропавловск и укрепить последний активно и пассивно. 3) Переселить в Камчатку три тысячи семейств русских земледельцев.

Большинство мер, предлагавшихся Муравьевым, было приведено в исполнение. Не состоялось лишь одно переселение земледельцев, а не состоялось оно потому, что после величайшего открытия Невельского, о котором Муравьев 3-го сентября узнал от самого Невельского в Аяне, центром внимания Муравьева сделалась не Камчатка, а Амур и Уссурийский бассейн...

ГЛАВА 1. ВЕСТИ О ВОЙНЕ В КАМЧАТКЕ

Капитан-лейтенант Назимов, командир двадцатипушечного корвета «Оливуца», при рапорте 26-го мая 1854 г. представил копию следующего приказа Генерал-Адъютанта Путятина от 26-го февраля:

«Объявляя по отряду о вероятии скорого разрыва России с Англией и Францией, я поставляю в обязанность командиров: привести вверенные

им суда в совершенную готовность отражать во всякое время нападения английских и французских судов, если бы оныя последовали. До г.г. командиров и офицеров дошли уже сведения о последних подвигах Черноморского флота против турецких судов, и теперь остается только сделать их известными нижним чинам отряда, как пример, достойный подражания. Из этих сведений самое блистательное — есть сражение при Синопе, на южном берегу Черного моря, в котором взорвано на воздух, потоплено и вовсе истреблено семь турецких фрегатов, три корвета и один пароход; кроме того, в других битвах взяты в плен два турецких парохода. Такие происшествия не могут не возбудить в нас новаго рвения к исполнению лежащего на нас долга; но никакое предприятие, каковы бы ни были усилия человеческия, не бывает успешно без благословения выше. А потому первым долгом всех должно быть испрошение помощи от той Всесильной руки, которая и слабых подкрепляет, и низвергает сильных. Вооруженные этою верою, мы уже не тщеславно, но с надеждою на Промысел будем употреблять и силу, и знание наше на пользу Отечества.

Я не нахожу ничем приличнее заключить это объявление о приготовлениях к военным действиям, как окончательными словами Всемиловейшаго Манифеста Государя Императора, обращеннаго к народу русскому: «На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся вовеки»».

По получении этого приказа в Камчатке Военный Губернатор Завойко 29-го мая отдал по Петропавловскому порту приказ, в котором, повторив дословно приказ Путятина, добавляет:

«Делая вместе с сим распоряжение к благонадежной обороне Петропавловскаго порта на случай нападения на оный английских и французских судов, остаюсь уверенным, что г.г. штаб- и обер-офицеры и нижние чины исполняют свой долг, как следует всякому русскому и как требует слава нашего оружия, покрывшаяся недавно новым блеском чрез знаменитую победу над турецким флотом, в чем да поможет каждому Господь Бог. Прибегнем к нему с горячею молитвою о даровании ЕГО Всесильной помощи и, укрепленные верою в него, станем надеяться, что в день опасности мы покажем себя русскими, готовыми с радостию проливать кровь свою до последней капли за Веру, Великаго Царя и Православное Отечество».

20-го июня 1854 г., когда возможность нападения неприятеля на порт уже не подлежала сомнению, Завойко сделал следующее воззвание к жителям Петропавловска:

«Жители Петропавловскаго порта! Вам известно, что Турция, не желая исполнить справедливых требований Всемиловейшаго Государя Императора нашего, клонившихся к ограждению прав наших единоверцев на Востоке, страждущих от жестоких и невыносимых притеснений магометан, объявила России войну.

Господь защищает правое дело!

Турецкая армия потерпела поражение на Дунае, разбиты наголову в Азии, значительная часть турецкого флота взорвана и потоплена при Синопе. Неприятельские пушки и знамена и военные суда, взятые с боя, свидетельствуют о подвигах и храбрости русского войска.

Ныне получено известие, что Англия и Франция соединились с врагами христиан, с притеснителями наших единоверцев; флоты их уже сражаются с нашими. Война может возгореться и в этих местах, ибо русские порты Восточного океана объявлены в осадном положении. Петропавловский порт должен быть всегда готов встретить неприятеля.

Донося Его Императорскому Высочеству, Управляющему морским министерством о средствах к защите Петропавловского порта, я присовокупил, что мне известно, что чиновники гражданского и морского ведомства, равно и другие жители в случае нападения неприятеля не будут оставаться праздными зрителями боя и готовы с бодростью, не щадя жизни, противостать неприятелю и наносить ему возможный вред; и что обыватели окрестных селений, в случае надобности, присоединятся к городским жителям. Я писал так потому, что мне известны Ваши чувства, потому, что всегда, когда враги угрожали православному нашему отечеству, ни один русский не отказал поднять оружие на его защиту. Действуя каждый по своему усмотрению, Вы не можете принести той пользы, как если будете соединены в один отряд. Имея надобность знать, какое именно число чиновников и граждан составят оный, объявляю всем, кто может и желает участвовать в защите Петропавловского порта, что чиновники морского и гражданского ведомства (кроме медиков, имеющих особенные обязанности) должны явиться в штаб, а прочие жители к полицеймейстеру и записаться в списки. Все распоряжения об устройстве и вооружении волонтеров я принимаю на себя непосредственно, но да будет известно, что до того времени, пока неприятельский флот не покажется в Авачинской губе, никто не будет отрываем от своих дел и занятий, и что тогда только отряд, имея из среды своей начальника по моему назначению или выбору чиновников и граждан, будет призван к защите порта. Всякий, кто желает получить из казны ружье и патроны, имеет означить о том теперь же, в списке.

А между тем, чтобы при приближении неприятеля к порту быть готовым отразить его, тотчас нужно удалить из города женщин и детей в безопасное место. Каждый должен позаботиться заблаговременно о своем семействе. Уведомляю Вас, что я донес Его Императорскому Высочеству, что сообразив средства к защите, надеюсь при помощи Всевышнего, при воодушевлении храброго войска и всех защитников Петропавловского порта отразить неприятеля; что я пребываю в твердой решимости, как бы ни многочисленен он был, сделать для защиты порта и чести русского оружия все, что в силах

человеческих возможно, и драться до последней капли крови, выразив при этом искреннейшее мое убеждение, что во всяком случае флаг Петропавловского порта будет свидетелем подвигов чести и русской доблести».

Приказ по порту и воззвание к жителям были вызваны и получением 14 июля от Генерального консула Соединенных Штатов последних известий из Европы от 10-го апреля. Генеральный консул уведомлял Камчатского Губернатора, что между Россией и Францией объявлена война, что находящиеся здесь порты наши велено иметь в блокадном состоянии и что вместе с сим отправлен из Англии один винтовой паровой фрегат для отыскания нашего флота.

Тогда же, то есть 14 июля, были отданы Завойкой следующие распоряжения:

1) Находящемуся здесь фрегату «Аврора» быть в совершенной готовности отражать нападения неприятельских судов, имея всегда в готовности шпринг.

2) Назначить из команды «Авроры» 10 человек нижних чинов для пополнения недостатка людей на батарее № 2 и трех офицеров для дежурства по порту и наблюдения за имеющими приходить к порту судами и сигналами, подающимися с маяков. Офицерам этим находиться на батарее Сигнального мыса повахтенно и тщательно наблюдать в ночное и, особенно, туманное время, за подающимися с маяка сигналами, находясь ночью безотлучно при своей обязанности, а днем, в ясную погоду, только наблюдать. Этих чинов не приказано отчислять с команды фрегата.

3) Г.г. частным начальникам вменено в строгую обязанность наблюдать, чтобы между вверенными им чинами был соблюдаем установленный для подобных случаев порядок. Чтобы никто из них под опасением строго взыскания не осмеливался бы отлучаться из порта, чтобы вверенное каждому из них оружие всегда и во всякое время было бы в совершенной готовности.

ГЛАВА 2. ПРОКЛАМАЦИЯ КОРОЛЯ САНДВИЧЕВЫХ ОСТРОВОВ

Депеши от посольства Северо-Американских Соединенных Штатов в Гонолулу на имя Военного Камчатского Губернатора.

Завойко, как замечено выше, получил 14-го июля депеши от генерального консула Северо-Американских Соединенных Штатов на Сандвичевых островах. Позволяю себе привести эти депеши целиком:

Департамент Иностранных Дел.

12 июня 1854 г.

Милостивый государь! Так как я признаю Ваше право, данное Его Величеством Императором Всероссийским оказывать свои услуги, где дело касается до русских интересов, я имею честь вручить, под приложением печати, мою депешу сего числа для Его Превосходительства Господина Камчатского

Губернатора, заключающую в себя 6-ть экземпляров королевской прокламации в нейтралитете, который я прошу Вас по прочтении переслать в Петропавловск на Американском бриге «Нобль», готовом к отплытию.

Я имею честь быть с полным почтением, Милостивый Государь, Вашим покорнейшим слугою.

Р. К. Вилье

Департамент Иностранных Дел.
Гонолулу. Сандвичевы острова.

12 июня 1854 г.

Милостивый Государь! Я имею честь при сем приложить для раздачи 6 экземпляров королевской прокламации в нейтралитете в продолжении войны, которая, к несчастью, объявлена в Европе. Вы увидите самые интересные подробности в 5-м номере от 10-го июня газеты «Полинезиал», который я прилагаю. Его Императорского Величества фрегат «Диана» вышел из нашего порта 10-го сего Мая неизвестно куда. Если он посетит Ваш порт, то прошу сделать мне честь засвидетельствовать капитану мое почтение и сказать ему, что я получил его любезное письмо от 10-го сего месяца, но так как он немедленно вышел, я не имел времени ему ответить. Я счастлив, что имею случай этот уверить Вас в отличном уважении и почтении, с которым я имею честь быть, Милостивый Государь, Вашим всегда покорнейшим слугою.

Р. К. Вилье

Его Превосходительству господину
Камчатскому Губернатору.
Прокламация.

Камеомеа III, Король Гавайских островов

Да будет это известно всякому, до кого это касается, что мы, Камеомеа III, Король Гавайских островов, этим объявляем им полный нейтралитет в войне, угрожающей теперь Великим Морским державам Европы, что наш нейтралитет имеет быть уважаем всеми воюющими, во всем пространстве нашей власти, что по нашим основным законам есть на разстоянии одной морской мили кругом всякаго из наших островов Гаваи, Мауи, Кокулове, Ланаи, Монокаи, Оогу, Кауаи, Нючау, начиная с места низкой воды, на всяком из берегов упомянутых островов и заключаая все проливы, разделяющие эти острова один от другого и идущие между ними; что все призы и поимки внутри нашего вышеупомянутого пространства противозаконны и что покровительство и гостеприимство портов, гаваней и дорог будет распространяться на все воюющие стороны, как долго оне будут уважать наш нейтралитет, и да будет далее известно всякому, до которого это касается, что Мы сим строго запрещаем всем нашим подданным и всем живущим в наших владе-

ниях участвовать в каперстве судов кого-нибудь из воюющих под опасностью быть судимыми и казненными.

Дана в нашем дворце в Гонолулу 16-го мая 1854 года.

Камеомае

ГЛАВА 3. ПОДГОТОВКА ПЕТРОПАВЛОВСКА К ОБОРОНЕ

Доходившие до Петропавловска слухи о начатии войны между Россией, Францией и Англией побудили Завойко позаботиться об обороне Петропавловска.

Меры и средства к обороне состояли в следующем:

С открытием весны было приступлено к вооружению Петропавловского порта пушками, доставленными на транспорте «Двина». Из числа их две бомбовых двухпудового калибра и три — 36-фунтового калибра пушки поставлены на батарее Сигнального мыса, на котором находился крепостной флаг.

Одиннадцать пушек 36-фунтового калибра накатили на первую батарею; для свободного действия орудиями увеличена площадь, чрез срытие части Сигнальной горы; на второй батарее делался земляной вал для защиты людей. Эти батареи предназначались для действия против неприятельских судов.

Для действия против десанта были поставлены пушки в следующих местах: 1) на Низменном мысу — девять старых 6-фунтовых пушек, 2) против перешейка Малой губы — пять медных 6-фунтовых, 3) шесть пушек 6-фунтовых на северной стороне Петропавловска, против озера, между горами Никольской и Мишенной.

Кроме сего, было одно полевое орудие 3-фунтового калибра, команда коего была составлена из казаков и сама могла перевозить орудие куда угодно. Одно 36-фунтовое орудие было поставлено на Дальнем маяке для сигналов.

Команда 47-го флотского экипажа, входившего в состав Петропавловского гарнизона с мастеровыми, мастерами и престарелыми инвалидами, состояла из 231 человека. Этого числа было недостаточно для действия при орудиях, а потому при орудиях были размещены писари морского ведомства, обученные, насколько позволяло время, к действию из пушек и из ручного оружия. Для отражения десанта на тех местах, на которых орудия не могли действовать, а равно и для прикрытия артиллерии против десанта, людей не было.

Но гражданские чиновники, а равно и жители порта изъявили намерение не оставаться праздными зрителями боя, пожелали с бодростью, не щадя жизни, противостоять неприятелю и наносить ему всевозможный вред. Обыватели окрестных селений и даже камчадалы тоже изъявили свою готовность биться до последней капли крови за свою родину.

Ввиду этого Завойко решил составить из волонтеров отряд под начальством избранного из его среды, непосредственно от Губернатора. Эти

обывательские отряды должны были пополнить слабый Петропавловский гарнизон. Все от мала до велика дали слово, что Петропавловский флаг будет свидетелем подвигов, чести и русской доблести.

ГЛАВА 4. СРЕДСТВА ОБОРОНЫ ПЕТРОПАВЛОВСКА В ДЕНЬ ПОЯВЛЕНИЯ ЭСКАДРЫ 17-го АВГУСТА

Ко дню появления неприятельской эскадры активные и пассивные средства обороны состояли в следующем:

Батареи: № 1-й на Сигнальном мысу из трех орудий 36-фунтового калибра и двух бомбовых двухпудового калибра. Командир Лейтенант Гаврилов, у него под командою: обер-офицер 1, нижних чинов 63.

№ 2-й на Кошке из 10 орудий 36-фунтового калибра и одного 24-фунтового. Командир Лейтенант князь Максutow 2-й; у него под командою: Гардемарины — 1, нижних чинов — 127.

№ 3-й на перешейке из пяти орудий 24-фунтового калибра. Командир Лейтенант князь Максutow 1-й; у него под командою: нижних чинов — 25.

№ 4-й на Красном Яре из трех орудий 24-фунтового калибра. Командир мичман Попов, у него под командою: гардемарины — 1, и нижних чинов — 28.

№ 5-й, вооруженная пятью старыми медными орудиями, на левом берегу Малой губы против перешейка, не имела команды и оставалась в бездействии.

№ 6-й на озере из четырех 18-фунтовых и 6-фунтовых орудий. Командир поручик Гезехус; у него под командою: нижних чинов — 31.

№ 7 у рыбного сарая из пяти орудий 24-фунтового калибра. Командир Капитан-Лейтенант Кораллов; у него под командою: нижних чинов — 49.

Одно полевое орудие, при нем Титулярный Советник Зарудный, нижних чинов — 19.

На батареях по 37 выстрелов на пушку.

Для отражения десанта: в первом стрелковом отряде под начальством Мичмана Михайлова нижних чинов 49. Во втором стрелковом отряде под начальством Подпоручика ластовых экипажей Губарева нижних чинов 50. В отряде волонтеров, за раскомандировками, 18 человек. В третьем отряде для потушения пожаров под начальством Поручика Кошелева нижних чинов 69.

А весь сухопутный гарнизон состоял из 567 человек.

Кроме того, находились на фрегате «Аврора» 284 человека и на пароходе «Двина» 65 человек.

При Генерале Завойко состояли: Правитель Канцелярии Коллежский Ассессор Лохвицкий, инженер Поручик Мравинский, гардемарины Колокольников, юнкер Литке и нижних чинов — шесть.

Всего же защитников Петропавловска в день 17-го августа 1854 г.: Генералов — 1, Штаб-офицеров — 4, Ober-офицеров — 37, Волонтеров и нижних чинов — 879.

От Кошки к берегу был проведен бон.

ГЛАВА 5. ПОЯВЛЕНИЕ НЕПРИЯТЕЛЬСКОЙ ЭСКАДРЫ

17-го августа в десять часов утра подан был сигнал: «Вижу военную эскадру из шести судов». В час по полудни пробита тревога.

Назначенные к орудиям стали по батареям. Первый стрелковый отряд расположился между батареями № 2-й и № 4-й в кустах, в закрытом месте; второй отряд — на гребне Сигнальной горы; третий с пожарными инструментами — около гауптвахты. Место пребывания командира порта было назначено у подножия Сигнальной горы, около батареи.

Волонтеры расположились у батареи № 7-й.

В половине пятого часа увидели входящий в Авачинскую губу трехмачтовый пароход под американским флагом; людей на пароходе было мало; пароход остановился, не доходя мили три до Сигнального мыса. Навстречу ему был послан штурманский офицер Прапорщик Самохвалов — для осмотра судна. Но пароход, завидя шлюпку, тотчас же повернул назад. В это время показалось на нем много народу. Защитники Петропавловска убедились, что эскадра, крейсирующая у входа, есть неприятельская. Проживавшие в Петропавловске американцы изъявили сильное негодование на коварства англичан, плывших под американским флагом.

18-го августа были поданы сигналы: «Эскадра из шести судов под английским флагом идет во вход губы»; в начале пятого часа по полудни в следующем составе: трехмачтовый английский пароход «Вираго», французский бриг «Облигадо», 48-пушечный фрегат «Президент», английский адмиральский 52-пушечный «Пик», английский 44-пушечный «Форт», французский адмиральский 60-пушечный и фрегат малого ранга с закрытой батареей «Евридис». «Форт» и «Президент» — под контр-адмиральским флагом, прочие шли под ординарными вымпелами.

Завойко, находясь в это время на батарее № 1-й, отдал приказание стрелять, если неприятельские суда не остановятся и будут проходить батареи.

В тот момент, как неприятельская эскадра поравнялась с Сигнальным мысом, на расстоянии от него дальнего пушечного выстрела, с нашей батареи № 1-й было пущено первое ядро.

Неприятель ответил сразу несколькими выстрелами.

Началась пальба 1-й, 2-й и 4-й батарей. Ядра и бомбы попадали в неприятельские суда с одной только батареи № 1-й.

Перестрелка продолжалась недолго. Эскадра, поворотив на *W*, вышла из-под выстрелов, и стрельба с наших батарей по приказанию Завойко была прекращена. Бой кончился в пять с половиной часов вечера. У нас не было ни убитых, ни раненых. Никаких повреждений ни на батареях, ни в судах, ни в городе не оказалось.

Неприятельские ядра, валявшиеся близ батарей, весили по 86 английских фунтов. Завойко заключил, что неприятельские орудия свыше двухпудового калибра.

Наступила ночь. Первый стрелковый отряд был переведен на кошку, к которой протянут был ласт для сообщения на баркасах, второй отряд расположился у перешейка. Волонтеров поставили у озерной батареи.

Батарея на Красном Яре, устроенная далеко от города, заставила опасаться, что неприятель сделает на нее ночью нападение.

Малочисленность же гарнизона не позволяла отделить особую партию для защиты батареи. Для отражения десанта необходимо было иметь отряды сосредоточенными.

Командиру батареи на Красном Яру было приказано удерживать неприятеля возможно дольше, а в крайности заклепать орудия и отступить на батарею № 2-й. Ночь прошла спокойно.

19-го августа эскадра стояла в том же положении. В шесть часов утра неприятель послал к Раковому мысу три гребных суда, которые сделали промер и, осмотрев город, не приставая к берегу, воротились к эскадре. Вскоре пароход снялся с якоря, отправился к выходу в море для рекогносцировки и скрылся за Раковым мысом; через несколько минут были слышны семь выстрелов. Через полчаса пароход показался на рейде, стал в северном конце эскадры и начал бросать из мортир бомбы через перешеек, Сигнальную и Никольскую горы. Фрегат также бросил несколько бомб и ядер через батарею № 1-й. Наши батареи молчали. Суда находились вне выстрелов наших пушек. Неприятель, убедившись, что за дальностию разстояния не может принести чувствительного нам вреда, вскоре прекратил канонаду.

В два часа дня показался из Тарьинской губы плашкоут под парусами, нагруженный кирпичом, имея на буксире шестерку. Плашкоут послан был в Тарьинскую губу за два дня до появления неприятеля. Плашкоут держал путь прямо на эскадру. Неприятель, дозволив ему приблизиться на одну милю, выслал семь гребных судов. Заметя их, плашкоут стал держать на *N* и удаляться от эскадры. Ветер, к несчастью, стих, и неприятельские гребные суда завладели плашкоутом.

В ночь с 19-го на 20-е диспозиция оставлена прежняя. Получено было от унтер-офицера Яблокова с Дальнего маяка, донесение, что из 36-фунтового орудия им сделаны в пароход три выстрела, на что пароход, ответив четырьмя выстрелами из мортир, поворотил назад в губу.

ГЛАВА 6. ДЕНЬ 20-го АВГУСТА

Рано на развете 20-го августа было замечено, что десант садился на десантные боты и шлюпки и приставал к пароходу. Общее движение на эскадре, частые сигналы, приготовления к снятию с якоря показывали, что неприятель намерен сделать решительное нападение.

Нападение ожидалось нашими на батарею № 4-й.

Между батареями № 2-й и 4-й был поставлен первый отряд стрелков и отряд волонтеров из 18 человек. Стрелки и волонтеры были поставлены на высоте в кустах.

Второму отряду стрелков было приказано расположиться у Сигнальной горы, а третьему для потушения пожаров в городе. Отрядам было крепко приказано не тратить времени на стрельбу, а прогонять неприятеля штыками и драться до последней капли крови.

Командирам «Авроры» и «Двины» было приказано защищаться до последней крайности, но если же нельзя будет действовать орудиями, то суда жечь, свести команду на берег и присоединиться к отрядам.

В семь с половиной часов утра на батарее № 1-й был приглашен священник Георгий Логинов отслужить молебен о даровании Всемогущим Богом победы Государю Императору. Неприятель во время чтения Евангелия начал стрелять в батареи бомбами и ядрами. Со свистом и шипением пролетали смертоносные снаряды над головами молящихся. Падали ядра вблизи берега, падали вблизи самой батареи, но не причинили никому вреда. Несмотря на страшную опасность, молебен продолжалось своим чередом. Не смутился пастырь православный, в своей светлой праздничной ризе служивший мишенью неприятельских орудий, не смутилась и маленькая группа молящихся. Горячо молилась эта маленькая горсточка героев, веруя своим великим русским сердцем в истину слова Божия: «На Тя, Господи, уповаем, да не постыдимся вовеки».

Пароход между тем взял на буксир с левого борта фрегат «Президент», с правого «Форт», а с кормы «Пик». В то время, как грозные неприятельские суда двигались по направлению к Сигнальному мысу. Завойко, войдя на батарею и показав команде двигавшиеся суда, сказал: «Ребята! Видите?! Многие из нас умрут славную смерть. Последняя молитва наша должна быть за Царя!» Мощное «Ура!» загремело ответом на слова командира! С батареи на батарею перенесся этот победный клич русских богатырей. Пароход приближался. Но дух защитников не ослабевал, а наоборот пропорционально разстоянию возвышался... Это были львы, готовые крепко постоять за свой город, далекий и малолюдный Петропавловский порт.

Стрельбы не было. Приказание: зря не стрелять исполнялось пока в точности. Но командиры батарей, находившихся на Сигнальной горе, не выдержали

и открыли огонь. Завойко приказал сыграть отбой. Пушки замолкли. Но к девяти часам утра фрегат «Пик», став на якорь вправо от Сигнального мыса, первый открыл продольный огонь по батарее № 1-й и по гребню Сигнальной горы. За «Пиком» в расстоянии полутора кабельтовых остановился «Президент», немного далее «Форт». Пароход держался южнее «Форта» и бросал в батареи бомбы.

Неприятельские суда расположились так, что наши «Аврора» и «Двина», равно как и батарея № 3-й не могли по ним действовать. Ядра с батареи № 2-й не достигали неприятеля, и было приказано прекратить огонь и стрелять только тогда, когда фрегаты приблизятся на расстояние действительного огня.

Наши батареи № 1-й и 4-й были совершенно открыты. Имея восемь орудий, оне дрались против 80 орудий трех фрегатов и парохода, на котором были и бомбические орудия, и мортиры.

Сначала неприятель действовал против батареи № 1-й, которая, находясь ближе прочих к фрегатам и имея два бомбических орудия, вредила фрегатам более других батарей. В три четверти десятого Завойко узнал, что лейтенант Гаврилов ранен. На батарею был послан Подпоручик Губарев. В исходе десятого с батареи № 1-й было донесено, что в команде, кроме убитых, много раненых осколками камней; у орудий повреждены стойки; на платформу навалилось от действия ядер так много земли и камней, что действовать орудиями невозможно.

Лично удостоверясь в справедливости донесения, Завойко приказал: заклепать орудия, взять оставшиеся заряды и отправить их на батарею № 2-й; команде вместе с первую партию стрелков идти к батарее № 4-й.

Такое распоряжение сделано потому, что в начале одиннадцатого часа от фрегата отвалили 13 гребных судов и два десантных бота с десантом не менее 600 человек и направились к мысу, южнее батареи № 4-й.

С фрегата «Аврора» сделали по десанту несколько выстрелов, но ядра не достигали десанта, а падали в море.

В то время, как десант двигался на батарею № 4-й, было отдано приказание: поднять крепостной гюйс на батарее № 2-й, и когда он будет поднят, то крепостной флаг с Сигнального мыса перенести в город. Сделать это было необходимо, потому что когда команда батареи № 1-й была отведена на батарею № 4-й, то флаг оставался без защиты.

В то же время было сделано распоряжение, чтобы батарейные командиры батарей № 3-й, 6-й и 7-й, не участвовавшие в это время в деле, оставив у пушек по два человека, шли бы со своей командой для отражения неприятеля, если тот устремится к Красного Яра на батарею № 2-й или в город. Сам же Завойко отправился к третьему стрелковому отряду и повел его к батарее № 2-й, где присоединился и командированный по приказанию Губернатора отряд с фрегата «Аврора» из 32-х человек нижних чинов под командою Мичмана Фесуна.

Командир батареи № 4-й Мичман Попов действовал по неприятельским судам все время отлично и по необыкновенному счастью, несмотря на град ядер, сыпавшихся на батарею, не потерял ни одного человека из своей команды. Когда Попов усмотрел приближение неприятеля, быстро продвигавшегося от мыса южнее Красного Яра, то спрятал в заранее приготовленное место оставшийся порох, сделал еще по выстрелу из каждого орудия, потом в виду десанта заклепал орудия и начал отступать, отстреливаясь, к первому отряду стрелков, спешивших вместе с волонтерами к нему на выручку.

Неприятель, завладев батареей, поднял французский флаг. Но в это время фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» начали стрелять в десант. С английского парохода по ошибке пущена бомба, которая лопнула в неприятельской толпе на самой батарее. Неприятель, не дожидаясь наших отрядов, побежал к шлюпкам и отвалил немедленно от берега. Отрядам приказано было возвратиться, ибо с фрегатов стреляли по ним ядрами.

Пароход на разстоянии дальнего пушечного выстрела два раза становился против фрегата «Аврора» и начинал бросать бомбы в суда и в город, но тотчас же был прогоняем меткими выстрелами с фрегата; ядра с транспорта «Двина» не долетали до парохода. Неприятель, принудив замолчать батареи № 1-й и 4-й, направил все орудия трех фрегатов и парохода на батарею № 2-й, которая служила теперь единственным препятствием к нападению на наш фрегат и транспорт.

Командир батареи Князь Максutow своим хладнокровием и мужеством оказал в этом деле неоценимую услугу. Сберегая людей за бруствером, в то время как батарею осыпало ядрами, бомбами и гранатами, он подавал пример неустрашимости, ходил по батарее и ободрял команду, выжидая время, когда фрегат «Президент», бывший к батарее ближе других, приблизится к ней. Князь Максutow посылал меткия выстрелы, распоряжаясь, как на учении. Батарея Максutowа стреляла с разстановками, но метко, не тратя даром пороха, которого было очень мало. Все усилия трех фрегатов и парохода заставить замолчать эту батарею остались тщетными. Таким образом, дело продолжалось до 6 часов вечера.

Во время самого боя командир «Авроры», зная, что на батарее № 2-й число картежей ограничено, отправил с фрегата на батарею порох. Этот порох под сильнейшим неприятельским огнем был доставлен благополучно на катере Мичманом Фесуном.

В продолжение боя фрегатов с батареею № 2-й фрегат малаго ранга «Еврис» и бриг подходили два раза, имея десант в шлюпках, под выстрелы батареи № 3-й и были прогоняемы ядрами. Одна шлюпка с десантом потоплена.

В то время распоряжались на батарее Лейтенант Анкундинов и корпуса морской артиллерии Прапорщик Можайский. В половине седьмого фрегаты отступили и стали вне выстрелов.

В сражении 20-го августа с нашей стороны убито: нижних чинов шесть; раненых: обер-офицеров один, нижних чинов 12.

Бомбардировка наших батарей за 20-е августа повредила их. Повреждения оказались следующие:

№ 1-й) У бомбической пушки сколот поворотный брус, деревянные станочные подушки; сломан болт у подъемной коробки; у 36-фунтовых пушек: у одной сломаны передняя и задняя оси, три колеса, лопнул брюк; у других орудий лопнули трое талей, четыре стрелки для закладывания их; сломаны четыре банника, два прибойника; платформа во многих местах поломана и замедляла действие орудий; бруствер поврежден ядрами; два орудия не расклепаны.

№ 2-й) У второго орудия перебит брюк, у четвертого окончание дула повреждено немного и перебит брюк, у восьмого левая станина и брюк перебиты, у десятого подбит станок.

№ 4-й) Перебиты у станков оси, три брюка, трое талей, изломаны прицелы у всех орудий, изломаны ударные молотки с коробками, расколота одна станина, взорвано два пороховых ящика; не нашлось: трех кокор, одной подушки, четырех колес, трех цапфенных горбылей и двух медных притравок.

Потеря неприятеля неизвестна. Убитые и раненые на батарее в Красном Яре, в том числе один офицер, увезены на шлюпках. Повреждения в неприятельских судах были не маловажны; наши ядра долетали большею частию рикошетом и били в корпус судна. В зрительную трубу различались во многих местах пробоины. Неприятель, отойдя на позицию, тотчас же приступил к исправлениям. В ночь с 20-го на 21-е были слышны на неприятельской эскадре плотничьи работы.

ГЛАВА 7. 21-е, 22-е и 23-е АВГУСТА

21-го числа неприятель продолжал исправлять повреждения и крепил пароход. В час по полудни от адмиральского французского фрегата отвала шлюпка по направлению к Сигнальному мысу. Это была наша шестерка, взятая неприятелем вместе с плашкоттом. На шлюпке пристал к берегу квартирмейстер Усов, жена его с двумя малолетними детьми и матрос Киселев.

Усов передал Завойко от французского адмирала письмо и рассказал ему следующее:

19-го августа утром они отправились из Тарьинской губы в Петропавловский порт на плашкотте с четырьмя тоннами кирпича, имея на буксире шестерку. Усов взял к себе жену, которая пришла к нему из деревни Озерной с двумя малолетними детьми. Неприятельскую эскадру они приняли за эскадру адмирала Путятина и хотя, подойдя поближе, увидели неприятельские флаги и повернули назад, но гребные суда, высланные с эскадры, отрезали им отступление. Выстрелы, слышанные Усовым и Киселевым, были приняты ими

за салютационную пальбу или пальбу в цель. Оружия оне не имели. Усов рассказал, что на фрегате «Форт» убито семь человек, и что французы приглашали пленных вступить к ним в службу, но они отказались. Что офицеры, отпуская Усова, обещали после взятия порта остальным пленным освобождение.

22 и 23-го числа неприятель продолжал исправлять свои суда.

17 августа, как известно, английский адмирал Прайс застрелился.

Газета «Standart» от 10-го декабря 1854 г. объясняет самоубийство Прайса так: «Начальник английской эскадры в Тихом океане Вице-Адмирал Прайс чрезмерно увеличивал трудности своего положения; кажется, изнемог от мысли об ответственности, которая на нем лежала». Газета сообщает следующие подробности: «По прибытии в Петропавловск Прайс имел с французским адмиралом совещание, на котором положено, что фрегат “Президент” (адмиральский) займет место против самой сильной неприятельской батареи. Окончив приготовления к сражению и отдав последние приказания, адмирал Прайс сказал громко: “Теперь мы готовы”. Вместе с последними словами он спустился в каюту. Через мгновение раздался выстрел; вбежавшие в каюту офицеры нашли своего начальника плавающим в крови и с разряженным пистолетом в руке.

Уведомленный о происшествии, французский адмирал тотчас приехал к еще дышавшему Прайсу, смерть которого последовала через три часа. Из того, что вышло наружу из этого печального разговора, следует, что смерть несчастного адмирала не может быть приписана ничему другому, как помешательству на одной постоянной мысли, перешедшей в сумасшествие. Весьма понятно, что эта неожиданная катастрофа произвела на обеих эскадрах всеобщее смущение и долженствовала изменить первоначальный план нападения. Адмирал Прайс родился в 1790 г.; служебное положение его было блестящее».

22-го и 23-го числа неприятель продолжал исправлять свои суда. Фрегат «Форт» исправлял корпус, пароход «Вираго» починивался, накренившись на правую сторону.

У нас тоже шли исправления повреждений. Батареи № 1-й и 4-й были приведены в состояние действовать: № 1-й — двумя бомбическими и одним 36-фунтового калибра орудиями; № 4-й — двумя орудиями 24-фунтового калибра. Более всех способствовал исправлению повреждений Прапорщик корпуса морской артиллерии Можайский.

ГЛАВА 8. ДЕНЬ 24-го АВГУСТА

В четыре часа пополудни 24-го числа было замечено движение на неприятельской эскадре. Неприятель приготовил десантные боты, баркасы и шлюпки для своза десанта. Пробили тревогу.

Петропавловский гарнизон приготовился к бою. Нужно было ожидать решительного сражения, так как эскадра по случаю близкой осени не могла долго оставаться в Камчатских водах. Завойко обошел батареи, отряды, суда. На его призыв драться, как подобает русским воинам, везде слышался один дружный ответ: «Умрем, а не сдадимся!»

Фрегат «Пик» стоял ближе к Тарьинской губе. В пять с половиной часов утра пароход взял на буксир два фрегата: с левого борта «Президент», с правого «Форт» и повел их по направлению к перешейку. Неприятель намеревался испытать счастье с другой стороны Петропавловского порта. Пароход отдал буксир французского адмиральского фрегата, который встал на якорь против батареи № 3-й. Потом пароход подвел адмиральский английский фрегат к батарее № 7-й; оставя «Президент» в двух кабельтовых расстояния от батареи, пароход ушел немного далее.

В день 24-го августа на стороне неприятеля были большие преимущества, 30 орудий фрегата «Форт» действовали против пяти орудий батареи № 3-й, совершенно открытой и не имевшей даже выгоды находиться на возвышенности. У озера 26 орудий «Президента» и бомбические орудия парохода громили крытую батарею, которая могла действовать только тремя 24-фунтовыми калибра полупушками.

Когда еще не выяснилось, куда пароход возьмет направление, первый стрелковый отряд был послан на позицию между батареями № 2-й и 4-й, но когда пароход поворотил к перешейку, то приказано было отряду возвратиться и стать около порохового погреба, где расположены были второй и третий отряды и 15 человек волонтеров, ожидая высадки десанта к озеру.

По приказанию Завойко, Капитан-Лейтенантом Изыльметьевым было прислано подкрепление к отряду 33 нижних чина с Гардемарином Кайсаровым под командою Лейтенанта Анкундинова. Первою открыла огонь наша батарея на перешейке.

«Президент», будучи еще на буксире, ответил огнем целого борта.

Наша батарея действовала скоро и успешно. Первыми ее ядрами сбит на фрегате «Президент» гафель, и английский флаг упал. Англичане поторопились его поднять.

На это раз фрегат стал на якорь близко от батареи, надеясь, вероятно, уничтожить ее немедленно; наши выстрелы попадали без промаха. Но силы были неравны. Батарея, осыпаемая неприятельскими ядрами, как дождем, лишившись уже многих своих защитников убитыми и ранеными, дрогнула. Она состояла наполовину из молодых солдат, присланных в Камчатку из Иркутска и едва еще привыкших управляться с орудиями. Командир батареи Князь Максutow бросился к орудию и начал сам заряжать его. Это подействовало на команду. Батарея, поддержанная геройским мужеством командира, продолжала гибельный для неприятельского судна огонь и утопила одну шлюп-

ку с десантом. Князь Максutow лично наводил орудия до тех пор, пока не пал с оторванной рукой. Пал Князь Максutow, и на фрегате «Форт» раздались клики радости. Так дорого ценили неприятели эту батарею и ее доблестного защитника.

Батарея, лишись командира, замолчала.

С фрегата был послан Мичман Фесун, но пока он съезжал на берег, неприятель продолжал громить батарею со всех своих орудий и привел ее в полную невозможность действовать.

Батарея № 7-й, защищенная земляным валом, держалась несколько долее и вредила, сколько могла, фрегату и пароходу. Командир, Капитан-Лейтенант Кораллов, оставался на батарее даже после того, как орудия были сбиты и завалены землею и фашинником, пока не был уведен с батареи, ушибленный бревном в голову. Получив донесение, что батарея не может действовать, Завойко велел команде присоединиться к стрелковым отрядам.

Сбив батареи, неприятель направил десант с двух десантных ботов и 23 гребных судов по направлению к батарее № 7-й. Десант шел под прикрытием сильного пушечного огня фрегата «Президент» и парохода. Огонь был направлен на Никольскую гору. За десантом следовал на шлюпке французский адмирал с обнаженной шпагой, отдавая приказания.

В начале боя 24-го августа Завойкою был послан второй отряд стрелков и 15 человек волонтеров занять вершину спуска Никольской горы к озеру, по которой неприятель легко мог взойти на гору. Это слабое подкрепление должно было выдержать первый натиск неприятеля. Остальные отряды находились у порохового погреба и, по мере надобности, могли быть двинуты немедленно, куда угодно. Между тем, казалось вероятным, что неприятель употребит усилия, чтобы овладеть батареей № 6-й на озере. Казалось вероятным потому, что взятие ее решало бы участь города.

По этой причине все наличные силы гарнизона держались сосредоточенно вблизи батареи и, несмотря на выгоды Никольской горы, с которой можно было действовать ружейным огнем по десанту, Завойко решил послать туда только 25 человек лучших стрелков. Судя по числу гребных судов, Завойко заключил, что десанту послано 700 человек. Для отражения их он имел всего 204 человека. Часть неприятельского авангарда, выстроившись на Кошке, обошла Никольскую гору и показала против озерной батареи, но неприятель, встреченный картечью с батарейных орудий и с полевого орудия (*единственного*) отступил, унося убитых и раненых.

Вторая попытка неприятеля броситься на батарею имела те же последствия. Командир второй стрелковой партии, которому было приказано стягивать цепь к тому месту, на которое устремляются большие силы неприятеля, следя за движением его к батарее, спустился ниже и открыл беглый огонь. В это время десантная войска быстро и безпрепятственно взошли на гору;

значительная часть их собралась на северной оконечности и начала спускаться вниз, остальная часть пошла по гребню и соединилась с десантом, высаженным к первому с пяти гребных судов, отваливших от фрегата малаго ранга «Евридис» и брига «Облигадо» к перешейку.

С этой стороны неприятель уже открыл ружейный огонь по командам нашего фрегата и транспорта.

«Евридис», державшийся в начале сражения под парусами, подошел потом к батарее Красного Яра на выстрел, но встреченный меткими выстрелами с сей батареи, которой командовал за недостатком офицеров корпуса морской артиллерии кондуктор Дементьев, и с батареи № 1-й, состоявшей под командой Мичмана Попова, отошел и стал западнее фрегата «Форт».

Бриг стал около самого «Форта» и бросал ядра через перешеек в фрегат.

Прежде, нежели десант показался на гребне, Завойко, убедившись, что неприятель, оставя намерение напасть на батарею с озера, поднимается в гору, послал отряд Анкундинова и Мичмана Михайлова занять северную оконечность Никольской горы и прогнать оттуда неприятеля штыками. Отряд Анкундинова пошел на левом фланге отряда Михайлова, а левее его был еще отряд в 30 человек из третьего стрелкового отряда под командою Поручика Кошелева.

Завойко, осведомившись, что второй десант уже свезен, дал знать об этом Командиру «Авроры» и приказал отрядить сколь возможно большую команду на Никольскую гору. В то же время туда был послан фельдфебель Спылихин с 17-ю нижними чинами из третьего стрелкового отряда. Остальные из третьего отряда оставались в резерве у порохового погреба.

Прапорщик Жилкин с командою в 40 человек был расположен левее гребня, а Лейтенант Пилкин по гребню; 31 человек под командою Мичмана Фесуна правее гребня. С батареи № 2-й были посланы 22 человека под начальством гардемарина Давыдова, который повел свою команду на гору между окопами третьего стрелкового отряда.

Неприятель, спускаясь с северной оконечности горы, открыл жестокий огонь по второй стрелковой партии, по команде озерной батареи и резерву. Но стрелки были скрыты кустами. Батарейная команда отстреливалась из-за рвов и из-за орудий. Резерв, сделав по неприятелю залп, стал под защиту порохового погреба; полевое орудие встретило неприятеля картечью. Так как отряды Лейтенанта Анкундинова и Мичмана Михайлова стали приближаться к неприятелю, то стрельба снизу была прекращена; в это время из находившагося при Завойке резерва он отрядил 30 человек под командою Капитана Арбузова и послал его в подкрепление отрядов. Ранее сего такое же подкрепление было послано командиром фрегата под командою Лейтенанта Скандракова. Малочисленные отряды наши, воодушевленные храбрыми командирами, дружно и безостановочно шли вперед, стреляя в неприятеля, и по-

том с криком «Ура!» наши в одно время ударили в штыки. Неприятель держался недолго и, несмотря на свою многочисленность и храбрость офицеров, которые умирали, но не отступали, побежал в беспорядке, стараясь добраться до гребня. Здесь их ожидала верная гибель: одни были сброшены с утеса штыками, другие сами бросались с утеса вниз, надеясь спуститься к берегу.

В бытность нашу в 1895 г. по делам службы в г. Николаевске, мы имели случай беседовать со старушкой, вдовой офицера Облизиной, которая, стоя у перевязочного пункта, видела, как союзники, бросаясь с горы, массами гибли в море. Ея воспоминания нами записаны и составят особую статью.

Утесы Никольской горы, крутые сверху, далее спускались почти перпендикулярно, и потому на берег падали только обезображенные трупы. Отступление неприятеля с северной оконечности и около перешейка совершалось в беспорядке, но не с таким уроном, ибо покатость горы в этом месте давала возможность скоро добраться до берега; спустившись вниз, неприятель побежал к шлюпкам, унося раненых и трупы убитых товарищей. Отступление на гребных судах было еще бедственнее для врага; наши отряды, заняв высоты, стреляли по сплоченной массе людей, убитые и раненые падали в воду или в шлюпки, откуда раздавались стоны.

Один фрегатный баркас ушел только под восемью веслами, на другом люди подымали вверх руки, как бы прося пощады; несколько человек брели по горло в воде, стараясь догнать удаляющиеся гребные суда, пускались вплавь; находили спасение немногие.

С фрегатов и парохода стреляли по гребню ядрами и бомбами, но отряды, избравшие хорошие позиции, нисколько не терпели от выстрелов. По приближении шлюпок к пароходу, он взял большую их часть на буксир и повел по направлению к Тарьинской губе. Остальные шлюпки пошли на веслах. Фрегаты снялись с якоря и пошли по тому же направлению. Сражение закончилось в половине двенадцатого часа дня. Отряды, убрав раненых, построены были в каре и коленопреклонением принесли благодарственное моление Господу Сил, ниспославшему небесную помощь к отражению вдвое сильнейшего неприятеля. По окончании молебствия все дружно воскликнули «Ура!» Русскому Царю! Так закончилась доблестная, геройская защита Петропавловска!

В сражении 24-го числа убито нижних чинов 31. Ранено: обер-офицеров два, нижних чинов 63.

Повреждения на батареях оказались следующие:

На батарее № 3-й у первого орудия отбита дульная часть, у второго расколот торельный пояс, разбито два станка, перебиты пара талей, сломан один банник, перебит один брюк и не оказалось одной подушки.

На батарее № 7-й у первого, третьего, четвертого и пятого орудий повреждены рамы. У первого орудия оторвана часть дула, у всех орудий сломаны

замки, у всех орудий перебиты брюки и тали. У седьмого и пятого орудий, кроме того, повреждены подушки, у второго расколот клин и нет одной подушки; пороховой котел пробит; буравья все сломаны, разбиты три кокоры.

На судах оказались следующие повреждения:

На фрегате «Аврора»: 1) Грот-мачта прострелена ядром на высоте между третью и половиной высоты от палубы. 2) Четыре пары вант перебиты бомбою. 3) Грот и крюйс-брам-стенги с громоотводами и правые шкофутные сети перебиты ядром. 4) Фор-марсовыя железныя путель-ванта и стень-фордуль перебиты ядром с правой стороны. 5) Поврежден во многих местах брам-такелаж ядрами и бомбами.

На транспорте «Двина»: 1) На форштевне с левой стороны по грузовой ватерлинии пробито ядром место в половину ядра. 2) На той же стороне у фоковых вант пониже белой полосы, повыше медной обшивки пробито осколком бомбы. 3) Перлень перешиблен ядром.

Повреждения в городе: сгорел рыбный сарай близ батареи № 7-й; повреждено ядрами 11 домов и пять других зданий, все повреждения могли быть исправлены; не разрушено и не сожжено ни одного здания.

В Петропавловском порте найдено 38 неприятельских трупов, в том числе четыре офицера. В плен взято четверо, из них трое опасно раненых. Принимая же во внимание, что был утоплен неприятельский катер, в котором было от 40—50 человек, и что один баркас, наполненный мертвыми и ранеными, шел только на восьми веслах и потерял, значит, не менее 80 человек, что в других гребных судах было много убитых и раненых и что, наконец, на неприятельских судах также не обошлось без потерь в людях, можно заключить без преувеличения, что потери неприятеля в сражении 24-го августа не менее 300 человек, а всего за время нападения на порт союзники потеряли до 350 человек. Взято английское знамя, семь офицерских сабель и 56 ружей.

На неприятельских судах были замечены следующие повреждения: на обоих фрегатах во многих местах пробоины в корпусе и перебиты ванты; на английском фрегате «Президент» сбит гафель и перебиты крюйс-стенги; на фрегате «Форт» перебиты фок-гик; на берегу были найдены обломки кормовых скреплений. На пароходе поврежден кожух. Несмотря на то, что английский контр-адмирал Прайс застрелился, английский контр-адмиральский флаг не был спущен во все время пребывания эскадры в порте.

ГЛАВА 9. 25-е АВГУСТА И УХОД ЭСКАДРЫ ИЗ ПОРТА

25-го августа пароход «Вираго» отправился в Тарьинскую губу, имея на буксире три баркаса. Прочия суда чинились. Батареи наши № 3-й и 7-й были исправлены в ночь с 24-го на 25-е августа. Первая укреплена земляным бруствером, а разрушенные укрепления второй исправились. Руко-

водили исправлением: Капитан-Лейтенант Тироль, Лейтенант Гаврилов и Капитан Корнилов.

26-го ночью пароход возвратился; неприятель поднял большие гребные суда в ростры; в восемь часов утра плашкоут наш был изрублен и пущен по ветру. На французском адмиральском фрегате поднята фок-рея, на английском адмиральском «Президент» поднята крьюйс-стенга.

В пять часов пополудни показался на рейде наш бот № 1-й под командою боцмана Новаграбленного и был уже в виду эскадры, но предупрежденный сигналами, ушел в море и передал известие о неприятельской эскадре встретившейся около Старичкова острова шхуне «Восток», шедшей в Петропавловский порт с депешами от Генерал-Губернатора Муравьева и с почтою. Шхуна ушла в Большерецк, а бот № 1-й, перескочив через риф, скрылся в морской бухте.

27-го числа эскадра, снявшись с якоря, вышла в море и скрылась из виду сего же числа. Бот № 1-й прибыл в Петропавловск 1-го сентября, а 2-го корвет «Оливуц».

Из бумаг, найденных у убитого неприятельского офицера, было видно, что общая численность неприятельского десанта доходила до 2 000 человек.

Известить о победе и представить ее трофеи — английское знамя был послан Князь Максutow, как наиболее отличившийся офицер.

Свое донесение Муравьеву о победе Завойко заканчивает так: «Неожиданное прибытие “Авроры” в Петропавловск способствовало к увеличению средств обороны порта, как орудиями, снятыми с фрегата для устройства батарей, так и тем, что из находящегося в нем большого комплекта офицеров можно было назначить в командование этими батареями и стрелковыми отрядами офицеров испытанных, которые сумеют воодушевить людей к победе. По первому удару тревоги вся команда была на фрегате, больные оставили госпиталь. Дух людей, вообще, был такой, что на ободрение командиров, сказанное 24-го августа, я получил единодушный ответ: “Умрем, а не сдадимся”».

Слова Завойко, что Петропавловский крепостной флаг будет свидетелем подвигов чести и русского мужества, исполнились во всей полноте.

ГЛАВА 10. ОТДЕЛЬНЫЕ ПОДВИГИ ГЕРОЕВ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО БОЯ

Начальник порта Генерал-майор Завойко во все дни обороны лично присутствовал на батареях, осыпаемых неприятельскими ядрами и бомбами.

Реляция Завойко от 6 сентября упоминает подвиги Князя Максutowа, Лейтенанта Гаврилова, Мичмана Фесуна, провезшего порох с «Авроры» на батареи под сильнейшим огнем неприятеля, священника Георгия Логинова,

служившего молебны на батарее в то время, когда батарея обстреливалась 80 орудиями, но кроме этих, так сказать, главных героев, многие чины Петропавловского гарнизона, не исключая даже детей, совершили ряд подвигов, которые покрыли русское оружие неувядаемой славой.

Мы скажем о подвигах чинов Петропавловского гарнизона подлинными словами начальников, ходатайствовавших о наградах своим героям-подчиненным, и извлеченными нами из дел Владивостокского портового архива.

Казачьей сотни пятидесятник Карандашев, будучи Командиром единственного в Петропавловске полевого орудия, во время сражения 24 августа, когда находившаяся при его орудии лошадь, получив пулю рану в левый глаз, утащила орудие в ров, находившийся у батареи № 7-й, то Карандашев, несмотря на град пуль, осыпавших ту местность, где находилось орудие, где было уже убито и ранено 13 человек, не теряя присутствия духа, удержал лошадь и орудие, навел его на неприятеля и только что хотел приложить фитиль, как был ранен в руку, но, несмотря и на это, он сделал выстрел, и так удачно, что неприятель после выстрела немедленно ретировался.

По случаю малочисленности Петропавловского гарнизона, Завойко был вынужден употреблять на должности кокорщиков кантонистов с десятилетнего возраста. Из числа этих кантонистов один был убит, а другого, по имени Матвея Хромовского, одну руку оторвало, а другую ранило. Были ранены и некоторые и другие кантонисты.

Кантонист Хромовский с удивительною твердостью духа переносил операцию, состоявшую в отнятии правой руки у плеча и мизинца левой руки. Во время тяжелой операции он, как свидетельствует Завойко, молчал и даже не стонал. Все дети-кокорщики исполняли свои обязанности во время сражения с превосходною расторопностью и были так веселы, что нередко по окончании сражений, тотчас после боя, начинали спускать кораблики. Завойко просил Муравьева довести о таком мужестве мальчиков до сведения Государя и для сохранения в памяти защитников Петропавловска подвигов детей исходатайствовать у Государя какое-нибудь пособие Хромовскому. Десятилетним еще ребенком Хромовский сослужил службу Царю, остался калекой и не мог не только снискать себе пропитания своими трудами, но даже не мог обходиться без посторонней помощи.

Боцман 47-го флотского экипажа Спылихин 24 августа, когда неприятель занял северную оконечность Никольской горы и распространился по ее гребню, был послан Завойкою с 17-ю человеками охотников забежать под гору вперед неприятеля и по кустам подняться на самую ее вершину. Спылихин выполнил этот маневр превосходно. Он достиг вершины горы в то время, когда часть неприятеля прошла верхний гребень и, как только другая партия неприятеля подходила к нему, он дал залп и с криком «Ура!» бросился в штыки. Неприятель не устоял и начал отступление. В это время подоспели к партии

Спылихина Фесун и Жилкин со своими отрядами, и неприятель был принят с трех сторон в штыки так, что центр неприятеля бросился с утеса вниз.

Боцман фрегата «Аврора» Суворовцев, заметя шлюпку, высаживающую на перешеек десант, с пятью человеками бросился на высаживающегося неприятеля и, несмотря на то, что неприятель был сильнее в несколько раз, принудил его возвратиться назад с большим уроном.

В то время, когда батарея № 2-й, находясь под страшным огнем неприятельской эскадры, лишилась многих своих защитников, писарь 47-го флотского экипажа Петр Томасов явился к командиру порта и просил назначить его на батарею № 2-й для пополнения ее убыли. Во время сражения 24 августа писарь Томасов, по свидетельству героя Князя МаксUTOва, исполнял свои обязанности при орудии, невзирая на смертоносный огонь, с примерною храбростию и хладнокровием.

Во время сражения 20 августа командиром батареи № 4-й был назначен кондуктор корпуса морской артиллерии 3-го класса Дементьев. В то время, когда десант осаждал город с северной стороны, один неприятельский корвет направился к Красному Яру с целью высадить десант; Дементьев под огнем с таким спокойствием наводил орудие, что четыре выстрела, сделанные по корвету продольно, нанеся ему чувствительныя повреждения, заставили его повернуть назад.

Петропавловские священники Георгий Логинов, Александр Логинов, Михаил Коллегов, будучи неоднократно призываемы к служению молебствий о даровании победы над врагами, совершали их во время действий неприятельской эскадры с очевидною опасностью для жизни. Под сильнейшим огнем эскадры они являлись сами на батарее, именем Бога Живаго ободряя защитников. Иеромонах Александро-Невской Лавры Иона во все время осады Петропавловска находился на фрегате «Аврора», служившем главною целию неприятельским снарядам.

Боцманмант Яков Тимофеев в бою 24 августа, изстреляв все свои патроны, с несколькими удалцами ударив на неприятеля врукопашную, отобрал у него несколько ружей и патронов. Из этих ружей и этими же отобранными патронами он стрелял с занятой им позиции по убегавшему в беспорядке неприятелю.

Матрос Иван Сумцов в первом рукопашном деле с неприятельским десантом, высадившимся 24 августа, проложил своим штыком путь к Начальнику партии, заколол его и тем произвел разстройство и замешательство у неприятелей. Наши воспользовались этим моментом замешательства, дружно нагрянули, и второе сильнейший неприятель в беспорядке бежал.

Корпуса морской артиллерии кондуктор 2-го класса Петр Белокопытов в то время, как неприятельская бомба, упав вблизи порохового погреба, готова была разорваться, отважно схватил бомбу в руки и сбросил ее в ров, где

и последовал взрыв. Сей смелый и доблестный поступок Белокопытова отворотил многия несчастья, могшия произойти от взрыва порохового погреба.

Штаба командира порта писарь Александр Левкович с полною отважностью и спокойствием действовал у орудия. Когда орудие было подбито и стало негодно к действию, Левкович выпросился присоединиться к отряду стрелков. Осыпaeмый градом пуль, под свистящими неприятельскими снарядами, он шел к месту расположения стрелков ровным, спокойным шагом. Такое презрение к смерти на виду у всех послужило к немалому воодушевлению чинов гарнизона.

Матрос Абубекеров и госпитальной полуроты унтер-офицер Тимофеев, завидя 24 августа неприятельский десант, высаживающийся на берег, бросились вдвоем на кучку неприятеля и уложили штыками семь человек. Когда неприятель повернул к шлюпкам, то Тимофеев и Абубекеров стреляли по отступающему неприятелю, несмотря на то, что Абубекеров получил три штыковые раны. Когда раны Абубекерова были перевязаны самим Василием Степановичем Завойко, находившимся поблизости, то Абубекеров взобрался на гребень горы и продолжал стрелять по неприятелю, приблизившемуся вновь. Он находился в строю до конца боя.

Матрос Алексей Степанов во время сражения 24 августа, отбив от прикрытия английского офицера, заколол его штыком. Будучи ранен, после перевязки возвратился в строй и был участником боя до конца сражения.

Матрос Халитов с замечательною отвагою отбивался штыком и прикладом от напавшей на него толпы английских солдат, заставил их отступить, причем убил четырех человек.

Матрос Алексей Данилов, будучи ранен пулей в живот, истекая кровью, страдая от ужасной боли, продолжал стрелять из ружья по неприятелю. Он ни за что не хотел оставить своего места. Только верный долгу воинской дисциплины он послушался своего начальника Лейтенанта Михайлова, приказавшаго ему отправиться на перевязку.

47-го флотского экипажа квартирмейстер Григорий Евстафьев был командиром орудия на батарее № 7-й. Когда его орудие было подбито, он отошел к следующему и действовал в качестве прислуги, также с беззаветною отвагою. Квартирмейстер Александр Соленый находился командиром орудия на левом фланге батареи № 7-й. Когда неприятельский пароход подошел на пушечный выстрел, то Соленый первый открыл и своими меткими выстрелами заставил пароход отойти. Когда орудие, которым командовал Соленый, было подбито, то он отошел к другому орудию и во время жаркого боя служил при нем прислугою, с полной неустрашимостью и хладнокровием.

Матрос Василий Попов в самый разгар перестрелки 24 августа был ранен пулею в верхнюю часть головы. Весь залитый кровью, на приказание идти на перевязку, он просил у Мичмана Фесуна позволения остаться. Получив

разрешение, он во время произошедшей затем штыковой свалки своим мужеством немало способствовал отражению неприятеля.

Всех, оказавших отличие в примерном мужестве, хладнокровии, за исключением перечисленных, было 75, которым начальство ходатайствовало у Государя Императора награждения знаком отличия Военного Ордена.

Из офицеров получил орден Святого Георгия Василий Степанович Завойко 3-й степени и Князь Максutow 4-й степени. Все участвовавшие в бою офицеры получили следующие чины и ордена с бантами. Из гражданских чиновников, из коих Коллежский Ассессор Лохвицкий исполнял у Завойко обязанности дежурного Штаб-офицера, получили ордена, им следующие чины 21 человек.

ГЛАВА 11. ПРЕДПИСАНИЕ МУРАВЬЕВА ЗАВОЙКО О МЕРАХ К ЗАЩИТЕ ПЕТРОПАВЛОВСКА НА СЛУЧАЙ ВТОРИЧНОГО НАПАДЕНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ

Весть о блистательной защите Петропавловска Генерал-Губернатор Муравьев получил 6 ноября 1854 г. В ответ на донесение Завойко о победе и его ходатайство о наградах, Н. Н. Муравьев 15 ноября писал Завойко следующие строки:

«Радостную весть о блистательном отражении англо-французской эскадры и десанта при нападении на Петропавловский порт я получил от Лейтенанта 47-го флотского экипажа Князя Максutowа. Ваше донесение я отправил с тем же офицером в Санкт-Петербург Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу.

Хладнокровие и распорядительность Ваши, личное посещение всех пунктов бывшего действия при мужестве войск, одушевленных Вами, были главнейшими причинами блистательного отражения неприятеля; я поставил себе приятною обязанностию представить об этом Его Высочеству; прошу Вас принять от меня изъявление искренней и душевной признательности, поздравить от моего имени всех тех, кои удостоились принять участие в этом деле, покрывшем новою славою русское оружие на краю отдаленнейших пределов Империи.

Вместе с тем уведомляю Ваше Превосходительство, что вместе все представления Ваши, касающиеся доставления весною будущего года разных предметов в Камчатку, и соображения Ваши, относящиеся до защиты Петропавловского порта на случай нападения неприятеля в будущем году, относительно доставления в Камчатку разных предметов продовольствия и прочаго, мною сделаны уже здесь надлежащая распоряжения, равно как и об отправлении по Амуру всего необходимаго для усиления Петропавловского порта; о некоторых же артиллерийских предметах я вхожу ныне с представлением

к Его Императорскому Высочеству. Все эти предметы, команды и продовольствие, будут сплавлены по Амуру с первою возможностью плыть по этой реке и будут доставлены к устью Амура не позже, как 15 мая, а потому необходимые для дальнейшей перевозки всех потребностей, в том числе 50 тысяч пудов провианта в Камчатку транспорты: “Байкал”, “Иртыш” и “Двину” отправьте из Петропавловска в бухту Де-Кастри с таким расчетом, чтобы транспорты эти пришли в бухту не позже 15 мая, где они тотчас по прибытии должны дать знать чрез Мариинский пост Контр-Адмиралу Невельскому.

Затем, обращаясь к обороне Камчатки, я, принимая во внимание невозможность усиления Петропавловского порта ранее начала июля сухопутными войсками, а также, соображаясь с бывшими действиями неприятеля, нахожу необходимым сделать следующее:

Первое. Уменьшить число батарей, чрез что сократится расход людей и безполезная их трата, тем более, что при бывшем бомбардировании Петропавловского порта самое деятельное участие в отражении неприятельских судов принимали и оказались вполне полезными только батареи на Сигнальном мысу, на Кошке и у Красного Яра. Две же батареи 24-фунтовых орудий на перешейке и перед озером, будучи открыты и лишены взаимной обороны, были в самое короткое время сбиты с большим для них уроном, не нанеся неприятелям почти никакого ущерба и нисколько не воспрепятствовали высадке десанта; для лучшего же успеха означенных трех батарей сосредоточить огонь их против входа в гавань Петропавловского порта, для чего батарею с Красного Яра перенести и устроить против Сигнального мыса, как было предписано мною 21 июня. Тогда взаимное действие батарей будет гораздо сильнее; по положению места сбить их неприятелю будет очень трудно и даже невозможно, или потребует от него такой решительности, которой флот его нигде в настоящую войну не показал, а защищать эту батарею от десанта будет гораздо ближе.

Второе. Все вышесказанные орудия большого калибра, принадлежащие Петропавловскому порту, то есть бомбические и 36-фунтовые пушки, разделить поровну на сии три батареи, ибо, как показывается из опыта, только эти орудия и воспрепятствовали судам войти в гавань. Распределение орудий по батареям полагаю так: пять на Сигнальном мысу, пять у кладбища и шесть на Кошке, где, впрочем, в пустые амбразуры можно вставить три фрегатские пушки, которые на фрегате уже бесполезны, и, зарядив их, сделать выстрел кортежью (если возможно выстрелить), когда неприятель подойдет уже близко. Фрегат и корвет в полном вооружении должны занять позицию в ближайшем, по возможности, к батареям расстоянии, имея, разумеется, рангоут спущенным, сколько возможно, сложив его даже на берегу. Расположение судов будет встречать неприятеля батальным огнем из всех орудий. В случае, если бы неприятель, несмотря на страшный огонь сосредоточенных ба-

тарей, решился бы продолжать приближаться и вошел бы под выстрелы 24-фунтовых орудий фрегата и корвета, которым не следует начинать пальбу рано, но, подпустив судно под выстрелы, действовать тогда с возможною быстротою и меткостью. Огня этого не выдержит ни одно судно, и отступит со значительным повреждением или будет потоплено.

Третье. Все батареи устроить закрытыми, имея вал и мерлоны достаточной толщины, дабы укрепления сии могли выдерживать действие неприятельских орудий. Батарея же № 1-й должна быть так устроена, чтобы она была сокрыта от продольных выстрелов с западной стороны, для чего батарею сию нужно углубить в гору до потребной степени, чтобы с западной стороны она была прикрыта оставленною частию этой горы.

Четвертое. При береговых батареях, долженствующих действовать против неприятеля преимущественно каменными ядрами, устроить печи для каления ядер и иметь сколь возможно большее число зарядов из запасов пороха на фрегате и корвете имеющихся; на судах же сих оставить лишь необходимое число выстрелов на тот крайний случай, если бы неприятель прошел на пробой, прямо на Кошку.

Пятое. Для действий против десанта из имеющихся в Петропавловском порте орудий малого калибра устроена уже батарея у озера по указанию моему в 1849 г., поныне при значительно увеличившихся средствах порта и по опыту бывшего нападения следует батарею еще усилить, имея несколько орудий, направленных на гору, чтобы сказанными орудиями обстреливаем был вход по дорогам, ведущим в Петропавловский порт с обеих сторон озера и часть горы по левую сторону, то есть внутреннюю пологость Никольской горы, которую надлежит очистить от кустов и деревьев, дабы не дать возможности неприятелю укрываться от нашего огня.

Шестое. Батарею № 4-й с левой стороны бухты против перешейка из орудий малаго калибра иметь в готовности с небольшим числом прислуги для действия картечью против неприятельскаго десанта, если бы он появился на внутренней покатости перешейка и самой горы.

Седьмое. Сверх того, для усиления защиты Петропавловскаго порта против десанта, который, по мнению моему, объясненному еще в бытность мою в Камчатке в 1849 г., подтвердившемуся ныне на опыте, должно всегда ожидать со стороны озера и перешейка, необходимо на самой вершине горы четыре малых блокауза с одним орудием наверху каждого; орудия эти могут при большом наклонении вредить неприятельскому десанту, как при высадке, так и при отплытии обратно, но главное назначение блокаузов препятствовать неприятелю ружейным огнем взобраться на гору, а когда взойдет, бить его ближайшим ружейным огнем; самые же блокаузы эти на высоте горы не подвергаются большим опасностям от выстрелов неприятельских судов, а десант не успеет взять их приступом, покуда подойдут

наши резервы снизу. Кроме того, один блокгауз, ближайший к Сигнальному мысу, должен препятствовать неприятелю, взошедшему на гору, спуститься с горы на нашу батарею.

Восьмое. Затем, в отношении распределения всех воинских чинов на суда, по батареям, в блокгаузы и в резерв, я назначаю следующее:

На фрегате и корвете оставить только третью часть команды. На трех батареях большого калибра иметь по 12 человек на каждое орудие, на батареях малого калибра довольно четыре человека на орудие, в блокгаузах по 12 человек лучших стрелков в каждом, а затем всех остальных людей иметь в резерве и держать в совокупности, направляя против неприятельского десанта не мелкими частями, а достаточно сильными отрядами, так как Ваше Превосходительство всегда благовременно будете предупреждены о приближении десанта из блокгаузов или с батареи у кладбища; ночью же принять все надлежащие предосторожности, чтобы открыть приближение неприятельского десанта сколь возможно ранее, устраивая секреты и на воде и даже посылая конные разъезды, чтобы предотвратить наши батареи от внезапного нападения.

Изложивши таким образом Вашему Превосходительству для руководства и исполнения предложения мои относительно защиты Петропавловского порта с теми средствами, которые ныне у Вас находятся, я не излишним считаю присовокупить, что прочно сделанные батареи, поставленные на надлежащих местах и действующие преимущественно калеными ядрами, в состоянии будут остановить со значительным уроном солидного и предприимчивого неприятеля, плывущаго на судах, а батареи против десанта, блокгаузы и сосредоточенные резервы, воодушевленные любовью к престолу и отечеству, при содействии их храбрости, под личным начальством Вашего Превосходительства, после одержанных уже побед отразят, конечно, с блистательным успехом неприятельский десант и в больших силах, чем было в нынешнем году.

Что же касается до устройства блокгаузов, по препровождаемым при сем Вашему Превосходительству чертежам и карте, на которых примерно назначено все расположение, то считаю нужным уведомить, что, опасаясь, дабы не встретилось затруднение в скорой постройке их в Петропавловском порте, я распорядился постройкою на р. Шилке по этому же чертежу деревянных блокгаузов, кои будут доставлены по навигации будущего года с первым сплавом по реке Амуру, а потом на транспортах в Камчатку. Между тем, для усиления сухопутных сил я покорнейше прошу Ваше превосходительство немедленно вызвать на службу с оружием и имеющимся у них порохом всех казаков камчатских сотен, от 16 до 60 лет, проживающих в Гижиге, Тигиле, Нижнее-Камчатске и Петропавловском порте, где они должны находиться с 1 мая по 1-е ноября, а потом они могут возвратиться по своим домам. Для охранения же магазинов в сказанных местах разрешаю оставить в Гижиге

не более 12 человек, а в Тигиле и Нижне-Камчатске только самое необходимое число казаков, то есть по два или по три человека, причем присовокупляю, что для выигрыша времени с настоящею почтою предписывается в Гижигу и в Тигиль, не ожидая предписания Вашего Превосходительства, распорядиться отправкою в Петропавловск казаков, дабы они могли прибыть туда не позже 1 мая будущего 1855 г.

В заключение поставляю себе долгом сообщить Вашему Превосходительству, что, принимая во внимание как представленное мне Вами донесение о нападении неприятельском, так и все другия обстоятельства, мне известные, я не считаю возможным допустить потопление фрегата и корвета, и хотя весьма было бы полезно, чтобы суда эти, или одно из них, были отправлены Вами вместе с транспортами в бухту Де-Кастри в апреле месяце, но, имея в виду, чтобы отправкою этих судов Петропавловский порт по прибытии особых подкреплений не будет иметь достаточной защиты, я решаюсь оставить их там, а транспорты: “Двину”, “Иртыш” и “Байкал” отправить без конвоя, в той надежде, что в мае месяце неприятельския суда в опасении ото льдов не покажутся в Охотском море и Татарском проливе, и прошу Ваше Превосходительство на транспортах сих отправить только самое необходимое число команды для управления парусами.

В бухте же Де-Кастри экипажи судов сих будут пополнены, если в этом встретится надобность, из 500 человек подкрепления, предназначенного мною для Петропавловскаго порта; все дальнейшия распоряжения будут сделаны лично мною, сообразительно с обстоятельствами. Ваше же Превосходительство покорнейше прошу с этими же судами донести об исполнении вышеизложеннаго, преимущественно словесно, чрез каждого из г.г. командиров, а для помещения на зиму подкреплений и 50 тысяч запаса провианта сделать зависящее от Вас распоряжение. В Большерецком прошу Ваше Превосходительство учредить с 1 мая самое быстрое сообщение, и на самом устье реки Большой иметь пост с сигналами для подходящих судов; на посту этом иметь смышленнаго и грамотнаго человека, которому Ваше Превосходительство сообщайте письменно о положении неприятеля и движении его судов, если таковые покажутся. Записки с поста должны передаваться Командирам судов, которыя будут подходить к Большерецку для получения сведений».

ГЛАВА 12. МЕСТНЫЕ СРЕДСТВА В ОБОРОНЕ ПЕТРОПАВЛОВСКА НА СЛУЧАЙ ВТОРИЧНОГО НАПАДЕНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ

Доблестно отразив англо-французскую эскадру и непременно ожидая весною будущего года вторичнаго нападения неприятельской эскадры на Петропавловский порт, Завойко имел в виду, что она непременно будет сильней количеством судов и команд против эскадры, бывшей здесь в августе

1854 г., так как последняя, не приобретя никакой выгоды, принуждена была уйти обратно с важными потерями; между тем, весною 1855 г. средства к защите Петропавловскаго порта предполагались вдвое слабее, ибо: во-первых, с выходом фрегата «Аврора» Петропавловский порт, кроме 22 орудий, на нем находящихся, лишился еще батарей №№ 3-й, 4-й и 7-й, устроенных из фрегатских орудий; эти орудия могли быть, хотя не вполне, заменены корветскими. Но батареи из 24-фунтовых коронад должны быть сбиты фрегатскими пушками, не сделав повреждений фрегатам, потому что такого калибра пушка бьет на 10 кабельтов, тогда как самый дальний выстрел корветской коронады только на 7 кабельтов. Во-вторых, корвет, поставленный в Малой губе, будет находиться в таком разстоянии, на которое корветские пушки не возьмут. В-третьих, корвет не может выслать столько команды, сколько фрегат, для действия против десанта. В-четвертых, из нижних чинов 47-го флотскаго экипажа выбыло из строя до 120 человек и, в-пятых, пороху и патронам имелось вдвое меньше против количества, находившагося налицо к 17 августа.

Обстоятельства сии Губернатор Камчатки представил на благоусмотрение Его Высокопревосходительства Генерал-Губернатора. И просил приказать при первой возможности прислать сюда до 300 чел. команды, считая в то число до 150-ти из команды фрегата «Паллада», остальные же 150 Завойко желал получить из старослужащих сухопутных войск. Просил он у Муравьева бомбических орудий и 20 орудий 24-фунтового калибра с фрегата «Паллады» с запасными станками, сколь можно более пороху, скорострельных трубок и прочих артиллерийских снарядов, и рапортовал, что высланный до сего порох ненастоящей доброты, отчего снаряды не доходили на должное разстояние, и от этого не последовало капитального повреждения судам неприятельской эскадры.

Завойко просил отправить порох из запаса недавних лет, тщательно укупорив его, дабы он не мог подмокнуть во время перевозки, и чтобы каждое место было не более двух пудов, чтобы, если потребуется, выложить порох на берегу в окрестных местах, то возможно было доставить по здешним средствам. Просимыя Губернатором у Муравьева пушки и артиллерийские снаряды он желал получить благовременно, чтобы в исходе апреля 1855 г. транспорт, прибыв к г. Капитану 1-го ранга Невельскому, принял с фрегата «Паллада» людей и прочее и немедленно следовал обратно в Петропавловский порт. Насколько же возможно было увеличить средства обороны Петропавловска, видно из рапорта Невельского к Завойко.

Невельской получил предписание Завойко 16-го октября в Николаевском посту. На это предписание 18-го октября 1854 г. он отвечал следующее:

«На предписание Вашего Превосходительства имею честь почтительнейше донести: 1) Из приложенных при сем ведомостей Ваше Превосходитель-

ство изволите усмотреть, в каких местах и в каком количестве находится артиллерия, порох и снаряды фрегата “Паллады”.

2) Фрегат “Паллада” не вошел в реку Амур. Я отправился 24-го сентября от мыса Лазарева вместе с фрегатом “Диана” в Татарский пролив препятствовать высадке неприятеля в этом проливе и покушениям его на Мариинский пост, что при селении Кизи. Г. Генерал-Адъютант граф Путятин при отправлении его отсюда полагал: оставить фрегат “Палладу” на зимовку в Императорской гавани с одними часовыми и, в крайнем случае, при нападении на него неприятеля, употребить “Палладу” вместо брандера или сжечь, а потому, где фрегат этот находится в настоящее время и что с ним сделалось, мне неизвестно.

3) Команда фрегата “Паллада” в полном составе, с дополнением самыми лучшими людьми и командирами с других судов, с фрегата “Паллада” взята г. Генерал-Адъютантом графом Путятиным на фрегат “Диана” со всеми больными, частью неспособными, в числе 250 чел., оставлена в постах вверенной мне Амурской экспедиции при весьма ограниченном числе г.г. офицеров.

4) Пристань, устроенная усилиями команд обоих фрегатов для сгруза артиллерии фрегата “Паллада” на мыс Лазарева, бывшими здесь равноденственными штормами разрушена до основания и не может быть вновь устроена ранее открытия навигации (что будет не ранее исхода мая месяца), потому что артиллерия сгружена на мыс Лазарева в таком месте, где устройство в продолжение весны вновь пристани будет совершенно напрасно, ибо весною при сильном напоре на эти места льда ее непременно уничтожит. Без пристани же нагрузка артиллерии большого калибра на суда невозможна. Мыс Лазарева находится от Николаевского поста в 75 милях. Это пространство должно проходить между мелями, по каналам.

5) Зимующий при Николаевском посту тендер “Камчадал” имеет важные повреждения в руле и даже в самом корпусе, и вообще весьма ненадежное судно; повреждения будут исправлены, но сверх сего не имеет якорей, каких в экспедиции так же нет.

6) Навигация по Амуру и Лиману в настоящее время закрылась.

7) По предписанию Генерал-Губернатора Восточной Сибири артиллерия фрегата “Паллада” назначена для вооружения крепостей при устьях Амура, где с будущей весной соединятся все наши запасы для здешнего края и для Камчатки, а команда фрегата “Паллада” вместе с командами экспедиции должна защищать места, здесь нами занятые, составлять гарнизоны воздвигаемых укреплений, которые должны быть готовы к будущей навигации.

8) По смыслу же предписания Г. Генерал-Губернатора, дивизион горной артиллерии в Де-Кастри должен препятствовать высадке неприятеля в этом заливе и покушению его на Мариинск, что у озера Кизи.

9) Исследования в продолжении нынешнего лета Лимана показали, что неприятель весьма легко может войти в реку и сделать на нас здесь нападение с целью отрезать прямое наше сообщение с Сибирью, уничтожить все наши запасы и, наконец, неприятель, не найдя в Петропавловском порте почти две трети судов наших, в здешних морях находящихся, без сомнения, в продолжение зимних месяцев будет стараться получить сведения, где они находятся. Китобои, которые в исходе сентября были в Охотском море и даже в Татарском проливе, могут доставить ему сведения о пребывании нашей эскадры в Лимане и о возможности по нему плавать. По этим причинам и здесь с будущею навигациею надо быть готовым к отражению неприятеля.

Оценивая и сознавая всю важность немедленного исполнения предписания Вашего Превосходительства об отправлении на тендере “Камчадал” одного горного орудия с надлежащим количеством бомб и ядер, картечей, скорострельных трубок и прочих артиллерийских снарядов, 12 человек офицеров с фрегата “Паллады” и одного командира конной артиллерии по всем вышеизложенным причинам я, к крайнему сожалению моему, ныне исполнить не могу.

Копия с этого донесения моего Вашему Превосходительству, равно и копия с предписания Вашего, ныне же с нарочным отправлена мною Г. Генерал-Губернатору, от которого к апрелю месяцу могут быть здесь все распоряжения по изложенным в этих бумагах обстоятельствам. Карта, подробные наставления в случае плаванья судов наших по Лиману и входа их в Амур, равно и все те распоряжения, какия угодно будет сделать Его Превосходительству, будут известны в заливе Де-Кастри к открытию навигации, то есть к началу апреля месяца.

При этом нужным считаю предварить Ваше Превосходительство, что плавание через Лиман из Татарского пролива в Охотское море и вход в реку Амур из этого залива прибрежным южным каналом для парусных судов, сидящих не более 12 футов, не встречает больших затруднений; плавание же парусных судов по Лиману и вход в реку Амур, как из Татарского пролива, так и из Охотского моря судов, сидящих до 20—22 фут, без надлежащих пароходов (буксирных, не менее 150 сил), которых здесь не имеется и нет надежды, чтобы в будущем лете были, весьма затруднителен и почти невозможен; с сказанными же пароходами весьма легко и просто.

В заключение сего долгом считаю еще предварить Ваше Превосходительство, что при последнем свидании моем с Генерал-Адъютантом, Адмиралом Путятиным, 1-го сентября Его Превосходительство предполагал ранней весной, то есть в апреле или начале мая, зайти на фрегате “Диана” в Петропавловский порт. Мне положительно известно, что на фрегате “Диана” пороха и всех нужных артиллерийских снарядов находится до 120 выстрелов на орудие.

Находившиеся на фрегате “Паллада” четыре бомбических орудия взяты на фрегат “Диана”, взамен которых оставлены четыре пушки с нижнего дека, кроме того, Его Превосходительство Ефим Васильевич располагал по приводе фрегата “Паллада” в Императорскую гавань взять с него большую часть пороха и снарядов из того количества, какое оставалось на фрегате, что Ваше Превосходительство изволите увидеть из ведомостей.

Из полученных от Вашего Превосходительства бумаг не видно, что транспорты “Байкал” и “Иртыш” находятся в Петропавловском порте, а потому я обязанностию считаю донести Вашему Превосходительству, что первый по проходе через Лиман в Петровское селение от мыса Лазарева 18 августа отправился в Аян, а из Аяна, сколько мне известно, вместе с транспортом “Иртыш” около 1 сентября отправился в Петропавловский порт».

ГЛАВА 13. РЕШЕНИЕ ОСТАВИТЬ ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ПОРТ

Великий Князь Константин Николаевич 21 ноября 1855 г. уведомил Муравьева, что Государь Император на донесении Завойко о принятых им мерах к обороне порта собственноручно написал: «Спасибо».

Его Высочество в особом рескрипте сообщил Муравьеву, что «Лейтенант Князь Максutow, прибыв в Санкт-Петербург 20 ноября, представил Его Высочеству английское знамя и донесение Муравьева от 7 ноября вместе с бумагами от Контр-Адмирала Завойко. «Я немедленно, — писал Великий Князь, — сам повез Максutowа в Гатчину к Государю, и Максutow имел счастье лично повергнуть к стопам Его Величества трофеи, взятые храбрыми защитниками Камчатки.

Поздравляю вас от всей души с отражением неприятеля и радуюсь, что наши моряки отличают себя истинно геройскими подвигами на берегах Восточного океана, как и на берегу Черного моря. Из Инспекторского Департамента Морского Министерства Вы получите подробное уведомление обо всех наградах, Всемилостейше пожалованных за оборону Петропавловского порта. Поздравьте от меня Камчатских героев с Монаршими милостями и скажите им, что Государь чрезвычайно ими доволен».

«Поспешая отправить к Вашему Превосходительству, — пишет Муравьев Завойко, — Адьютанта моего Есаула Мартынова со всеми Всемилостейше пожалованными храбрым защитникам Камчатки наградами, я покорнейше Вас прошу объявить им удовольствие Государя, поздравление Великого Князя и сказать им, что я вполне счастлив геройскими их подвигами и Монаршими к ним милостями и жду с нетерпением времени лично вести их в бой против неприятеля туда, куда призывает их для защиты отечества геройская их храбрость».

Есаул Мартынов прибыл в Петропавловск 3 марта 1855 г. 5 марта того же года был отдан следующий приказ командира Петропавловского порта Контр-Адмирала Завойко: «Спешу поделиться со всеми чувствами, возбужденными во мне искренне отцовской заботливостью Его Императорского Высочества Генерал-Адмирала о всех нас!

Государь Император, вполне понимая то затруднительное положение, в котором находится Петропавловский порт, как в отношении доставки продовольствия и подкрепления людьми и снарядами, так и в отношении того, что в будущее лето при наших настоящих средствах мы можем подвергнуться нападению неприятеля, непомерно превосходящего нас силами; понимая все это, и дорого цenia жизнь храбрых защитников Камчатки, уже знаменитых подвигами, Государь Император повелел Его Превосходительству Генерал-Губернатору сделать распоряжение к переводу всех чинов Морского ведомства в место, где их испытанное мужество принесет Отечеству значительную пользу, не подвергая их лишениям всякого рода неразлучным от оставления в Камчатке».

Этот пункт приказа требует пояснений.

На представление Генерал-Губернатора о предложенных им мерах к обороне Петропавловска, изложенных выше, Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Николаевич писал 29 декабря 1854 г. следующее:

«Ваше Превосходительство полагаете укрепить для будущего лета Камчатку, для чего потребуются большие усилия и невероятные труды, результат коих еще весьма сомнителен. Если неприятель решится действовать в превосходных силах, высадит порядочный десант, то едва ли все меры, которые мы в состоянии будем принять, будут достаточны для отражения его. Если же он подобного нападения не предпримет, то все усилия наши не будут нужны и составят нам лишний расход. Здесь мы приняли за правило защищать упорно в будущем году только те пункты, которые мы действительно в состоянии защищать, а прочие оставить без защиты, дабы не дать неприятелю возможность хвастаться победой.

В Сибири сильным пунктом, в котором может найти убежище весь тамошний флот и который мы в состоянии защищать, если мы соединим в нем все усилия наши, есть *не Камчатка, а Амур*, и потому не сочтете ли более благоразумным с открытием навигации не посылать в Камчатку военные силы, а, напротив, оттуда вывести оныя, снабдив только жителей продовольствием, которое спрятать внутри края, и затем безоружный город или местечко оставить в гражданском управлении. Собственно порт и морские учреждения упразднить, суда и экипаж вывести и все военные способы сосредоточить на Амуре.

Мысль эту я докладывал Государю, и она удостоена предварительного одобрения Его Величества».

На основании этого рескрипта Его Высочества Муравьев писал Завойко: «Имея в виду таковое Высочайшее одобрение, основанное на принимаемой системе действий и вообще против неприятеля, и зная, что эскадра наша в здешних местах не может быть усилена и в будущем году и, следовательно, Петропавловский порт останется без всякого благонадежного сообщения с устьем Амура или Аяном, а также, усматривая из полученных мною сведений, что неприятельская эскадра, действовавшая в настоящем году, усилена даже линейными кораблями, я признаю необходимым перенести из Петропавловского порта все находящиеся там: военные средства, морскую команду и управления, как военные, так и гражданские в Николаевский порт на устье Амура; оставить в Камчатском округе только управление земское, с присвоением исправнику всех тех обязанностей, кои возложены на земских исправников малолюдных округов Сибири, и почтовую контору».

Таким образом, этот приказ решил участь Камчатки. Центром внимания Государя и Высшаго Правительства с этого времени сделался Амур и его устье, а Камчатка и по наши дни остается забытой.

Эти два распоряжения и послужили основанием к вышеприведенному пункту приказа Командира Петропавловского порта. Продолжаю цитировать начатый приказ.

«Вследствие выраженной Высочайшей воли, Его Высокопревосходительство Г. Генерал-Губернатор изволил мне предписать: по получении этого известия вооружить суда, нагрузить на них казенное имущество и, посадив на них всех чинов морского ведомства и гражданское управление с их семействами, немедленно следовать к месту назначения. Объявляю об этом по командам, так же, как и вышеизложенную к нам Высочайшую милость, я со своей стороны спешу поздравить всех Вас, мои сослуживцы, мои товарищи в ратной славе, поздравить от души, благодарить от чистого сердца и сказать, что я считаю себя счастливым, командуя подобными молодцами, сказать Вам, что я горжусь Вами. Государь Император заботится о нас! Бог видит нас и Отечество, отдавая полную справедливость, шлет нам дары свои.

Кроме пожертвований, собранных жителями города Иркутска, подписка в пользу Камчатских защитников идет по всей Сибири и, судя по усердию, с каким спешат вносить приношения, видно, какое участие вселил во всех подвиг наш. Теперь нам остается важное дело; нужно употребить все усилия к возможно скорейшему изготовлению судов для выхода в море, и я надеюсь, что здесь, как и всегда, офицеры и нижние чины сделают все возможное, не щадя никаких трудов, работая со рвением, старанием и напрягая все силы. Надеюсь на это, тем более что каждый должен понимать, что успех нашего предприятия зависит от раннего выхода в море, чем, предупредив неприятеля, мы, при помощи Божией, можем надеяться достигнуть по назначению благополучно, так как соединенные англо-французские

эскадры не могут и думать, что мы оставим Авачинскую губу в столь раннее для навигации время.

Объявив по команде обо всем этом, я остаюсь в полном убеждении, что проникнутые чувством глубокой благодарности к Государю Императору и к его Отеческой о нас заботливости, все сделают, что возможно, для того, чтобы и впредь с именем героев-защитников Камчатки было соединено название неустрашимых моряков, не уступающих ни перед какими препятствиями и всегда готовых идти туда, куда зовет их долг службы Царю и Отечеству».

Того же дня был подписан другой приказ по порту, в котором писалось следующее: «Поручаю г. Командующему 47-м флотским экипажем завтрашнего числа, после обедни, собрать команды нижних чинов при г.г. Штаб и Обер-офицерах на площади в полной парадной форме, с ружьями и принести на древке крепостной флаг с фрегата “Аврора”. Я буду иметь счастье сам лично явиться к фронту, поздравить товарищей с Монаршими Милостями к нам и соответственно статута кавалеров Георгия раздать знаки ордена счастливым нижним чинам, которые будут избраны, и потом вместе принести благодарственное молебствие за помощь Божию к нам, за Царя и Россию».

ГЛАВА 14. ПЛЕНЕНИЕ СОЮЗНИКАМИ РУССКАГО ТОРГОВАГО КОРАБЛЯ «СИТХА»

Весть о блистательной обороне Петропавловска в октябре месяце дошла до Америки. Это известие прибыло в Америку одновременно с плененными союзниками русскими, плившими на торговом корабле «Ситха». Так как пленение «Ситхи» есть видный эпизод из борьбы горсточки русских людей с англо-французами, то не излишним полагаем извлечь из архивных дел Владивостокского порта всю переписку, касающуюся этого события.

«Несколько дней назад иностранные газеты, — пишет Политковский Муравьеву, — известили нас о нападении англо-французского флота на Петропавловск и об овладении двумя русскими судами, из коих один — корабль Российско-Американской Компании “*Cumtcha*”; вчера я получил формальное известие об этом из Санкт-Франциско, куда доставлена большая часть лиц с “Ситхи” на французском фрегате; а корабль “Ситха” уведен англичанами на остров Ванкувер. В Петропавловске съели они порядочный гриб и со стыдом должны были оттуда отретироваться; гарнизон, суда и батареи исполнили свое дело на славу.

Зная подробности этого события, любопытного для Вас, почтенный Николай Николаевич, я спешу сообщить Вам копии с двух полученных мною бумаг: первое — донесение Костромитинова из Санкт-Франциско от 2 (14) октября и два письма к нему находившагося пассажиром на “Ситхе” Титулярного Советника Хитрово, доставленного в Санкт-Франциско вместе с други-

ми пассажирами и описывающего как подробности взятия “Ситхи”, так и бой у Петропавловска. Я думаю, что эти сведения никаким другим путем еще до Вас не дошли, а потому мне весьма приятно может быть первому поздравить Вас со славным отпором, данным Вашими Камчадалами в столь неравной по силам борьбе.

Письмо Хитрово очень любопытно, хотя, может быть, некоторые подробности, переданные очевидцами в рассказах, могут оказаться не совсем верными; неизвестно только, какие с нашей были потери, и это будет известно только из Вашего донесения, но едва ли оно скоро последует.

Тотчас по получении сих сведений я повез оныя Великому Князю Константину Николаевичу, прочитал ему; Он чрезвычайно был этим обрадован; и это обстоятельство, конечно, много ускорит и поможет успешному ходу Ваших последних представлений, а в особенности на счет пароходов и фрегата.

Цесаревич также вчера говорил со мной об этом деле с особенным удовольствием. Последние известия из Севастополя от 12 ноября: дела все в одном положении; только оказывается значительная прибыль к потерям, понесенным неприятелем от бури 2-го числа. Сегодня же получено от Воронцова телеграфическое известие, перешедшее через Вену, а туда дошедшее из Триеста, что от этой же бури в Босфоре погибло: английских три транспортных судна и четыре больших парохода, из коих два потонули, и три малых парохода; а французских погибло: два линейных корабля и несколько других меньшего размера судов. Это с потерями около Евпатории и Балаклавы составит огромное количество и может равняться с морским поражением, самым чувствительным. Надобно ожидать, что будут и еще повреждения, ежели только, как по всему видно, они намерены там оставаться на зиму».

При этом письме была приложена копия с донесения агента Российско-Американской Компании.

«С крайним сожалением имею честь донести Главному Управлению, что корабль “Ситха”, под командою шкипера Конради следовавший из Аяна в Петропавловск, близ самой Авачинской губы был взят англо-французской эскадрой при обратном выходе оной из порта. Экипаж и пассажиры корабля были объявлены военнопленными, а корабль и находящийся в нем груз, заключающий в себе казенное и компанейское имущество и собственно торговое имущество, взяты в приз. Корабль “Ситха” и большая часть пленных отвезены на остров Ванкувер, в порт Викторию. Находящиеся же в числе пассажиров два военных офицера, четыре гражданских чиновника, два купца, один прикащик и два бывших при них служителя были перевезены на французском корабле и привезены в здешний порт. Означенные пленные, кроме военных офицеров, по распоряжению французского адмирала были здесь освобождены. Подробности сего печального события Главное Правление

усмотрит из прилагаемого при сем письма ко мне Титулярного Советника Хитрово, а также из краткого уведомления шкипера Конради.

В том же письме Главное Правление найдет сведения, собранные г. Хитрово от французских офицеров о неудачном покушении французской эскадры к овладению Петропавловским портом, а также предположения неприятеля на будущее время; обо всем этом я имел честь донести с нынешнею же почтою нашему послу в Вашингтоне. Храбрая защита Петропавловскаго порта, вследствие которой неприятельская эскадра, состоящая из пяти парусных судов и одного парохода при 196 орудиях, должна была отступить, весьма приятна. Все здешние газеты несколько раз наполнялись статьями о счастливом событии. В заключение долгом считаю присовокупить о дошедшем до меня слухе, будто бы неприятельские адмиралы заранее уже имели предписания своих правительств о взятии корабля “Ситхи” и других, под каким бы флагом они не находились».

Кроме этого письма Политковский получил из Вашингтона еще два письма, которые также препровождались к Муравьеву в копиях:

«Американские газеты наполнены известиями о геройской защите Петропавловска и о подвигах знаменитого союзного флота. Нельзя себе представить, как растет к нам участие в Америке. Американцы столь же радуются нашим успехом, как бы это касалось их самих, и нет конца насмешек над союзниками за их преждевременные хвастливые победы; теперь вопрос о Севастополе занимает всех более, чем собственные дела.

Все журналы твердят, что Россия есть естественная союзница Америки; указывают на те огромные торговые выгоды, которые Америка может извлечь из тесного союза с Россией, и так как журналы руководят здесь общественным мнением, то это не может остаться без благоприятных последствий».

При этом письме приложено несколько газетных американских статей о деле в Петропавловске. Некоторые из них будут помещены в «Северной Пчеле».

Но самое любопытное известие было получено из копии письма Хитрово, чиновника особых поручений Камчатского Военного Губернатора.

«По изъявленному Вами желанию, — писал Хитрово Костромитину, — знать подробности о взятии соединенной англо-французскою эскадрою “Ситхи”, корабля Российско-Американской Компании, шедшаго из Аяна в Петропавловский порт, и на котором находился я в качестве пассажира, отправляясь к месту своего служения, спешу изложить вам событие это, коего я был очевидцем.

Отправившись из Аяна 14 августа, мы после счастливого 14-дневного плаванья подошли в ночь с 26-е на 27-е число того же месяца к Авачинской губе. Опасаясь подходить близко к берегу по причине тумана командир судна Конради решился перейти на другой галс и выждать разсвета в таком положении. Известия об объявлении войны, полученные нами еще в Аяне, заставили его

быть осторожным и с тщательностью высматривать, не делает ли маяк каких-либо сигналов.

Успокоенный отсутствием оных, он в четыре часа пополудни поворотил снова и пошел при довольно свежем ветре ко входу в губу, который еще был скрыт от нас туманом. Около восьми часов туман начал очищаться; положение наше определилось, и на судне начались приготовления к отдаванию якоря, но самый вход был скрыт от нас Сигнальным мысом. В девять часов мы, к удивлению, заметили шесть судов, выходящих из губы, но которых по отдаленности распознать было невозможно.

Вместе с сим на север от них на самом горизонте показалось седьмое судно, признанное нами за шхуну. Присутствия такого количества судов в малопосещаемом Петропавловском порте возвратило капитану Конради его опасения и заставило повернуть и удалиться от усмотренных судов с возможной поспешностью, тем более что высота их рангоута делала эти суда весьма подозрительными. Вскоре мы убедились, что опасения наши не были тщетными, потому что пять судов прибавили парусов и пошли по нашему направлению. В то же время шестое судно, в котором мы узнали пароход, погнался за шхуною.

Я не могу умолчать о том, что при этом бегстве, в котором мы видели единственное средство спасения, капитан Конради и помощник его показали большое знание дела, а команда необыкновенную на купеческом судне находчивость в исполнении приказаний. Так между страхом и надеждою, установив паруса, шли мы в этом же направлении до двенадцатого часа, с ужасом замечая, что ветер стихает.

Суда, гнавшиеся за нами, представлялись нам яснее и яснее. Одно, что могло нас спасти, это туман, будучи скрыты которым, мы бы могли переменить направление и тем обмануть врага. Но Богу угодно было не допустить нас избегнуть плена; ветер притих, горизонт виден нам по-прежнему, и одно из судов, опередив другия, подошло уже к нам так близко, что мы легко узнали в нем фрегат большого ранга и различили английский флаг, им несомый.

Часов в двенадцать мы заметили это, тогда как английский фрегат, имея огромный рангоут, настигал нас с ужасающей быстротою. Бежать не было возможности, защищаться еще менее, оставалось покориться воле Провидения и отдаться в руки ненавистному врагу. Пушечным выстрелом было приказано нам закрепить паруса и спустить флаг. Фрегат лег в дрейф и отправил к нам две шлюпки с офицером и вооруженными матросами, чтобы принять командование и управление судном. В то же время английский пароход "Wirago" привел на буксире настигнутую им шхуну "Анадырь".

Сжалось русское сердце, когда вражья нога вступила на палубу; но делать было нечего, пришлось преклонить голову. По сигналу с адмиральского фрегата сделаны были распоряжения о снятии с нашего судна команды, переведенной

на английский 50-пушечный фрегат “President” и переводе пассажиров на 30-пушечный корвет “Evidice”. На “Ситхе” остались только капитан Конради, священник Колесов и якутский мещанин Попов с женами и детьми, две служанки, ученик финляндской школы торговли и мореплавания Кристирсон.

Из пассажиров же, имена коих Вам известны, оставлены были лишь купцы Степанов и Колесов с их прислугою, а все состоящие на государственной службе переведены на адмиральский 60-пушечный фрегат “Forte”. Простояв в виду берега до 29-го числа, причем англичане ограбили и предали огню взятую ими шхуну, соединенная эскадра отправилась по своему назначению, которое нам было неизвестно. 9 сентября английская эскадра отделилась от французской и пошла, как мне сказано было г.г. офицерами фрегата, в Ванкувер, уведа с собою приз для присуждения онаго. Французская же эскадра взяла направление в С.-Франциско, куда и прибыла в ночь с 21-е на 22-е число сентября месяца.

Здесь контр-адмирал Fevrie de Point объявил нам, что вследствие полученных им предписаний, лица, не принадлежащие к морскому или военному ведомствам, не должны быть признаваемы военнопленными, что на этом основании он может возвратить свободу всем пассажирам корабля “Ситха”, кроме Полковника Корпуса Топографов Афанасьева и офицера Морской артиллерии. Имея на то Ваше согласие, мы поспешили воспользоваться предложением адмирала, надеясь быть отправленными в Россию при первой возможности.

Изложив Вам это грустное событие, в котором Российско-Американская Компания лишилась одного из лучших своих судов, частные торговцы значительных грузов, которых ценность, по словам их, простирается до 150 тысяч рублей серебром, а мы, завезенные в чужую сторону, где бы мы были в самом затруднительном положении без Вашего милостивого содействия. Я не лишним считаю присовокупить некоторые сведения о славном для русского народа бое при Петропавловском порте, полученные мною от французских офицеров. Вот что они рассказывают.

Соединенная эскадра отправилась с Сандвичевых островов в Петропавловский порт, надеясь найти там эскадру Вице-Адмирала Путятина.

27 августа они увидели берег и легли в дрейф для совещания о приготовляемом нападении. От найденных на берегу американских матросов они узнали о присутствии в порте фрегата “Аврора”, транспорта “Двина” и об укреплениях, защищающих оный. По совещанию между адмиралами Прейс и Феврье де Пуант решено было сделать нападение на Петропавловский порт, стараясь, по возможности, щадить город и причинить вред “Авроре”, чтобы отнять у нея возможность выйти в море. 29-го числа, в то время, когда с обеих сторон готовились к бою, известие о смерти адмирала Прейс повергло всю

эскадру в смятение. Смерть эту объясняют неосторожностью при заряджании пистолета, но, по всем вероятностям, он погиб жертвою самоубийства; причины же, могущия побудить к этому поступку человека 60 лет, заслуженного и богатого, в то время, когда представляется удобный случай пасть со славою в битве со врагом, решительно неизвестны, а те, которые стараются придумать, основать самоубийство на странности его характера, ошибаются. Погребение Адмирала на берегу, куда тело было отвезено ночью, заняло все 30-е число (нового стиля) и отсрочило предполагаемое нападение, которое было произведено только 31-го числа.

По составленному плану решено было идти французскому фрегату “La Forte” и английскому “President” и, заставив замолчать наружные батареи, войти в самый порт и уничтожить “Аврору”. К двенадцати часам суда двинулись, но вследствие непонятных приказаний под огонь батареи подошел “La Forte”, и после боя, продолжавшагося 45 минут, он, видя, что подкрепления нет, отошел, заставив молчать две батареи, которым держаться было чрезвычайно трудно, потому что они были совершенно открыты, так что сами французские офицеры удивляются храбрости наших артиллеристов и отдают полную справедливость меткости их выстрелов.

Эта первая неудача возстановила союзников друг против друга, так что французы громко обвиняли англичан в измене. Негодование это было выражено Адмиралом Despointes, по-видимому, в довольно резких словах Капитану Никольсону, принявшему команду над английскою эскадрою после смерти адмирала Prise. Вообще, кажется, что в соединенной эскадре существует полное разногласие, так, например, разграбление и сожжение шхуны “Анадырь” было совершено англичанами, вопреки строжайшему приказанию Контр-Адмирала Despointes ничего не трогать.

Он про англичан всегда говорил так: “Взгляды наши на вещи так различны, что мы никак не можем понять друг друга. Разногласие это началось уже в Каллао, где соединенная эскадра стояла на якоре вместе с русским фрегатом “Аврора”, когда адмирал Despointes не согласился на предложение Price не выпускать “Аврору” с рейда”. Но возвратимся к рассказу.

Хотя неприятельские суда не потерпели значительных повреждений, но пушки наши довольно напугали их, чтобы новое нападение было отсрочено на несколько дней, так что было предположено произвести оное на 4 (16) сентября двояко: высадить десантные партии из 600 человек, а покуда ограничиться рекогносцировкой, при которой судам подходить довольно близко к укреплениям, но не причинять им вреда.

Итак, 4 сентября пароход Wirago прибуksировал суда под выстрелы укреплений, причем адмирал Despointes прикрепил свои суда концами к английским фрегатам, чтобы быть уверенными в их содействии. Сделав это, паро-

ход высадил на берег 600 человек десанту, 300 англичан и столько же французов. Увлеченные первым порывом, матросы бросились в гору, не надеясь встретить сильного сопротивления, но были встречены меткими выстрелами наших стрелков, которые, будучи прикрыты камнями и кустами, не подвергая сами большой опасности, осыпали врагов градом пуль.

Сами французы признаются, что отступление их было еще быстрее, чем нападение. В страшном беспорядке, толкая друг друга, бросаясь с крутизны, они кое-как добрались до лодок и поспешили возвратиться к судам, которые, со своей стороны, отошли, заставив опять молчать несколько батарей, но не успев сделать ничего важного.

При этом последнем бое “Аврора”, как говорят, получила несколько ядер в мачты и корпус, но не была повреждена значительно, английский же пароход имел такое сильное повреждение, что должен был оставить бой для починки. Из прочих судов более всех пострадал “President”, но, благодаря крепкой постройке, ядра не сделали ему большого вреда.

Потеря их простирается до 400 человек убитыми и ранеными, в том числе два французских офицера и один английский убитыми и несколько раненых. С нашей стороны потеря неизвестна, но предполагалось, что убито два офицера.

Вот, по возможности, подробное и точное описание боя, славного для русских, доказывающего, что как ни страшны силы, возставшие против России, но при этой преданности престолу ее защитников бояться ей нечего, ежели горсть героев с малыми средствами к защите могла с выгодой противустоять шести судам, несущим около 200 орудий огромного калибра и около 3 000 человек экипажа; что же будет там, где приняты все меры, сосредоточены все силы?

Итак, чем больше врагов, тем лучше, тем славнее победа. Доказательством того, как этот бой славен для русских, могут служить слова адмирала Despointes: “Генерал Завойко защищался храбро и со знанием дела. Я сожалею, что не мог пожать руки его; я не ожидал встретить такого сильного сопротивления в ничтожном месте”.

За день до боя взяты семь человек русских матросов, которые провозили куда-то кирпичи; видно, враги наши только и умеют побеждать беззащитных.

В заключение долгом считаю присовокупить, что занятие русскими Амура и Сахалина, равно как и присутствие там фрегата “Паллады”, известно соединенной эскадре, вероятно, чрез китобоев, и что из слов офицеров видно, что на будущий год с открытием навигации они должны выступить в крейсерство в Охотском и Камчатском морях вместе с китайскою дивизиею, которая намеревается пройти через Татарский пролив и постарается уничтожить русские поселения по его берегам».

ГЛАВА 15. ПЕРЕНОС ПЕТРОПАВЛОВСКАГО ПОРТА В НИКОЛАЕВСК

Из предыдущаго мы знаем, что Петропавловский порт было приказано оставить 27 декабря 1854 г. Муравьев писал Завойко: «Покорнейше прошу Ваше Превосходительство с получением сего немедленно приступить к нагрузке на все, находящиеся в Петропавловском порте военные суда и транспорты, по Вашему усмотрению, всех военных предметов, команд и чинов; причем нужным считаю присовокупить, что из сказаннаго порта должны быть взяты решительно все годные к употреблению орудия, снаряды и разные военные и морския принадлежности, которыми неприятель мог бы воспользоваться и употребить для своих надобностей; необходимое же для казаков и чиновников гражданского ведомства.

Количество пороха и жизненных припасов должно быть оставлено с тем, чтобы все это перевезено было и укрыто, согласно мнения Его Высочества, в совершенно безопасныя от неприятеля места. Затем из морских команд могут быть оставлены только те люди, которые по дряхлости или увечью бесполезны для службы. Что же касается до казаков, то они должны остаться в Камчатке для нанесения сколь возможно большаго вреда неприятелю, который бы решился по занятии порта удалиться от берегов вне выстрелов своей артиллерии, а также для Земскаго Городоваго Управления в Камчатке.

При отплытии Ваше Превосходительство обязаны сделать все необходимые распоряжения по управлению Камчатским округом, дабы впоследствии не встретилось каких-либо затруднений в случае, если война продолжится, причем должно снабдить Исправника надлежащею инструкцией относительно хранения военного имущества и действий в случае неприятельскаго появления, с которым по удалении войск не представляется уже возможности бороться в порте, но следует только лишить его возможности воспользоваться каким бы то ни было казенным или частным имуществом, а также распространиться в крае далее пушечнаго выстрела его кораблей.

Изложив, таким образом, Вашему Превосходительству в главных только чертах основание Ваших действий при упразднении порта и перенесении управлений военных и гражданских на устье Амура, я убежден, что при Вашей опытности и истинной любви и преданности к Престолу и Отечеству, Вами не будет упущено из вида ни одного обстоятельства, ведущаго к прямой пользе ввереннаго вам края, как в отношении ближайшаго его управления, продовольствия жителей, возможнаго сообщения с материком, так и нанесения вреда неприятелю, который бы решился занять Петропавловский порт; с моей же стороны считаю нужным присовокупить только следующее:

1) Если признаете возможным, как для сношений с иностранцами, так и для лучшаго надзора за действиями местных властей по исполнению Ваших

инструкций, то можете оставить в Камчатке, кроме Исправника, и другого чиновника или офицера из находящихся в Петропавловском порте.

2) Казаков, которые будут сосредоточены со всей области в окрестностях Петропавловска, подчинить одному вполне благонадежному офицеру и расположить недалеко от Авачинской губы на пути к Большерецку, откуда они должны содержать посты, как в самом порте, так и по направлению к Большерецку; с прибытием же неприятеля в порт пост должен оттуда отступать вместе со всеми остающимися еще жителями во все время неприятельского там пребывания; казаки обязаны из скрытых мест наблюдать за его действиями, и как только партии его покушались бы идти во внутрь страны, то поражать их всеми средствами и силами, распуская при том слух, что внутри края находятся значительныя силы наши.

3) Для усиления казаков Ваше Превосходительство можете раздать: оружие, порох и заряды, как казакам, так и благонадежным жителям порта и окрестностей и даже можете оставить при казаках одно маленькое подвижное орудие с некоторым числом снарядов, которое должно находиться при главных их силах вне порта, и взять с них присягу, что они орудие это ни в каком случае не оставят в руках неприятеля.

4) Из находящихся у Вас мореходных ботов весьма было бы полезно оставить один с благонадежным офицером и командою в Большерецке, как для того, чтобы сохранить в крайности сообщение по Охотскому морю, так и для сношения сигналами с теми судами, которые от устья Амура туда посылаться будут.

5) Купеческия магазины, не исключая таковых и Американской Компании, должны вывезти из порта внутрь края свои товары, предназначенные для торговли в Камчатке, чтобы неприятель не мог ими воспользоваться, а кто не желает отправить таковые с Вашею эскадрою, то разрешите, имея, однакож, в виду, чтобы остающиеся в Камчатке чиновники, казаки и жители не оставались без необходимых предметов к жизни; и

6) В отношении казеннаго продовольствия казаков, Ваше Превосходительство, снабдите всех, кого следует, а товары оставьте для продажи жителям из находящихся в Петропавловске запасов на время, сколь возможно большее, имея в виду, что для эскадры, так и для управлений, следующих с Вами к устью Амура, весьма достаточно взять только на шесть недель. На Амуре же заготавливается всего этого большие запасы для полного и долговременнаго обезпечения всех войск и команд, но в Камчатку таковые до навигации 1856 г. доставлены быть не могут.

Затем, когда все будет нагружено, и предоставится возможность судам, прорубив лед, выйти в море, то вся эскадра под личным начальством Вашего Превосходительства должна без замедления следовать проливом Лаперуза в бухту Де-Кастри, но на пути этом поручаю Вам осведомиться в гавани,

называемой Императорской, и, если там находится корпус фрегата “Паллада”, то взять его с собою, а равно и весь находящийся на берегу груз. По прибытии в бухту Де-Кастри первого судна Вашей эскадры немедленно послать через казачий пост, там находящийся, дать знать туда о Вашем следовании с эскадрою состоящему при мне для особых поручений Контр-Адмиралу Невельскому, которому вместе с сим дается от меня надлежащее предписание, как об удобнейшем размещении команд, так и о проводе всех судов к мысу Лазарева в Лиман.

По прибытии эскадры к мысу Лазарева, там останутся фрегат и корвет, а транспортные суда пройдут в реку малым фарватером со всеми людьми и грузом, не выгруженным в Де-Кастри и не принадлежащим к фрегатам и корвету, а также заберут от мыса Лазарева весь груз и артиллерию фрегата “Паллада”, о чем покорнейше прошу Ваше Превосходительство войти в сношение с Контр-Адмиралом Невельским; но так как для укрепления мыса Лазарева понадобятся все 16 орудий большого калибра из Петропавловского порта, то таковые отправлять в реку не должно и, дабы не делать перегрузки, то лучше всего их нагрузить прямо из Камчатки на “Аврору” и на “Оливуцу”; всю же остальную артиллерию из Камчатки отправить на транспортах в реку.

В Николаевском посту сосредоточатся, таким образом, все четыре роты 47-го флотского экипажа, о чем и прошу Ваше Превосходительство сообщить Контр-Адмиралу Невельскому для зависящего размещения их по прибытии транспорта и немедленного приступления к возведению для них зданий для постоянного уже там местопребывания. Не лишним считаю здесь присовокупить, что впредь до дальнейших распоряжений вся эскадра наша, находящаяся на Восточном Океане, должна оставаться под непосредственным Вашим начальством, а также, что адъютант мой Мартынов получил от меня личное приказание исполнять все то, что Вашим Превосходительством возложено будет».

Этот приказ Генерал-Губернатора был получен в Петропавловском порте 3-го марта, а 6-го марта по порту был отдан следующий приказ.

«Вследствие Высочайшего Его Императорского Величества повеления о поспешнейшем оставлении порта, я предписываю г.г. командирам судов: фрегата “Аврора”, корвета “Оливуца” и транспортов: “Двина”, “Иртыш” и “Байкал” приступить немедленно к вооружению вверенных им судов, имея при этом в виду, что от быстрого и скорого изготовления судов к плаванию будет зависеть собственная безопасность всех и каждого, ибо неприятель, как известно, имеет намерение напасть на Петропавловский порт в числе 12 пароходов, пяти фрегатов и трех линейных кораблей, в силе, превосходящей силы, имеющиеся в Петропавловске, посему самое лучшее было бы отправиться отсюда по назначению никак не позже 1 апреля, дабы достигнув места

назначения можно было благовременно укрепиться в оном для отражения неприятеля; наконец, я прошу г.г. командиров внушить нижним чинам о возможно успешном производстве работ по вооружению судов».

Приказание Завойко, как видно из его последующаго приказа от 28 марта 1855 г., было исполнено дружно. Вот что писал Завойко 28 марта:

«Г.г. Штаб и обер-офицеры и нижния чины выказали неутомимое усердие при снятии укреплений г. Петропавловска, вооружении военных и транспортных судов и нагрузке на них казеннаго имущества. Через столь похвальную ревность к службе Его Императорскаго Величества в столь короткое время, что нет еще месяца, суда приготовлены к плаванию, несмотря на трудное время года и ненастные погоды. Принося Штаб и Обер-офицерам и нижним чинам искреннюю за сие благодарность о настоящем, составляю себе в непременную обязанность о настоящем подвиге довести до сведения Его Превосходительства и надеюсь, что в предстоящем плавании все будут воодушевлены тем же непоколебимым усердием, и что мы с Божией помощью достигнем места нашего назначения, где будем иметь время приуготовить со славою отразить врага.

Если же, сверх ожидания, мы встретим сильнейшаго неприятеля в море, то храбрость офицеров и молодецких команд, ручается мне, что ни в каком случае ни русское судно, ни наш военный флаг не достанутся врагам!»

31 марта Завойко дает следующие инструкции:

Командиру корвета «Оливуц»: «Цель плавания ввереннаго Вам корвета та, чтобы онный следовал вместе с фрегатом “Аврора” нераздельно в Императорскую Гавань, где оказать пособие фрегату “Паллада” и нагрузить на него все имеющиеся там казенныя вещи и перевести в залив Де-Кастри».

Командиру транспорта «Двина»: «Цель плавания ввереннаго Вам транспорта та, чтобы, отправясь отсюда, прибыв в залив Де-Кастри. Если Вы придете к сему заливу, а меня там не будет, то немедленно обратитесь к Контр-Адмиралу Невельскому о вводе ввереннаго Вам транспорта в устье реки Амура. Проходя мыс Лазарева, сдать там, по распоряжению Контр-Адмирала Невельскаго, если он признает за нужное, 36-фунтовыя большия пушки; с Лазарева мыса возьмите пушки фрегата “Паллада” и разныя вещи. При встрече с китобойными судами, Вы имеете их осматривать и, если они окажутся принадлежащими враждующим нациям, то Вы имеете таковыя брать».

Командиру транспорта «Иртыш» тоже прибыть в Де-Кастри и попросить Невельскаго ввести в Лиман.

Командиру транспорта «Байкал» то же, но здесь есть следующая приписка: «Надеясь, что Вы исполните долг русского офицера, предписываю: во время плавания стараться избегать встречать неприятеля, но, если, чего Боже сохрани, избегнуть сего будет невозможно, то Вы должны стараться принять самыя благоразумныя меры к спасению находящихся на судне

команды и семейств и уничтожить карты, потом уничтожить судно со всем грузом, а ежели под парусами Ваше судно окружат, то, делать нечего, повредите транспорт и, если найдете возможным, потопите, но так, чтобы совсем не погубло».

Командиру бота № 1-й: «Цель Вашего плавания та, чтобы достигнуть до залива Де-Кастри. По прибытии в сей залив и по узнании, что в устье Амура нет льду, Вы ступайте в это устье к посту Николаевскому, где о прибытии своем, если меня не будет, донесите Контр-Адмиралу Невельскому. В случае встречи с неприятелем имейте в готовности шлюпку, компас, воду, провизию, ружья и порох, и когда поедут к Вам неприятельския шлюпки, то прорубите бот и отправьтесь со всей командой на шлюпке; ежели неприятель оставит Вас на произвол судьбы, то с Божиею помощию старайтесь достигнуть берега, или, при встрече с судном дружественной нации, поступите на это судно; ежели неприятель возьмет Вас, то все же судно и груз не достанутся ему».

Командиру бота «Кадыак»: «С наступлением мая месяца Вы имеете выйти из Авачинской губы и скрыться в Жировой бухте. По исполнении сего сделайте распоряжение о бдительном наблюдении за выходом из Авачинской губы китоловного судна “Аян” Российско-Американской Компании и, получив сведения о том, что судно выходит из губы, приняв с одного депеши, Вы со вверенным Вам ботом отправитесь в Тигиль, где сдав как можно поспешнее грузы, отправляйтесь немедленно в Гижигу, в которой, сдав грузы, следуйте в Аян, где примете почту, масло для экипажа и все, что Вы достанете в Аяне для экипажа и для Амурской экспедиции, но не ожидайте в Аяне подвоза, и что будет в день Вашего прихода, то и берите и следуйте в Петровское зимовье, направляя плавание в усть Амура, где Вы получите дальнейшия приказания.

Но ежели во время нахождения Вашего в Жировой бухте Вы заметите, что неприятель прошел в Петропавловский порт, то в ночное время немедленно выйдите из бухты и следуйте в Большерецк, войдите в реку, укрепитесь в протоке и ждите известий из Петропавловскаго порта, по получении их следуйте, не заходя никуда, к Петровскому зимовью и доставьте известие о действиях неприятеля. Назначенное Вам плавание Вы имеете совершить как можно поспешнее, стараясь избегнуть встречи с неприятелем, для чего направляйте Ваше плавание ближе к берегам, имея всегда в готовности шлюпку с запасом пороха и провизии. Если спасти от пуль неприятеля нельзя, то сжечь его, а людям скрыться в лес. Если же неприятель застигнет Вас в море, то потопите немедленно все бумаги, а бот утопите или зажгите, чтобы неприятелю ничего не досталось с бота. Если кто из команды попадется в плен, то на разспросы, где наши солдаты, — отвечать: в Камчатке, в Анадырском устье скрылись; отвечать, что по Камчатке расположено пять тысяч казаков, что продовольствие

зимнее подвезено из Сибири к вершине реки Анадырь и по оной спускают для флота и солдат».

За благоразумное и счастливое плавание Командиру обещается производство в офицеры.

3 апреля 1855 г. Завойко с надписью «весьма секретно» доносит Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу следующее: «Согласно полученного мною предписания от Генерал-Губернатора Восточной Сибири 3-го марта сего года, я немедленно приступил к снятию укреплений, к исправлению и вооружению судов и нагрузки на них казенного и частного имущества и присутственных мест, также к устройству гражданского управления области. К 3-му числу апреля укрепления сняты, суда исправлены, причем мачты судна “Аврора” отремонтированы вставкою двух новых дерев; казенные, частные имущества и присутственные места нагружены; из малой губы до Сигнального мыса пропилен и выведен лед, и суда готовы к выходу в море.

По гражданскому ведомству сделаны все необходимые распоряжения, продовольствие жителей Камчатки обеспечено на два года. Адьютант Генерал-Губернатора Восточной Сибири Есаул Мартынов оставлен в Петропавловском порте за начальника над казаками и волонтерами и для надзора по гражданскому управлению. Офицер этот снабжен инструкцией для действия против неприятеля, а если он двинется далее Петропавловского порта, то и нанесения неприятелю вреда, какой, по обстоятельствам, возможно будет сделать». Из Петропавловского порта приказано вывезти во внутрь области весь провиант, порох, свинец и все казенное имущество.

Затем Завойко повторяет дословно приказ, которым благодарил команду порта за труды по подготовке к отплытию.

5-го апреля на имя Его Величества Завойко доносил, что «Аврора», «Оливуца», «Двина», «Иртыш», «Байкал» и бот № 1-й снялись с рейда в Авачинской губе и вышли в море, следуя к месту назначения. Завойко послал также уведомление о своем уходе к Генерал-Адьютанту Путятину; имея в виду обещание Невельского, что Путятин в апреле прибудет в Петропавловский порт. Завойко уведомил его также о том, что в Петропавловске оставлен начальником Есаул Мартынов...

ГЛАВА 17. ПОГРОМ НЕПРИЯТЕЛЬСКОЙ ЭСКАДРОЙ БЕЗЗАЩИТНОГО ПЕТРОПАВЛОВСКА

Адьютант Генерал-Губернатора Восточной Сибири Есаул Мартынов 6 августа 1855 года донес Завойко следующее:

«8 мая с Дальняго маяка дали знать, что в море на горизонте показались два трехмачтовые судна, из коих одно было очень большое, а другое по-

меньше; за туманом нельзя было рассмотреть, какие это суда: военные или купеческие.

Курс имели ко входу в Авачинскую губу. Китоловное судно “Аян”, назначенное Вашим Превосходительством для отвоза части железного парохода и некоторых оставленных здесь семейств, а также погруженное впоследствии семьястами мешков, до трех тысяч пудов муки для доставки в порт Аян, было уже совершенно готово и стояло на рейде. По получении известий о виденных в море судах, Командир “Аяна” не решился выходить в море, пока не узнает, какие это суда.

С 9-го по 12-е число виденные суда, имея свежий попутный ветер, в Авачинскую губу не входили, оставаясь в море примерно на расстоянии двух миль, и крейсировали между Поворотным и Шхунским мысами. 12-го числа получено известие с маяка, что к двум судам, крейсировавшим у входа в Авачинскую губу, присоединились еще два трехмачтовых судна и идут к берегу. Флагов эти суда не держали. По-видимому, все суда военные. Не сомневаясь более, что видимые суда — неприятельская эскадра, я потребовал от капитана “Аяна” утвердительный ответ: решается ли он выходить в море и надеется ли пройти мимо неприятельских судов, не быв ими замеченным, и когда Капитан Эмбер объявил мне, что он теперь не надеется пройти мимо неприятельских судов, не быв ими пойман, и решается остаться в порте, я тотчас же сделал распоряжение приступить к выгрузке с судна на берег казенной муки, а части парохода утопить в Маленькой губе, что и было исполнено в самое короткое время.

Мука вся выгружена и перевезена в Авачинский залив, где и сложена в выстроенном в течение двух дней магазине, а так как часть этой муки подмочена, и вообще вся она укупорена в тонких холщевых мешках, большею частию разодранных, о чем я уже имел честь донести Его Превосходительству, я решился, чтобы избежать порчи и дальнейшей траты, и приказал: муку эту выдавать оставшейся в порте части 47-го флотского экипажа и казачьим чинам. Пароход же утопил на дне самого блокшива “Джордж”. Командир судна “Аян” распорядился, со своей стороны, часть судовой провизии передать для сохранения проживающему в Петропавловском порте американцу Гезу, а часть перевезти также в Авачинский залив, куда перевезена и вся его команда с багажом.

Судно было разгружено до основания, оставлены одне голые мачты, и весь такелаж и паруса зарыты в землю; оставлен на судне железный магазин и мелкие вещи, принадлежащая матросам.

После этого, по неимению удобного места, где бы можно было скрыться, командир решил увести судно в култук Раковой губы и там постановил его на якорь. Когда на судне работы были окончены, нижние воинские чины занимались уборкою в порте вытаявших из-под снега разного железа и прочих

казенных вещей, и все это зарыто в дресве; оставленные же в порте пушки, снаряды и якоря были уже зарыты в дресву прежде. Из всех почти казарм и частию флигелей рамы со стеклами вынуты и зарыты в землю. Так что все казенное имущество, провиант и даже до последнего куса железа, что только можно было убрать, все было убрано до прихода неприятеля в порт.

С 12-е на 13-е число неприятельские суда продолжали крейсировать под устьем Авачинской губы, но уже гораздо ближе ко входу. 27-го числа получено с маяка известие, что неприятельский трехмачтовый колесный пароход привел с моря на буксире большой фрегат, оставил его у четырех видимых судов, а сам идет в Авачинскую губу; прошедши Бабушкин маяк, он тотчас же воротился; по выходе из губы пароход подходил к другим судам, а затем ушел в море и скрылся из виду.

18 мая, по донесениям с маяка, тот же пароход привел с моря к своей эскадре еще одно трехмачтовое большое судно, а потом за сильным туманом ничего не было видно. 19-го числа утром в море стоял туман; пополудни в устье Авачинской губы из тумана показались семь неприятельских судов, идущих во вход губы, из коих парусные фрегаты: английский адмиральский “Президент”, 44-пушечный, “Пик”, 44-пушечный и французский “Альсьет”, 50-пушечный; два английских винтовых парохода “Бреск” и “Дидо”, 22-пушечный и один английский железный пароход “Боракута”, который вел на буксире фрегат английского Контр-Адмирала; остальные шли под парусами.

Пройдя Раковый маяк, все суда стали на якорь. 20-го числа в десять часов утра колесный пароход снялся с якоря и малым ходом вошел в маленькую губу и, пробыв там не более получаса, возвратился к своим судам. В одиннадцать часов показалось в море трехмачтовое небольшое судно. Пароход в то же время вышел ему навстречу, взял судно на буксир и привел к Сигнальному мысу; оно было под американским флагом и казалось купеческим. Во втором часу пополудни пароход подвел на буксире американский фрегат к Сигнальному мысу. 23-го числа в шесть часов утра из тумана усмотрено было китобойное судно “Аян”, выведенное из култука Раковой губы.

В девять часов пароход отшел на буксире “Аян” к Сигнальному мысу; в час пополудни колесный пароход ходил в Тарьинскую губу и чрез час возвратился к своим судам. На крюйс-брам-стенге у него был поднят английский флаг.

24-го и 25-го числа несколько шлюпок занимались промером от Сигнального до Ракового мыса. Команда по берегам мыла свое белье. 26-го числа в одиннадцать часов утра неприятель зажег пороховой погреб и вслед за этим начал срывать все батареи; фашинник складывали в кучу и зажигали; с одиннадцати до шести часов вечера срывали батареи и жгли фашинник.

28-го числа целый день продолжали уничтожать батареи; 24-го числа в девять часов утра китоловное судно “Аян” от Сигнального мыса отведено было к Раковому маяку и поставлено подле винтового парохода “Бреск”. В двенадцать часов пополудни неприятель зажег казармы, баню, пекарню и магазины; пожар продолжался до вечера и во всю ночь.

30-го числа на всех судах, кроме одного парохода “Бреск”, ставшаго у Ракового маяка, поднимали на палубу гребные суда. 31-го числа вся эскадра, кроме одного винтового парохода, в пять с половиной часов утра снялась с якоря и ушла в море, но, быв встречена сильным противным ветром *S—O*, в одиннадцать часов возвратилась в Авачинскую губу. В море к ним присоединились еще два корвета: английский “Амфитрида”, 24-пушечный, и французский “Евридис”, 24-пушечный.

1 июня в одиннадцать часов винтовой пароход “Энконто” ушел в море; в четыре часа пополудни неприятель зажег здание, занимаемое аптекой. 2-го числа в семь часов утра колесный пароход взял на буксир фрегат и ушел в море; в пять часов вернулся с ними французский фрегат “Ля Форт” под адмиральским флагом. 3-го числа пришел английский корвет “Тринко-Малей”. 4-го числа снялось с якоря американское судно “Пик”, нагруженное солью и мукою и зафрахтованное в Российско-Американской Компании, ушло обратно на Сандвичевы острова, и с ним английский корвет “Дидо” и французский корвет “Евридис”.

В ночь с 7-е на 8-е число сожжен был дом и магазин Российско-Американской Компании. 8-го числа остался на рейде один английский корвет “Тринко-Малей”, и на нем поднят парламентерский флаг и через американца Геза предложен был англичанами размен пленных.

9-го мая я отправился на “Тринко-Малей” и 14-го числа взамен трех наших матросов, взятых на плашкоуте в Августе месяце прошлого года, отдал: один англичанин, один француз. 12-го числа вошел в Авачинскую губу английский 84-пушечный корабль “Монарх”, который с судном “Тринко-Малей” вышел в море 18-го числа. Китоловное судно “Аян” сожжено неприятелем 14-го числа. 26 июня вошли в гавань два американских судна: 24-пушечный корвет “Винцелс” и шхуна “Фенимор Купер” под начальством командира Роджерс. Суда эти принадлежали к ученой экспедиции и направлялись в море.

По требованию командира суда эти были снабжены дровами и переводчиком чукотского языка. Для чего был назначен мною гижигинский казак Кобелев; простояв три дня, суда эти отправились. 27 июня вошло в гавань зафрахтованное Российско-Американское судно “Левантор” с грузом муки для казны и различных товаров для продажи. Во исполнение словесного приказания вашего Превосходительства, в случае прихода в порт судна

“Левантор” отправить его на устье реки Амур, при всем моем на то старании, не успел его на то склонить.

Командир судна не согласился на эту поездку менее 8 000 долларов, но не получив никакого предписания Вашего Превосходительства на подобного рода сделку, я предоставил ему действовать по данной инструкции, вследствие чего он отправился в С.-Франциско.

До отбытия неприятельской эскадры вся воинская команда находилась вне Петропавловска. Так как для нижних чинов насажен по весне огород на хуторе, где многие чины приступили к заготовлению и постановке запора для улова рыбы, потом к постройке юрт вместо казарм для себя и для своих семейств, а как при них находятся два офицера и два медика с семьями, я приказал: из находящегося в старом остроге морского ведомства леса построить приличное помещение, чтобы со временем, при надобности, эти дома могли быть сплавлены в Петропавловский порт.

Транспортный бот “Кадык”, назначенный для отвоза провианта в Тигиль и Гижигу, вышел из Петропавловска 6 мая и во исполнение данной ему инструкции скрылся вдали от бухты, откуда, увидя, что неприятельская эскадра, крейсировавшая над входом в Авачинскую губу, 13 мая снялась с якоря, 25-го того же месяца “Кадык” подошел к устью реки Большой. Получив известие, что неприятель разослал суда в разные места Охотского моря, я приказал ввести бот в реку так, чтобы с моря его не было видно, и не выходить оттуда впредь до приказа.

Не получая с устроенного в Большерецке маяка известия о появлении неприятельских судов и полагая плавание бота безопасным, я решил отправить его с настоящим донесением».

Покинув Петропавловск на произвол судьбы, русские вместо покинутого порта в Камчатке желали основать таковой на устье Амура. Самым удобным местом для порта, по представлению Невельского, был Николаевский пост...

ВОСПОМИНАНИЯ О КАМЧАТКЕ И АМУРЕ (1854—1855)

Юлия Георгиевна Завойко (урожденная баронесса Врангель). Родилась 12 марта 1819 г. в Казани. С 1835 г. жила в Петербурге с родителями. В 1840 г. обвенчалась с В. С. Завойко, вскоре получившим назначение на Дальний Восток. Мать многочисленного семейства, советчик и помощник супругу. После его отставки занималась хозяйством поместья в украинском селе Великая Мечетня. Умерла в 1892 г. на 74-м году жизни.

Вся моя молодость прошла в далеких странах Сибири, куда в давно прошедшее время и попасть нельзя было обыкновенными путями. Тысячу верст из Якутска в Охотск приходилось ехать верхом, едва заметною просекой, с целым караваном, состоящим из всадников и вьючных лошадей. Ехали по дремучим лесам, по высоким горам, по топям, в которых иногда даже тонули лошади. Переезжали вброд, а подчас и вплавь большие, быстрые реки. Таким образом ехали целый месяц. Ночевали в палатках, которые на ночь ставились, а на утро убирались во вьюки. Каждое утро пущенных с вечера на пастбище лошадей ловили, седлали и вьючили. Караван пускался в дальнейший путь. Питались, разумеется, тем, что было с собой взято. Жилья не встречалось, разве кое-где берестовая якутская юрта.

По таким-то пустыням и первобытным дорогам лежал путь к берегам Восточного океана. К этим-то величавым берегам хочу я на несколько минут привлечь внимание читателя и поделиться воспоминаниями о событиях знаменательной эпохи, в настоящее время почти изгладившихся из памяти, а, вероятно, весьма многим даже и вовсе неизвестных. Испрашиваю заранее снисхождения, так как никогда не готовила я себя к авторской деятельности.

Внутри полуострова Камчатки встречаются прелестные ландшафты: цепь синеющих гор, идущая вдоль всего полуострова; роскошная зелень, богатая флора; большие прекрасные озера среди зеленых, покрытых цветами долин; бешено ревущие, быстрые пенящиеся речки; утесы, по которым цепляются рододендрум и другие прелестные цветы. Все это поражает своим величием и представляет совершенно неожиданные, живописные картины.

Я ограничусь описанием Петропавловска и постараюсь изобразить его подробно, так как этого требует мой дальнейший рассказ.

Из океана в Авачинскую губу входят узким проливом, окаймленным с обеих сторон высокими скалами. Пройдя этот пролив, судно входит в совершенно круглое, громадное озеро, более ста верст в окружности. Вид величественный. Озеро это в тихую погоду представляет совершенно гладкую поверхность, окруженную со всех сторон высокими горами, которые спускаются к заливу частью отвесными утесами, весьма разнообразной формы, частью пологостями, покрытыми свежою зеленью, кустарниками, лесом.

На задней стороне залива представляются ряды зеленеющих и синеющих гор, громоздящихся одна поверх другой и оканчивающихся громадными конусами, белые вершины которых высются над облаками. Самые высокие из них: Коряцкая сопка, потухший вулкан, и Авачинская сопка, еще действующий, который по временам разнообразит картину, выкидывая черные клубы дыма, и тем усиливает грандиозный дикий вид.

На северной стороне Авачинской губы в самой ее глубине находится малая бухточка, отделенная от Авачинской губы двумя высокими горами, соединенными между собой узким, но возвышенным перешейком. Северная часть их называется Никольская, южная оконечность — Сигнальный Мыс, защищающий малую бухточку. Никольская гора спускается узкою ложбинкой, в которой расположен Петропавловский порт. Эта ложбинка примыкает к противоположащей Петровской горе, составляющей матерый берег большой Авачинской губы; на склоне горы продолжается городок в виде бедных обывательских хижин и домиков, крытых травой. От Петровской горы к Сигнальному Мысу идет низкая каменная коса, оставляя у Сигнального Мыса глубокий вход в малую бухту; она составляет собою как бы природный мол, защищающий одну из лучших гаваней земного шара. Здесь и зимуют суда. Волнения в маленькой бухте никогда не бывает.

На берегу бухты расположены казенные магазины и адмиралтейство, выйдя из которого и идя вдоль ложбины по главной улице, придешь в ветхую церковь, единственную в городе: это Петропавловский собор. Ограда церкви и сад губернаторского дома отделяются только улицей. В этом саду довольно высокие деревья; их садила еще адмиральша Рикорд, первая русская дама, совершившая упомянутое выше дальнейшее странствие. За губернаторским домом в глубине ложбины расположены казармы и офицерские флигеля. Это новая часть города, выстроенная по перенесении сюда Охотского порта в 1850 г.

За городом у подошвы Петровской горы лежит большое озеро. Никольская гора оканчивается у самого берега этого озера крутым обрывом и кося, которая отделяет его от большой губы, а далее течет маленькая речка, соединяющая его с губою. Это озеро соленое. Вдоль большой губы идет опять гористый берег, поросший мелким лесом, свежей зеленью и цветами; тут в четырех верстах маленькое селенье Сероглазка и неподалеку от него хорошенькое местечко — Светлый Ключик, откуда видишь всю огромную бухту с ее входом и величественными берегами. В двенадцати верстах, идя вдоль большой бухты, лежит селение Авача, за ним вдали виднеется сопка Авача, наводящая нередко своим подземным грохотом невольный страх на окрестных жителей. Прямо за озером идет обширная долина, упирающаяся мысом в море. Она поросла мелким лесом и кустарником и называется Калахтырскою долиной. Вот местность Петропавловска.

Известно, что в Камчатке хлеб не родится. Камчадалы питаются преимущественно рыбой, которая ловится только весной и летом, хотя и в неимоверно большом количестве. Кроме того, они отличные охотники. Нередко можно встретить Камчадала, который уложил на своем веку до сорока медведей; их мясом они кормятся; жиром — освещаются. Это народ не глупый, весьма добродушный и послушный, чему в доказательство я приведу следующий пример. Их главнейшее богатство составляет ценный соболь. Прежде они его били во всякую пору, не разбирая того времени, когда матки щенные; мой муж старался вразумить их, как вредно для их же интересов бить зверя в это время. Они согласились и решили никогда более не бить соболя в марте и апреле. В наше время они возделывали овощи и картофель, который там очень хорошо родится.

Так как суда с провизией приходят только летом, то все служащие и обыватели закупают провизию на весь год. Зимой приходит почта, но приносит только письма. Затем все ожидают вскрытия льда и прихода судов. Более или менее начинает чувствоваться недостаток; запасы истощаются. В лавках в апреле, мае нет уже более ни пшеничной муки, ни сахару, ни чаю, ни масла. Все это и у служащих на исходе; все живут жалованьем. А кому из живущих на жалованье не известно, до какой степени тяжелы единовременные большие выдачи. Я испытывала это всякий год моей жизни в Камчатке; семейство было у меня большое, и кроме того, дом губернатора в дальней стране всегда был центром, куда собирались и поплясать под звуки незатейливого туземного оркестра, собирались и серьезно побеседовать, делили хлеб-соль...

Более двадцати лет прошло с тех пор, но я всегда с искреннею любовью вспоминаю их всех и каждого порознь. При мысли о каждом из них является теплое, родное чувство. В настоящее время многих уже не стало. Мир душам их! Память о них жива у меня в сердце, и никогда в нем не умрет. Многих я с тех пор и не видала. Быть может, многие забыли этот краткий эпизод их жизни у нас; но я их никого не забыла, и со всегдашним теплым участием забьется сердце, когда упомянут знакомое имя, переносящее в эту незабвенную для меня эпоху...

Вот назначается вечеринка, смешно назвать балом, но тогда говорилось: бал у губернатора. Идут приготовления, заранее, говорят, даже ангажируют дам. А у дам-то сколько хлопот с туалетом! Модисток нет, надо самим приняться за дело. Вы не увидите у подъезда ни карет, ни колясок; стоит несколько *нарт*, запряженных собаками — это приехали дамы. Пешком по снегу не пройти, а мушны по большей части приходят пешком.

В шесть часов осветился дом, а в семь часов бал уже в полном разгаре. Капельмейстер, играющий левою рукой, понуждает музыкантов пилить

ВОСПОМИНАНІЯ О КАМЧАТКѢ И АМУРѢ

(1854 — 1855)

I.

Вся моя молодость прошла въ далекихъ странахъ Сибири, куда въ давно прошедшее время и попасть нельзя было обыкновенными путями. Тысячу верстъ изъ Якутска въ Охотскъ приходилось ѣхать верхомъ, едва замѣтною просѣлкой, съ цѣлымъ караваномъ, состоящимъ изъ всадниковъ и вьючныхъ лошадей. Ъхали по дремучимъ лѣсамъ, по высокимъ горамъ, по топамъ, въ которыхъ иногда даже токули лошади. Переѣзжали въ бродъ, а лодъ часть и вплавъ большія, быстрыя рѣчки. Такимъ образомъ ѣхали цѣлый мѣсяцъ. Ночевали въ палаткахъ, которыя на ночь ставились, а на утро убирались во вьюки. Каждое утро, пущенныхъ съ вечера на пастбище лошадей ловили, сѣдали и вьючили. Караванъ пускался въ дальнѣйшій путь. Питались, разумеется, тѣмъ что было съ собой взято. Жилья не встрѣчалось, развѣ кой-гдѣ берестовая якутская юрта.

По такимъ-то пустынямъ и первобытнымъ дорогамъ лежалъ путь къ берегамъ Восточнаго Океана. Къ этимъ-то величавымъ берегамъ хочу я на нѣсколько минутъ привлечь вниманіе читателя и подѣлиться воспоминаніями о событіяхъ

Первая страница воспоминаний Юлии Георгиевны Завойко

на своих инструментах все тот же: «Чижик, чижики, где ты был». Но и под эти нестройные звуки весело танцуют, шумят, болтают. Там неподалеку, комнаты за две, спят мои маленькие дети и не слышать ни отчаянного визгу наших скрипок, ни усердного топая мужских сапогов. Вот после веселого, шумного ужина раздастся камчатская *восьмерка*, в которой старые камчатские жители принимают самое горячее участие; это нечто вроде старого экосеса или grosфатера. Одушевление общее. Часа в два-три все расходится, и долго слышится веселый говор идущих по горе. И на другой день за обедом и ужином вспоминают, обсуждают, смеются, шутят.

Как новинка манит всех катанье на собаках. Как описать эту езду? Маленькие саночки в виде плетеной очень узенькой лавочки, сзади и спереди загнутой, она обтянута медвежиной и на высоких, крепких кольщиках прикреплена к узеньким полозьям. Седок сидит совершенно один, либо боком, либо верхом; по мере надобности он вскакивает и направляет руками свой игрушечный экипаж; действительно, весь экипаж с его упряжью весьма похож на детскую игрушку; упряжь, разумеется, самая легкая, из ремешков. В подобный экипаж с одним ездоком впрягается хороших собак пять, иногда семь. Передовая собака — вожатый: она должна слушаться команды, так как ни вожжей, ни поводьев не приспособлено; «Ках, ках», — значит право; «Уг, уг», — лево; «А, а», — прямо. Но иногда седок может кричать, сколько угодно; собака заупрямилась и ничего не слушается. Для этого, впрочем, весьма обыкновенного случая, в руках у седока *оштол* — толстая палка с заостренным, обитым железом наконечником. Ее из всех сил втыкают в снег пред санками, чтоб остановить их. Но не сразу это удастся; придется иногда долго бороздить из всех сил по снегу; хорошо еще, ежели посчастливилось при всевозможных физических усилиях вразумить передовую собаку, куда ей поворотить, или вообще что от нее требуется.

Но вот дорога идет под гору: как разрезвившиеся школьники, дружно, без удержу летят собаки, санки раскатываются то вправо, то влево; надо хорошо держать баланс, а то как раз легкие санки перевернутся, и седок в снегу. Беда ехать лесом, когда вдоль дороги деревья; приходится искусно направлять санки *оштолом*, чтобы не шарahnуться из всех сил то о то, то о другое дерево. Собаки сбросили седока, они не остановятся, и из всех сил бегут далее; и вот приходится бедному седоку бежать из всех сил догонять их, чтобы не остаться одному среди снежной пустыни, где проезжие весьма редко встречаются. Вот вылетала куропатка, или шмыгнул в кустах заяц, и против воли седока, собаки стремглав за ними бросаются — ни крики, ни команда, ни оштол, ничто не помогает... Это потому-то весьма многие из молодых людей находили в ней большое удовольствие. Мои старшие дети — ловкие ездоки, они всегда ездили одни на своих маленьких саночках.

Есть экипаж для женщин, стариков и клади: это *нарта*; те же низенькие дровни, только несравненно длиннее и уже их; и сделаны гораздо легче.

С величайшим трудом езда требует много ловкости, сопряжена даже с некоторою опасностью; можно посадить двух седоков, но уже никак не в ряд, не в ширину, так как в ширину едва один влезает. Седоку приходится сидеть неподвижно, вытянув ноги. Нартою правит *каюр*, исправляющий должность кучера, но нелегко это ему дается. Он с усилием действует ошолом, беспрестанно должен вскакивать, поддерживать нарту, бежать подле; одним словом, хлопот каюру гибель.

Вот собралось большое общество ехать верст за десять к берегу океана. Санок и нарт штук сорок. Пред отправлением визг собак, крики седоков, сборы, хлопоты, дружный хохот. Нелегко было двинуться в путь такому большому обществу, особливо при своенравии собак. Поехали. Все кругом бело; на синем небе рисуются очертания блестящих гор, слегка окрашенных розовым оттенком солнца. Снег блестит кругом алмазами. Ездоки перегоняются, смеются, шутят; вот убежали пустые санки, передовые ловят шаловливых собак; а несчастный ездок, весь в снегу, с ошолом в руках, бежит сзади.

Приехали. Грозно смотрят черные воды Великого океана; сердито катят высокие буруны свои седые пенистые гребни и с глухим грохотом разбиваются о каменные скалы и утесы самых причудливых форм. В сторонке торчит белая вершинка сопки, и из нее ползет черная струйка дыму... Но вот, смотрите, какая славная поверхность озера; снег весь смело, гладко, как паркет; а ведь Петербуржцы давно не танцевали на паркете. И на грозном пустынном берегу Восточного океана составляется веселая кадрили. Дамы и кавалеры в *кухлянках*, малахаи на голове, *торбаса* на ногах, и превесело танцуют; по неимению музыки кто-то напевает.

Но все начинает прискучивать, разнообразия нет; до почты далеко; и вот дружно принялись опять за театр, который осенью был так прерван. Взялись опять за «Ревизора», собрали, хотя и с трудом, еще несколько пьесок. Дамы были так любезны, что охотно согласились участвовать. Начались очень веселые хлопоты: стали разучивать роли, строить декорации, рисовать занавес. Все устраивалось своими руками; сколько шуток, смеху! Городничиху играла девица, камчатская уроженка, никогда не видевшая театра; учить ее этому искусству выпало на мою долю, хотя я и сама только в детстве игрывала на домашних спектаклях. Была одна маленькая беда: городничиха имела неизбежный камчатский выговор и не могла выговаривать «С»; от чего у нее люди *светские* превращались в людей *шведских*, что всегда вызывало невольную улыбку и даже способствовало общему веселью. Впрочем, надо сказать, что «Ревизор» был разыгран прекрасно, говоря о мужских ролях, разумеется. Время было приятно занято, скука удалена. Я до сих пор с благодарностью вспоминаю, как все легко воодушевлялись, как удачно, просто, беззастенчиво все шло. Никто друг на друга не обижался — жили одною дружною семьей.

Всю эту зиму бывали веселые вечеринки и у матросов, и к ним собирался прекрасный пол их круга; и у них на вечеринках плясали до упаду, веселились, но все при том шло чрезвычайно чинно. И для них выбирали воинственные пьески и сцены, которые разучивались для неграмотных с помощью писарей, и возбуждали воинственный, бодрый дух.

У нас с мужем все это время шли тяжелые суждения. Ему выходил в 1855 г. срок службы в Камчатке. До начала войны мы были на этот счет вполне спокойны. Ведь пятнадцать лет прожили в этих отдаленных краях, пора домой. Детям подходило время для серьезного ученья; меня одной на всех их не доставало. Но что делать теперь, в военное время? Оставить его одного и увезти детей? Но это ужасно! Оставаться тут — жертвовать детьми!

Бывали у нас тяжелые, тяжелые минуты; говорили мы, говорили, но не приходили ни к какому решению...

Зимняя почта пришла в свое время.

3-го марта неожиданно приехал адъютант генерал-губернатора; он привез Высочайшие награды за отражение неприятеля и предписание, которое перевернуло все наши планы и предположения. Предписывалось: снять Петропавловский порт с его укреплениями, вооружить все суда, забрать гарнизон, и не только военных, но и гражданских чинов; принять на транспорты семейства, как первых, так и последних; изготовиться как можно поспешнее и с раннею весной выйти в море.

В порте не было никому известно, куда было предписано идти. Потому как между уходящими жителями, так и между остающимися ходили самые разнообразные или, лучше сказать, самые несообразные слухи. Говорили, что идут в Сан-Франциско, что порт переносят на устье Анадыря, что все идут в Батавию, где оставят транспортные суда, военные же пойдут ловить английские купеческие суда... Эти и подобные тому слухи были потом ревностно распространяемы Американцами, жившими в порте, и сбивали с толку неприятелей.

Мое положение было ужасно. Муж не хотел брать меня с собою, я ожидала в ту пору рождения десятого ребенка; да и вообще он считал неудобным брать с собою такую многочисленную семью, такую мелочь. Он решил оставить меня с детьми в Петропавловске; туда позднею осенью пришло китоловное судно Российско-Американской компании и зазимовало там. Оно должно было уйти в море, как только очистятся льды, и ему поручили завезти меня с семейством на Аян; со мною предполагали оставить немногие семейства гражданских чиновников, кончивших срок службы.

Трудно выразить, до какой степени ужасало меня это решение. Немногим в жизни выпадали на долю такие мучительные минуты. Приходилось расставаться с мужем, готовившимся в столь опасную экспедицию, что на успех ее представлялось весьма мало шансов; я сама должна была оставаться

за 12 000 верст от родины с десятью малютками на руках, с весьма шаткою надеждой добраться благополучно до отечества, до настоящей помощи, до родных. С тех пор прошло более двадцати лет, но когда подумаю об этом ужасном времени, у меня до сих пор кровь стынет в жилах.

Все, что в Петропавловске с таким трудом созидалось, теперь разрушали. Какой это был неимоверный труд: вырывать из-под глубокого снега пушки с батарей, ядра, провозить их по льду, уже не вполне надежному; грузить их на суда почти средь зимы. В марте еще стоял лед, для вывода судов его прорубали. Забирали все портовое имущество, все, что возможно было забрать, даже петли с окон и дверей, рамы, вьюшки... Работа была ужасная; работали неумоимо: ни снег, ни метель, ни слякоть — ничто не мешало. Боже мой! Сколько горьких слез, сколько сетований было тогда в Петропавловске! Многие из служивших в Камчатке обзавелись своими домами; имели свое хозяйство, свой скот, жили безбедно; теперь приходилось все это бросать, бросать задаром! Работа кипела; но Боже, как сердце ныло и болезненно сжималось по мере того, как приближалась эта ужасная разлука!

Наконец она настала.

2-го апреля были окончены главнейшие работы по нагрузке.

6-го апреля нашей эскадры уже не было в бухте — она скрылась из виду.

До сих пор я не понимаю, откуда у меня взялись силы перенести все это... Бог и эти рыдающие маленькие дети вокруг поддерживали меня. В порте был оставлен Губарев заведующим оставшимся казенным имуществом. Для командования казаками, ополчением и для главных распоряжений оставался адъютант генерал-губернатора, который привез последние распоряжения.

Мне некогда было предаваться горести. При большой семье нет отдыха и покоя; работа не прерывается; а я должна была, кроме того, скорее окончить сборы, чтобы при первой возможности выйти в море. Наконец 4-го мая нас свезли на судно. Недели за полторы пред тем у меня родилась дочь. Несколько дней туман и противный ветер не выпускал нас из гавани. Но вот небо прочистилось; потянул ветерок с берега; мы стали тянуться из губы, как вдруг сигнал с маяка: вижу суда в море. Еще несколько минут, и с маяка дали знать, что идет неприятельская эскадра...

Губарев мигом подошел с катерами, забрал нас всех и отослал на Авачу. Я была совершенно пассивна, делали со мной, что хотели. Это новое бедствие отняло у меня всякое сознание, парализовало все силы. Даже дети молчали; только старшие мальчики прямо и сознательно взяли на себя заботу о младших. Судно сгрузили и увели спрятать в одну из дальних бухточек обширной Авачинской губы; так заранее приказывал муж.

Не много шансов оставалось для нашего спасения! Увы, скоро и эта последняя надежда рушилась: неприятель-таки нашел и сжег судно.

И вот мы опять на Аваче. Бог, молитва и дети помогли мне восторжествовать над моим отчаянием. На другой день нас перевезли на хутор. Мы поместились в том же крошечном домике Мутовина, в тех же двух комнатках. На всем хуторке только и были домик Губаревых, домик Мутовина, где мы и жили, и еще одна хижинка. Это крошечное селенье лежало в котловинке, на самом берегу быстрой реки Авачи; за прозрачными ее струями расстилалась обширная цветущая долина, в глубине которой виднелась седая сопка Авача. С нашей стороны вся котловина была окружена зелеными, лесистыми горами; бархатными горами называл их мой Жоря (Георгий, второй сын Ю. Г., оставшийся старшим после смерти первенца Михаила. — *Ред.*). Это весьма меткое выражение; необыкновенно мягкий и вместе с тем свежий, роскошный цвет имеет камчатская зелень; вероятно, вследствие сырого лета.

Потянулись дни совершенно однообразные, один как другой. Та же убийственная неизвестность, те же лишения, та же пустыня. Не день, не два, но май, июнь, июль, август.

Нельзя оставить стольких подрастающих детей без правильных занятий, стольких маленьких без присмотра; мой день проходит в правильных занятиях со старшими, по окончании которых они отправляются бродить по окрестностям. Маленькие возятся вблизи нашей хижины; я сижу на пороге хижины, а мысли блуждают далеко, далеко, отыскивая хоть слабый луч света среди этого страшного мрака неизвестности.

Дни еще проходили кой-как; но до сих пор я не могу вспомнить без содрогания этих страшных, томительных ночей; сон редко смыкал утомленные слезами и тревожным бодрствованием глаза; когда же, наконец, усталый организм брал свое, то страшные, беспорядочные сны и видения были мучительнее самой бессонницы.

Среди всякого горя есть своя улада: для меня в это тяжелое время были истинным утешением дети, которые, чувствуя бедствие, старались всеми силами доставить мне облегчение; особенно старшие помнили завет отца: берегите маму; и берегли они меня всеми своими детскими силами, утешали, старались ободрить. В это время у старшего развилось расположение к рисованию. Он неутоимо срисовывал все живописные окрестности Камчатки; очень верно и для самоучки весьма хорошо. В последствии под хорошим руководством он со своих собственных эскизов, снятых тогда с натуры, нарисовал множество видов и ландшафтов, составляющих для меня теперь драгоценный памятник.

Не обошлось у нас и без материальных лишений; рассчитывая быть на Аяне несколько недель после ухода мужа, я отдала ему все свои запасы, оставив для себя только необходимое количество, рассчитанное на несколько недель. Но как надолго суждено им было растянуться! Сахару в продолжение этих месяцев мы почти не видели; пшеничной муки — также; а равным

образом и все предметы привозные. К счастью, река давала свежую рыбу в изобилии; камчадалы продавали много дичи, у нас оставались свои коровы, и молока было достаточно.

Но камчатское лето холодно и очень дождливо; в нашей хижинке это было ощутительно; лучшее помещение было отведено для самых маленьких детей; и в это время мой второй сын захватил ревматизм, который напоминает ему до сих пор чувствительным образом наше пребывание на хуторе.

19-го мая вошли в Авачинскую губу двенадцать больших судов, встали на якорь, то были: три парохота, пять фрегатов, три корвета и один 84-пушечный корабль «Монарх», нарочно для этой экспедиции вытребованный из Англии. До 19-го числа они крейсировали у самого входа Авачинской губы.

Такая грозная сила собралась для уничтожения пустынного, малолюдного, отдаленного Петропавловского порта. В этих водах мы в тот год имели из военных судов фрегат «Аврору», да корвет «Оливуцу». Фрегат «Диана» погиб во время страшного землетрясения в Японии. О наших старых, заслуженных, несколько неуклюжих транспортных судах не стоит и говорить, это не военный трофей. Сильно было желание союзников отомстить за свое прошлогоднее поражение. Геройская отвага, встреченная ими, заставила их загнать в воды Восточного Океана до восемнадцати судов: в то время как в Авачинской губе стояло одиннадцать с одним 84-пушечным кораблем, шесть судов проходило в залив Де-Кастри и крейсировало около Амурского лимана.

Можно себе представить горькое разочарование этой грозной армады при виде укреплений без пушек и людей; опустелые здания, частью без окон. Грозно смотрят одни каменные утесы, да зловещим грохотом встречает седая Авачинская сопка незваных гостей. Около месяца простояла неприятельская эскадра в Авачинской губе, хотя и не в полном составе, так как большая часть из них вскоре ушла в море. Разрушили они в свое пребывание брустверы опустелых батарей, сожгли некоторые здания. Даже нашей маленькой ветхой церкви не оказали должного уважения, которым всякий христианин обязан храму Божьему; и на ней остались следы их прикосновения. На своих могилах они поправили курган, обложили его дерном и обнесли деревянной решеткой. Пред уходом они разменялись пленными и имели сношение с адъютантом генерал-губернатора.

Во время их пребывания там в продолжение трех недель непрерывно гремела Авачинская солка; мы на хуторе были близко от нее и слышали неумолкаемые подземные удары, подобные раскатам грома. Земля глухо содрогалась, и ночью из жерла горы показывался зловещий огонь.

Дети во время стоянки неприятельской эскадры очень часто ходили на хребтик; кроме того, Губарев рассказывал мне все, что там делается. Но то уже не был тот жгучий интерес, как прошлой осенью.

Вскоре после ухода неприятельской эскадры заходила американская ученая экспедиция на двух военных судах; она в Авачинской губе стояла с неделю, запасаясь дровами и водою; офицеры передавали известие о кончине императора Николая Павловича; это нас до такой степени поразило, что мы даже не вполне верили.

Протянулось казавшееся на этот раз бесконечным короткое камчатское лето. Настал конец августа, пришло торговое американское судно «Беринг». Хозяин судна, американец Кушин, пришедший на нем с товарами, по моей просьбе согласился взять нас с собою и завезти в Де-Кастри. Он привез свой обыкновенный груз товаров, не зная о снятии порта, и ему при моем предложении было гораздо выгоднее выгрузить его в населенном месте, где можно было предполагать, что в провизии сильно нуждаются, чем в пустынном Петропавловске. Выехали мы из хутора и пришли в опустелый порт; грустно было видеть его разрушение, его запустение!

24-го августа, ровно чрез год, отслужен был в нашей маленькой церкви благодарственный молебен за небесную помощь, дарованную нам в прошлом году; потом служили панихиду, как на общей могиле павших, так и на могиле А. П. (Максутова. — *Ред.*). Не только все оставшееся народонаселение опустелого порта, но и многие камчадалы и отставные из окрестных деревенок были тут. Все были глубоко тронуты, все плакали.

Прости Петропавловск, не забуду я тебя никогда! Не забуду и вас, добрые, простодушные камчадалы!

29-го августа перевезли нас на американское судно «Беринг», где американцы оказали нам искреннее участие и дали весьма хорошее помещение. Вышли в море; засвежело; в позднее время плавание бывает очень бурное, тем более в сентябре, в эпоху равноденствия. Все дети, мои женщины, все лежат, я головы не могу поднять, один Кирилло, старый моряк, балансируя, ухаживает за нами. Три недели шли мы, имея весьма часто шторм и крепкий ветер, большею частью противный. Наконец показались грозные, неприветные берега залива Де-Кастри.

Боже мой, что суждено нам узнать! Пять месяцев длилась неизвестность; знала я только твердую решимость наших скорее умереть, чем отдать русский военный флаг, и видела в Петропавловске неприятельские силы вдсестеро нас превосходящие! Видя мое страшное беспокойство, видя, как дети при этом мучительном ожидании тоскливо жмутся ко мне, и американцы относятся с искренним сочувствием к этому ужасному положению.

Но вот от берега отваливает шлюпка, гребет, пристает к «Берингу»; морской офицер входит на палубу... Язык не служит, чтобы сделать вопрос. Он его читает в глазах и предупреждает его: «Василий Степанович жив и здоров». Слезы неизъяснимой радости брызнули у нас...

ИЗ ЗАПИСОК ОФИЦЕРА, СЛУЖИВШЕГО НА ФРЕГАТЕ «АВРОРА»

Николай Алексеевич Фесун родился в 1835 г. По окончании Морского корпуса в 1853 г. произведен в мичманы. В 1853—1854 гг. на фрегате «Аврора» совершил переход из Кронштадта в Петропавловск и принял участие в обороне порта от нападения англо-французской эскадры, за что награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1854 г. произведен в лейтенанты. В 1855 г. на том же фрегате перешел в устье Амура, где участвовал в бою в заливе Де-Кастри. Награжден орденом Св. Анны 3-й степени. В 1856—1857 гг. на «Авроре» совершил переход из залива Де-Кастри в Кронштадт. В 1858—1859 гг. на корабле «Ретвизан» плавал в Средиземном море. В 1860—1862 гг. на винтовой лодке «Морж» перешел из Кронштадта в Тихий океан. Во время этого плавания подробно описал Магелланов пролив. В 1863 г. награжден орденом Св. Станислава 2-й степени, произведен в капитан-лейтенанты и назначен офицером для особых поручений при управляющем Морским министерством. В 1865 г. награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. В 1884 г. произведен в контр-адмиралы.

В «Морском сборнике» опубликовал статьи «Каллао и Лима», «Замечание французских офицеров о корабле “Ретвизан”», «Из записок офицера, служившего на фрегате “Аврора”», «Ответы на замечания господина Невельского», «Из записок о кругосветном плавании на лодке “Морж”», «Современное значение броненосного флота» [Словарь биографический морской / Авт.-сост. В. Д. Доценко. — СПб., 2000].

Эскадра союзников оставила Авачинскую губу 27 августа 1854 г. Утро этого дня было как-то особенно пасмурно, и сначала, когда сквозь рассеивающийся туман мы заметили, что неприятель готовится к съемке с якоря, все были вполне убеждены, что новое нападение ожидает Петропавловск; правда, подъем баркасов в ростры заставлял сомневаться в вероятности подобного предположения, но как обыкновенно бывает, плохо веришь тому, чего особенно хочется, а потому до тех пор, пока последнее из неприятельских судов не скрылось за горизонтом, мы продолжали ждать чего-то особенного. Мы полагали, что союзники, догнав «Ситху» и «Анадырь», возвратятся в Петропавловск и если и не отважатся на вторичный десант, то возобновят бомбардировку. Проходит, однако ж, час, другой; наступает вечер, а неприятеля всё нет и нет; наконец приезжает унтер-офицер с дальнего маяка. Рассказ его о взятии «Ситхи», сожжении «Анадыря» и об окончательном уходе неприятельской эскадры кладет предел всем сомнениям. Люди с батареей отпущены по казармам, отслужены благодарственный молебен и панихида по убитым, и гонцы полетели в разные стороны, чтобы известить окрестных жителей об окончании блокады. Семейства гарнизона, бывшие в деревнях за 10, 15 и 20 верст, начали возвращаться в город, причем долго повторялись поздравления, рассказы и расспросы об отражении неприятеля.

Через неделю по уходе неприятеля начали подходить наши суда, бывшие в откомандировках; беспокойства, возбужденные их отсутствием, рассеялись, а счастливый приход корвета «Оливуца» ([командир] капитан-лейтенант П. Н. Назимов. Во время Петропавловского дела находился у берегов Восточной Сибири. Возвращаясь оттуда, он прошел в виду некоторых судов союзной эскадры, уходившей из Камчатки, и счастливо избежал встречи с ними, пришел на Петропавловский рейд, лишь несколько дней спустя после оставления его союзниками), транспортов: «Иртыш», «Байкал», бота «№ I-й» и в особенности необыкновенно удачное плавание винтовой шкуны «Восток» показало нам ясно, что пресловутая бдительность английских крейсеров, которою британский флот прежде столь справедливо гордился, в настоящее время существует лишь только в предании.

На транспортах, равно как и на купеческих судах, влетевших на рейд почти на носу у неприятеля, а именно на американском бриге *Noble* и гамбургском барке *Магдалена* (барк этот сделал замечательное плавание, и на пути из Гамбурга, в котором был зафрахтован, до Петропавловска он не заходил в порт. Когда барк вошел на рейд, почти вся команда была больна цингой, командир также едва держался на ногах, пораженный тою же болезнью, и будь еще несколько дней противный ветер, ужасные бедствия предстояли бы молодечьему судну) провизии было подвезено столько, что порт, если и не был вполне беспечен ею, но при экономии все же мог просуществовать до весны. Пороху, правда, было очень мало, но мы надеялись на подвоз из Америки со вскрытием льда, и ободренные длинным рядом удач и счастливых событий, весело принялись за возобновление батарей...

Теперь, прежде чем продолжать рассказ о том, что делалось в Петропавловске, или описывать наше житье-бытье в нем, я думаю, будет не лишним сказать несколько слов о положении «Авроры» и о причинах, почему после оставления неприятельскими эскадрами берегов Камчатки фрегат наш не попытался возобновить в воспоминаниях англичан памятного для них крейсерства американского фрегата *Эссекс*. На последнее отвечать не трудно, а именно: чтобы выйти в море в военное время для зимнего плавания, кроме надежной конструкции судна требуется много условий: требуется, во-первых, совершенное здоровье экипажа; во-вторых, изобильное снабжение всевозможными припасами и запасами и, наконец, в-третьих, и самое главное: необходимо иметь собственно морской провизии по крайней мере на четыре месяца.

Для «Авроры» не предстояло ничего подобного: экипаж ее, только что оправившийся от болезни, так много испытал уже трудов и лишений, что было бы неблагоприятно подвергать его случайностям сурового зимнего плавания; грот-мачта фрегата была пробита ядром навылет, запасы пороха и снарядов, потраченные во время обороны порта, были крайне ограничены

и, сверх того, Петропавловск, едва обеспеченный продовольствием до весны, не мог отделить для нас морской провизии не только на четыре, но даже и на один месяц. Наконец, уйдя из Камчатки, мы рисковали не попасть туда до весны, или же, возвращаясь, могли быть предупреждены в виду берегов неприятельскими крейсерами.

Спрашивается, на кого бы мы бросили порт, уже столь истощенный при отражении союзников в 1854 г., насчитывающий в своем гарнизоне большие потери убитыми и ранеными, подверженный на 1855 г. нападением неприятеля и в большем числе, и с большей против прежнего опытностью?

Все эти причины я выставляю на вид в особенности потому, что по возвращении в Россию мне часто приходилось слушать вопросы: отчего «Аврора» при широком раздолье для крейсерства ни разу не вышла на добычу за неприятельскими купцами? ... Теперь я высказал, почему он не мог выйти из этого порта осенью, после ухода неприятеля, и, наконец, впоследствии, при дальнейшем описании наших действий на Восточном океане, я постараюсь не менее категорически и по возможности опираясь на факты разъяснить стечение случайностей, воспрепятствовавших выполнению нашего задушевного желания: выйти в океан, в простор, и покрейсерствовать!

Теперь же перехожу к Петропавловску. Только что возвратился корвет и транспорты, гарнизон, не имея время даже и подумать об отдыхе после кутерьмы, наделанной неприятелем, начал усиленную работу по улучшению портовой обороны. Работы предстояло множество. Нужно было не поправлять старые батареи, а, сообразуясь с недавним опытом, совершенно перестроить их и соорудить несколько новых. Приложение теории к делу научило многому, о чем прежде знали лишь понаслышке, а как единственный инженерный офицер, бывший в Петропавловске, лежал больным, тяжело раненый 24 августа, то планы и расположения всех фортификационных работ выпали на долю флотских офицеров.

Для лучшего обсуждения, как этих планов, так и вообще всего касавшегося до обороны, была составлена комиссия. Оборонительная линия разделена на участки, каждому флотскому и артиллерийскому офицеру поручен присмотр за одним из этих участков. И как мысль об оставлении порта тогда еще не приходила никому в голову, то работали усердно, с полным сознанием, что в прочности укреплений и в своей собственной внутренней силе вся надежда на успех и единственная надежда на спасение. Помощи людьми ждать было не откуда и, не сомневаясь в значительном увеличении на будущий год материальных средств наших врагов, мы сами могли рассчитывать разве только на вероятное развитие нашей опытности и наших нравственных сил. Все это хорошо понимали — не только офицеры, но и каждый матрос, работавший на укреплениях; вследствие чего новые батареи росли с удивительной быстротою, старые принимали надежный вид укреплений, построенных на осно-

ваниях недавней практики, везде прорывались закрытые ходы, строились прочные пороховые и бомбовые погреба, заготавливались запасные станки и лафеты. Вообще вся работа была так ведена, что при вторичном посещении Петропавловска союзной эскадрой в июне 1855 г. английский адмирал Брюс в донесении своему правительству не мог не отдать нам полной справедливости: «Русские *ужасно работали*, — писал он, — и по всему видно, что известие о снятии порта застало их в самом развитии приготовлений!»

Такой отзыв неприятельского главнокомандующего один уже в состоянии показать, что победа никого не усыпила в Петропавловске, и что, не теряя времени для отдыха на лаврах, гарнизон употребил все силы и всю энергию к тому, чтобы в будущем году, если и не победить по-прежнему (нужно было ждать, что неприятель разовьет все свои силы, и как ни откуда не предвиделось помощи порту, то, конечно, шансы для вторичной победы были более, нежели сомнительны), то, по крайней мере, сделать все, что только возможно.

Но не одни военные приготовления занимали общее внимание. Чтобы приготовиться к защите против сильнейшего неприятеля, нужно было подумать, где мы поместим несколько сотен людей и как лучше сохранить их здоровье? Небольшие казармы, бывшие в порту и едва достаточные для 47-го флотского экипажа в том составе, в каком он был до военных действий, конечно, уже не могли вместить с лишком триста человек солдат сибирских линейных батальонов, прибывших в Камчатку на укомплектование его, а также более трехсот человек команды фрегата «Аврора», временно помещенных на чердаках портовых магазинов и необходимо нуждавшихся на зиму в помещениях, по крайней мере, сносных.

Наконец должно еще было позаботиться и о будущем продовольствии страны. Несчастье или неудача военных действий в Петропавловске не должны были лишить куска хлеба многочисленные семейства гарнизона и, наконец, тех из жителей Камчатки, которые не могли существовать на одной рыбе (в Камчатке в настоящее время еще существуют такие племена, которые вовсе не употребляют хлеба, довольствуясь одной рыбой). Следовательно, требовались провиантские магазины, построенные в местах, по крайней мере, не бросающихся в глаза неприятелю при его первом вступлении на берег. Работ этих, при значительных трудностях, сопряженных с ними, было бы, конечно, достаточно для петропавловского населения, если бы оно было и вдвое многочисленнее. В его же настоящем числе не должно было терять и секунды; а потому, несмотря на осенние непогоды, работа продолжалась до ноября, то есть до тех пор, пока ужасные пурги или метели и глубокие снега ей не препятствовали. Казармы доведены до состояния, при котором житье в них делалось возможным, постройка батарей достаточно подвинута вперед, и для встречи неприятеля все подготовлено таким образом, что

времени, остающегося весной 1855 г., было бы вполне достаточно к приведению Петропавловской обороны, по средствам, в возможно лучший вид.

Наступила продолжительная камчатская зима. Заброшенные на край света, без известий о ходе дел в остальном мире, без развлечений, с перспективой тяжелой неизвестности впереди, не предвидя окончания войны, все мы были как бы заключены в пределах какого-то фантастического круга, выйти из которого не предстояло возможности.

В России и в Европе совершались великие события, до нас же едва доходили темные слухи о них, или известия, запоздавшие полугодом, а часто и более. Продлился война десять лет, мы на десять лет могли бы остаться в Камчатке (мысль смелой переноски порта в устье Амура тогда если и приходила кому в голову, то казалась неисполнимой по множеству препятствий). Разбив неприятеля в 1854 г. и предполагая почти невозможное поражение его в 1855-м, все-таки рано или поздно пришлось бы быть подавленными превосходством сил; наконец, возьмем в расчет самое счастливое, а именно, что неприятель, не видя вознаграждения за свои пожертвования, ограничится блокадой и оставит Петропавловский порт в покое! Что было бы из этого? Сделается ли наша жизнь сноснее, веселее, удобнее? Произойдет ли какая-нибудь светлая перемена в нашем положении? Конечно, нет. Обстоятельства эти не раз приходили на ум, но мы, конечно, к нашему счастью, тогда все рисовали себе в каком-то розовом цвете и со счастливым рядом событий позади, смотрели весело вперед.

К тому же зимой случались развлечения, правда, весьма оригинальные, и что еще хуже, весьма и весьма редкие. Но мы находились в Камчатке, считали себя заброшенными, отчужденными от всего остального мира и в действительности были столь мало избалованы, что самое ничтожное событие, выходящее из ряда обыкновенной будничной жизни, было в состоянии и позабавить нас, и порадовать. Так, например, представьте себе Петропавловск, маленький городок, в котором проход лишнего человека по улице уже возбуждает внимание, и вдруг в конце ноября или начале декабря городок этот, или, правильнее, эта дрянная деревня, оживляется необыкновенно. На единственной улице появляется народ, беготня, шум, движение; у всех какой-то озабоченный вид, все куда-то спешат, обгоняют друг друга и чем-то особенно заняты. Часто повторяемые восклицания: «Почта, зимняя почта пришла» объясняли, в чем дело.

В Камчатке в обыкновенное время почта приходит всего два раза в год, один раз через Охотск и Гижигу — зимой; другой раз летом по морю, если нет блокады. Взявши в расчет это и вспомнив, что время моего рассказа относится к концу 1854 г., то есть к самому разгару Восточной войны, нетрудно будет объяснить нетерпение, с которым каждый из нас ждал письма или газеты; наконец, отбросив даже в сторону политические обстоятельства,

все мы в России имели родных, знакомых, друзей, без известий о которых жили целые месяцы. Приход почты давал пищу для разговоров; сначала рассказывались происшествия, прочитанные в газетах, или известия, полученные в письмах; их обсуживали и пересуживали тысячу раз; потом являлись новости сомнительной вероятности, а, наконец, и такие, несообразность которых поражала самых доверчивых. Явление последних всегда служило несомненным признаком истощения всего прибывшего с почтой. Камчатским Бобчинским и Добчинским мылили сильно голову, а там надоедало и сердиться; все входило в обыкновенный порядок, все успокаивалось, и колесо камчатской жизни вертелось по-прежнему.

Рассказ о приходе почты напомнил мне довольно интересный анекдот из жизни одного из прежних камчатских начальников. Давно, очень давно, когда в Камчатке еще и не думали о губернаторах, а довольствовались обыкновенным областным управлением, начальник этого отдаленного края выкидывал для препровождения времени следующую шутку. По приходе почты он отбирал все казенные бумаги и частную корреспонденцию, последнюю раздавал по рукам, по первой делал соответствующие и зависящие от него распоряжения и потом, собрав и отложив в сторону все журналы и газеты, он раздавал их не вдруг, а в обыкновенные петербургские сроки. То есть газеты ежедневно, журналы помесечно, чем без сомнения желанные результаты были им вполне достигнуты. Почта, как уже было сказано, приходит в Камчатку два раза в год, новости привозятся за полгода сразу; перечитав их в неделю, пришлось бы потом сидеть сложа руки, и тут-то предусмотрительный повелитель Камчатки и подоспел со своим способом. Каждый день являлась новая газета (новая для Петропавловска), пища для разговоров не истощалась, всем было о чем поговорить, поспорить и, без сомнения, как бы ни была в действительности эта мера смешна и даже деспотична, нельзя сказать, чтобы в Петропавловске она не принесла своей относительной пользы.

Кроме прихода почты, в зимнее время немалым развлечением служили балы и театры. Слова «бал» и «театр» звучат как-то странно в применении их к Камчатке, но, тем не менее, они доставили нам немало удовольствия. О бале у губернатора начинают говорить недели за две; дам весьма мало, и потому молодежь торопится ангажировать их заранее; готов импровизированный оркестр музыкантов с инструментами, имеющими некоторое сходство со скрипками; наконец наступает давно жданный вечер. В шесть часов показывается свет в окнах губернаторского дома, а в семь бал в полном разгаре. У подъезда вы не встретите ни лошадей, ни экипажей: мужчины, какая бы ни была глубина снега, приходят пешком; а дамы приезжают на собаках.

Общество для Петропавловска было довольно большое; мужское состояло из офицеров фрегата «Аврора» и 47-го флотского экипажа, штурманских,

артиллерийских офицеров, гражданских чиновников управления Камчатской области, наконец, из небольшого числа служащих в Российско-Американской компании, двух-трех наших купцов, перебивающихся камчатской торговлей, и одного агента американского купеческого дома. Дам было всего шесть или восемь, большею частью родившихся в Камчатке и за малым исключением там же и воспитанных; на больших балах собиралось, впрочем, до четырнадцати танцующих пар. Откинув строгость в суждениях, неуместную по вышеупомянутым причинам, я думаю, что передам верно не только свое мнение, но и мнение всех моих тогдашних сослуживцев, сказав, что камчатское дамское общество мы нашли во многих отношениях лучшим, чем ожидали, судя по описаниям и рассказам, и, наконец, что камчатским дамам мы много обязаны за их постоянное радушие к нам, пришельцам издалека.

Оркестр неистово играет интродукцию; капельмейстер, играющий левой рукой, понуждает музыкантов пилить на своих инструментах как можно громче; правда, сначала неприятно, даже больно для слуха, и в такт попасть трудно, но ко всему можно привыкнуть; попривыкли мы и к скрипу и визгу, а с помощью воображения, наконец, начали действительно верить, что когда наши музыканты сыграли то, что по убеждению их было полькой, то это и в самом деле полька; вальс — так вальс; мазурка — соглашались и на мазурку!

Воображение же было, не шутя, необходимо, так как в звуках какого бы то ни было танца, исполненного камчатскими артистами, неминуемо слышался мотив и такт известной песни: «Чижик, чижик» и так далее... Впрочем, каков бы ни был оркестр, мы были так мало избалованы и, главное, настолько уже приготовили себя к камчатскому житью-бытью, что и под «Чижику» танцевали весело, и нередко до двух и трех часов ночи. Отсутствие всякого стеснения, короткое знание всего общества и, наконец, желание как-нибудь разнообразить время, все это взятое вместе много способствовало общему одушевлению.

Все расходились довольными по единственной улице, еще с четверть часа слышались командные: «Ках, как» погонщиков собак, развозивших наших дам, потом все успокаивалось, и Петропавловск засыпал.

Устройство театра наделало хлопот несравненно более. Декорации, костюмы, занавес не существовали в Петропавловске; материалы и средства были весьма незначительны, заботиться обо всем пришлось нам самим и, несмотря на это, театр как-то особенно ладился. Беспрерывные препятствия не только не отбивали охоты, но, напротив, чрезвычайно забавляли всех участвовавших.

Решились сыграть «Ревизора». Роли разобраны довольно удачно, и как в «Ревизоре» главные действующие лица — мужчины, то исполнение пьесы было так хорошо, что право хотя бы и не для Камчатки. Главное, что нас занимало, это, конечно, не самое представление, а всего более пригото-

ния и репетиции. Смеху, различных приключений и непредвидимых случайностей было так много, что время летело с удивительной быстротой, и благодаря театру мы почти не заметили, как прошли и самые праздники.

Не одни мы прибегали к сценическим представлениям, как к спасительному средству от хандры и скуки. Театры разыгрывались нашими моряками в Японии во время их продолжительного пребывания на Нагасакском рейде (на этом рейде театры разыгрывались на корвете «Оливуца», бывшем в составе эскадры адмирала графа Путятина, заключавшего в то время известный трактат с Японией). Театральные представления давались и в близком соседстве к полюсу, в экспедициях, посланных для отыскивания Франклина и северо-западного прохода; театры везде и всегда — самое действительное и удобное средство для развлечения, в особенности зимой в таких благословенных странах, как Камчатка, где нельзя своротить с тропинки, чтобы не уйти в снег по горло, и где в продолжение каких-нибудь четырех или пяти месяцев нет, да и не может быть никакой серьезной деятельности по службе.

До глубокой осени у нас было много дела, как по устройству батареи, так и вообще по изготовлению средств будущей обороны порта. Потом зимой пришла раз почта, два или три бала у губернатора, а там ничего более. И, конечно, изучение роли, репетиция, устройство декораций были занятиями не только приятными, но почти необходимыми. Несколько часов проходило незаметно, всем было, что делать, о чем поговорить, и время вообще шло, если и не особенно хорошо, то, по крайней мере, сносно.

Будь Камчатка не так далеко от всего образованного мира, можно бы выписывать журналы, книги, газеты. Случись мы в Петропавловске, по крайней мере, в мирное время, можно бы летом получать на судах из Сан-Франциско или портов Китая все необходимое. Нам в нашем тогдашнем положении нельзя было мечтать ни о чем подобном. Зимой почта получалась один раз, летом порт в блокаде, и, как тогда все думали, в блокаде строгой и непроницаемой. Читать! Но все книги, как в библиотеках, фрегатской и портовой (библиотеки эти по числу книг были весьма ограничены), так и наших собственных, были читаны и перечитаны до того, что мы их почти наизусть знали. Предметы для разговора все те же и те же. Если прибавить к этому нескончаемые зимние ночи, целый ряд совершенно однообразных вечеров, если вспомнить обыкновенные следствия подобного апатического препровождения времени, то, без сомнения, трудно будет не согласиться, что мысль о театрах явилась как нельзя более кстати, вследствие чего «Ревизор» в Камчатке разыгрывался с таким увлечением, с каким, несмотря на его огромный успех на петербургской сцене, вряд ли он там когда-нибудь разыгрывался.

Кроме театра, мы пробовали еще устраивать прогулки на собаках в ближайшие к Петропавловску деревни и даже поездки во внутрь страны. Но за исключением некоторых счастливых, отличавшихся особенной физической

III.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОФИЦЕРА СЛУЖИВШАГО НА ФРЕГАТѢ «АВРОРА»

(Продолженіе.) (*)

Эскадра союзниковъ оставила Авачинскую губу 27 Августа 1854 г. Утро этого дня было какъ то особенно пасмурно, и сначала, когда сквозь разсѣивающійся туманъ, мы замѣтили, что непріятель готовится къ съемкѣ съ якоря, всѣ были вполнѣ убѣждены, что новое нападеніе ожидаетъ Петропавловскъ; правда, подъемъ барказовъ въ ростры заставлялъ сомнѣваться въ вѣроятіи подобнаго предположенія, но какъ обыкновенно бываетъ,—плохо вѣришь тому, чего особенно хочется, а потому до тѣхъ поръ, пока послѣднее изъ непріятельскихъ судовъ не скрылось за горизонтомъ, мы продолжали ждать чего-то особеннаго; мы полагали, что союзники, догнавъ «Ситху» и «Анадырь», возвратятся въ Петропавловскъ и если и не отважатся на вторичный десантъ, то возобновятъ бомбардировку. Проходитъ однакожь часъ, другой; наступаетъ вечеръ. а непріятеля всё нѣтъ и нѣтъ:

(*) См. № 1 Морск. Сб. за текущій годъ.

ловкостью, большей части из нас удовольствия этого рода обходились уж чересчур дорого, потому что из Петропавловска нельзя отлучиться никуда иначе, как на собаках. Езда на собаках известна из описаний путешественников, прежде нас посещавших Камчатку. Многие из них, а также многие из моих товарищей находили и до сих пор находят ее очень занимательною и даже поэтическою. Что касается до меня лично, то вследствие ли природной неловкости, или же быть может, после многих неудачных попыток приобрести сноровку, я пришел к убеждению, что неудобнее и даже опаснее путешествия на собаках трудно что-нибудь придумать. В особенности, если на несчастье новичка-ездок попадетсЯ какая-нибудь удалая, хорошо откормленная сво-ра; тогда, наверное, не миновать приключений и даже весьма сильных ушибов.

Между множеством гор, окружающих Петропавловск, есть и такие, спуски с которых тянутся на протяжении двух или трех верст. Представьте себе маленькие, довольно высокие и очень узенькие санки; на них садятся верхом или боком, смотря по ловкости или по желанию ездока. Посредством упряжи, вроде шлей жидовских лошадемок в южных губерниях, к санкам припрягается семь или девять собак. Чуть местность начинает становиться пологой, собаки обыкновенно уже не бегут, а просто мчат вас так, что дух захватывает. Легко может быть, что под полоз игрушечных санок этих попадетсЯ какой-нибудь срубленный пень, колода, бугор или что-нибудь в этом роде, и тогда вы отлетаете в одну сторону, собаки с санями в другую, а там, конечно, все будет зависеть от того, как упадете. Но бывает и хуже; бывают приключения более печальные. Вообразите себе, что вы несетесь во всю силу семи здоровых собак по одному из вышеописанных спусков; вдруг за кустом встрепнулся заяц, спорхнула птица. Передовая собака, заметив добычу, моментально бросается в сторону, все остальные следуют за ней, и если бы даже благодаря особенной ловкости или какому-нибудь чуду вы в этот критический момент и усидели бы, то весьма ненадолго.

Увлеченные добычей, собаки не слушают команды, не разбирают дороги: канава ли, куст, или пень, они бегут до тех пор, пока упряжь или санями не зацепляються за какое-нибудь препятствие. Редко удержитесь вы в санях до подобной остановки, большею же частью, не будучи в состоянии предупредить множество крутых и совершенно неожиданных поворотов, вы очутитесь где-нибудь под деревом, в стороне от дороги, с разбитой физиономией, с ушибленной, а иногда и с вывихнутой рукой, и часто уроки этой новой и отчаянной гимнастики обойдутся дороже. Собаки, перервав упряжь, убегут домой, и прозябшему, расшибленному, усталому, вам придется плестись несколько верст пешком по направлению к городу, и хорошо еще, если проезжий камчадал, сжался над вами, или что правдоподобнее, прельстясь полтинником на чай (до чая все они большие охотники), доставит вас, наконец, в город.

Без сомнения, можно ездить на собаках и не испытывать никаких напастей, но в таком случае приходится взять на себя роль чисто пассивную и отказаться от удовольствия или от мучения самому править. При том, наняв надежного погонщика или каюра, вы усаживаетесь, или, говоря правильнее, вас укладывают не на легкие и одиночные санки, а на низкие и довольно комфортабельные сани, укутывают сверх всего мехового, что уже на вас навячено, несколькими медвежинами, и тогда, хоть закройте глаза, можете быть совершенно спокойны; вас довезут, куда следует, без малейших приключений и без всякой опасности. В такой езде мало занимательного, но зато в ней нет ничего и головокружного. В хорошие зимние дни мы несколько раз езжали таким образом от Петропавловска верст за десять или за пятнадцать, посмотреть, как бьют буруны в заваленные снегом и оледеневшие утесы камчатского берега.

Картины, представившиеся там нашим глазам, действительно из тех, которые никогда не забываются. Между берегами взморья вблизи от Петропавловска есть места отлогие, но большая часть таких, которые оканчиваются утесами или обрывами. Представьте себя на одном из пунктов этого дикого и величавого побережья в морозный зимний день и когда солнце уже близко к закату. Позади полукругом стоят вершины громадных гор, принадлежащих к разряду высочайших в мире. Некоторые из них кажутся столь отдаленными, что почти теряются в беспредельном пространстве; по спускам с них и ближе к вам множество холмов различных форм и величин. Все это засыпано и завалено снегом. Солнце, спускаясь за горы, придает их снеговым вершинам какой-то особенно странный цвет. Чрезвычайная белизна снега утомляет, наконец, зрение, вы поворачиваете голову, и перед вами картина не менее поразительная: пред вами Восточный океан, напирющий на пустынный и мрачный берег, этот необъятный океан во всем его диком и ужасающем величии! Каким-то торжественным и заунывным кажется тут звук бурунов, вечно бьющих в неприступные скалы, как-то особенно мрачно и грозно смотрит огромное водяное пространство в контрасте своем с изрытым волнами и снегом покрытым берегом!

Картина этого рода исполнена поэзии. Она из тех, которые всего более остаются в памяти, но при всем том, смотря на нее слишком часто, вы чувствуете особенную тяжесть на душе, и безвыходность камчатского заточения становится еще безотраднее. Если тяжелой и бесконечной показалась для нас, офицеров, зима в Камчатке, то за нижних чинов нужно было опасаться гораздо более. Правда, особенных материальных лишений в Петропавловске они терпели немного, и сравнительно с последующей зимовкой на Амуре их камчатское житье-бытье было даже привольно. Но мы беспокоились всего более о том, выдержать ли матросы жизнь в казармах только что отстроенных и еще не совершенно сухих, и потом, наконец, каким образом проведут

удовольствія этого рода обходились ужъ черезъ-чуръ дорого, потому что изъ Петропавловска нельзя отлучиться никуда иначе, какъ на собакахъ. Ёзда на собакахъ извѣстна изъ описаній путешественниковъ, прежде насъ посѣщавшихъ Камчатку; многіе изъ нихъ, а также многіе изъ моихъ товарищей находили, и до сихъ поръ находятъ, ее очень занимательною и даже поэтичекою; что касается до меня лично, то вслѣдствіе ли природной неловкости, или же быть можетъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ пріобрѣсти сноровку, я пришелъ къ убѣжденію, что неудобіе и даже опасіе путешествія на собакахъ трудно что нибудь придумать; въ особенности если на несчастіе новичка-ёздока попадется какая нибудь удалая, хорошо откормленная свора; тогда навѣрное не миновать приключеній и даже весьма сильныхъ ушибовъ. Между множествомъ горъ окружающихъ Петропавловскъ есть и такія, спуски еъ которыхъ тянутся на протяженіи 2 или 3 верстъ. Представьте себѣ маленькіе, довольно высокіе и очень узенькіе санки; на нихъ садятся верхомъ или бокомъ, смотря по ловкости или по желанію ёздока; посредствомъ упряжи въ родѣ шлей жидовскихъ лошаденокъ въ южныхъ губерніяхъ, къ санкамъ припрягается 7 или 9 собакъ. Чуть мѣстность начинаетъ становиться пологой, собаки обыкновенно уже не бѣгутъ, а просто мчатъ васъ такъ, что духъ захватываетъ. Легко можетъ быть, что подъ полозъ игрушечныхъ санокъ этихъ, попадется какой нибудь срубленный пенъ, колода, бугоръ или что нибудь въ этомъ родѣ, и тогда вы отлетаете въ одну сторону, собаки съ санями въ другую, а тамъ конечно все будетъ зависѣть отъ того какъ упадете. Но бываетъ и хуже; бываютъ приключенія болѣе печальныя. Вообразите себѣ, что вы несетесь во всю силу семи здоровыхъ собакъ, по одному изъ вышеописанныхъ спусковъ; вдругъ за кустомъ встретенуся заяцъ, спорхнула птица. Передовая собака, замѣтивъ добычу, моментально бросается въ сторону, всѣ остальные слѣдуютъ за ней и если бы даже, благодаря осо-

они те четыре месяца, в которые их невозможно было занять никакой серьезной работой? Теснота помещения, сырость его, безделье и тоска, как следствие неопределенного по времени пребывания на чужбине, суть вернейшие проводники всевозможных болезней. Потому понятно, что для сопротивления проводникам этим и предупреждения их последствий не должно было шадить ни хлопот, ни усилий. За чистотой и опрятностью в казармах наблюдали чрезвычайно настойчиво и строго, проветривали и обкуривали их несколько раз в день, железные печи топились с утра до ночи, относительно пищи делалось, что возможно, и сверх всего этого не забывали развлечений.

Все, что могли изобрести для поддержания бодрости духа матросов, все, что только позволяли средства порта и края, было употреблено в дело, и сравнительно малое число больных в продолжение последней зимовки в Камчатке ясно свидетельствует, как были необходимы подобные меры. Для нижних чинов устраивались поротно вечеринки, для них и ими же разыгрывались театры и, право, преинтересно было видеть, с какою чистосердечною веселостью наши молодцы отплясывали национальный камчатский танец («осьмерку»), с каким живым участием следили за ходом каждой пьесы, как весело смотрели в это время и какие отчаянные усилия употребляли у себя на вечеринках, чтобы прослыть пред узкоглазыми камчатскими красавицами за людей ловких, бывалых. Простодушные камчадалки действительно считали их за людей необыкновенных и смотрели на них с почтением.

Так провели мы в Петропавловске зиму с 1854 на 1855 г. Теперь, когда по прошествии пяти лет начинаешь перебирать нашу тогдашнюю жизнь, нельзя не обратить внимания, что случись при порте, или имей мы у себя на «Авроре» хорошо снабженную библиотеку, зимние месяцы показались бы нам, офицерам, далеко не столь бесконечными и даже, весьма быть может, многие из нас, пользуясь избытком свободного времени, еще и приобрели бы кое-что для своего дальнейшего образования.

Библиотека в порту была очень бедна и главное — далеко не в порядке. В прежние времена в Камчатке с книгами казенной библиотеки обращались весьма бесцеремонно. Так, например, при отправлениях в поход на транспортах забирали их в большом числе и возвращали довольно редко. Вследствие чего, так же как и по недостатку средств, в портовой библиотеке трудно было найти дельную книгу, а если случайно и находилось какое-нибудь интересное сочинение, то уже, наверное, без первой или без последней части. Библиотеку на «Авроре» еще того менее можно было назвать богатой: число книг в ней едва ли когда-нибудь переходило полтораста томов. Прежде чем нас, офицеров фрегата, обвинить, что, идя на четыре года, мы не сделали хорошего запаса книг, нужно взять в расчет: во-первых, что между нами никогда и никто не рассчитывал на удовольствие прозимовать в Камчатке

и на Амуре. Мы думали, что идем просто в кругосветное плавание, и как в подобном случае обыкновенно бывает, станем переходить из края в край, из порта в порт. Потом, нужно принять вообще к сведению, каким образом был снаряжен наш фрегат, нужно обратить внимание на то множество вещей, которые ныне полагаются по штатам, отпускаются портом, и которые нам при отправлении нашем пришлось завести из своего кармана. Правда, и тогда, как и в настоящее время, давалось на подъем годовое жалованье, но между тем какое же сравнение? Жалованье это теперь идет на руки офицеров, тогда же оно уходило на складчины. Все, что в настоящее время отпускается от казны, как-то: столовый и чайный сервиз, серебро, посуда, столовое белье, мебель в кают-компанию и каюты, все это мы заводили на собственный счет и еще, кроме того, чтобы должны были приобрести множество вещей и запасов, которых нельзя избежать, идя на четыре года.

Сообразив же, как эти обстоятельства, так и множество других мелких и посторонних расходов, делается вполне понятным, почему аврорская кают-компания не могла разделиться с долгами вплоть до прихода в Камчатку, а, следовательно, и то, почему мы не могли отделить несколько сотен рублей для устройства библиотеки...

Сколь ни бесконечными казались зимние месяцы, но, наконец, прошли самые тяжелые из них. Наступил февраль; стали поговаривать о вторичном приходе неприятеля, составлялись расписания людей по батареям, различные назначения офицеров, начались уже некоторые приготовительные работы, как вдруг и совершенно неожиданно 3 марта прискакал курьер, есаул Мартынов (адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири). Он привез награды за дело в августе прошлого года и известия, опрокинувшие все наши прежние планы, а именно предписывалось: «Снять Петропавловский порт с его укреплениями, вооружить все суда, забрать гарнизон, и не только военных, но и всех чинов гражданских; принять на транспорты семейства, как первых, так и последних, изготовиться сколько возможно поспешнее и с ранней весной выйти в море».

Куда именно, в то время знали немногие, и потому легко представить, какая сумятица поднялась в нашем маленьком городке, и какие толки и пересуды носились из квартиры в квартиру. Чтобы по возможности более сбить с толку неприятеля при его вторичном приходе, адмирал распустил разные и довольно сбивчивые слухи о назначении нашей эскадры — сперва, что мы идем в Сан-Франциско в Калифорнию, где под покровительством нейтралитета Северо-Американских Штатов переждем время войны; потом, что порт переносится в устье реки Анадыр, и, наконец, слух еще менее достоверный, что вся эскадра пойдет в Батавию, где, оставив транспорты с тяжестями, фрегат и корвет, суда собственно военные, отправятся крейсировать на пути английских купцов из Ост-Индии в Китай.

Как ни казались невероятными новости подобного рода, но неопределенность положения была так велика, что на первое время им поверили, и они, надо сознаться, сбили с толку многих из нас, не говоря уже об англичанах, которые в продолжение нескольких месяцев бросались из стороны в сторону, а если наконец и попали на следы наши, то совершенно случайно и в то же время непрерывно находясь в сомнении и беспокойстве за слабейшие из своих колоний Восточного океана...

Удачная съемка и переноска Петропавловского порта в устье Амура надела в свое время много шуму; о ней англичане говорили и писали как о важном событии; сознаваясь, что, принося честь нашим морякам, она в тоже время положила тень на честь британского флота. Рассказывая здесь все известные мне подробности этого дела, я считаю нужным прежде всего объяснить причины, вынудившие покинуть Камчатку, для чего скажу несколько слов о военном положении Петропавловска.

Петропавловск расположен в одной из бухт обширной Авачинской губы и находится на такой местности, что при хороших средствах из него можно бы сделать один из самых неприступных пунктов. Как порт приморский и военный, Петропавловск при больших удобствах имеет и недостатки, тоже весьма значительные. Превосходный рейд, совершенно закрытый и с якорной стоянкой для самого огромного флота. Гавань небольшая, но весьма удобная и в которой суда первого ранга могут стоять в нескольких саженях от берега (гаванью я называю маленький Петропавловский рейд, или то, что местными жителями зовется Петропавловскою губою, на которой расположен самый Петропавловск); много мест удобных для эллингов; большие приволья в рубке дров и наливке пресной водой, — качества, конечно, весьма важные, если бы крайний недостаток строевого леса, бедность местных продовольственных средств и, в особенности, совершенно отрезанное положение в военном отношении — были бы препятствиями, легко отстраняемыми. Берегом мы могли получить только письма или посылки не более нескольких фунтов весом, и то раз или много что два раза в год зимою и с затруднениями невероятными. Оставалось сообщение морем, но с ранней весны и до глубокой осени мы были, или, по крайней мере, должны бы быть в строжайшей блокаде.

Хлебопашество в Камчатке — в начале своего развития, скотоводство — в младенчестве. Следовательно, приняв все это в соображение, и при возможности продолжения войны на несколько лет, мы подверглись бы не только лишению всех материальных удобств, но и еще до крайности стеснив природных жителей, сами дошли бы до того, что остались бы без куска хлеба, имея к поддержке существования единственную надежду на «большой лов рыбы», что как средство, зависящее от влияния местных обстоятельств, естественно, было одним из ненадежных средств. В военном отношении положе-

ние порта тоже представляло сомнения. Пороху по двадцать зарядов на орудие, всего 800 человек гарнизону, большой недостаток медикаментов и здоровой пищи для больных и раненых, недостаток безопасного помещения для перевязочных пунктов, крайняя ограниченность всех военных запасов и снарядов и ни малейшей надежды на подкрепление!

Вот что могли противопоставить мы неприятелю сильному, озлобленному прошлогодней неудачей и считавшему победу в Петропавловске не только необходимою для удовлетворения своей военной чести, но еще и политически нужною, как средство усилить влияние своего могущества в колониях Восточного океана. Положим даже, что по непростительной беспечности союзники ранней весной пропустили бы наши транспорты в Аян, Де-Кастри и обратно, но кроме риска потерять эти суда, подкрепления, привезенные ими, далеко не обеспечили бы продовольствия и обороны порта; тем более, что по достоверным известиям неприятель в начале лета предполагал напасть на Петропавловск с огромной эскадрой, состоявшей из двадцати шести судов, и в состав которой входил даже линейный 84-пушечный корабль «Монарх», нарочно с этой целью присланный из Европы.

Наконец, предположим почти невозможное, именно, что неприятель, сберегая суда, щадя жизнь людей и, главное, не видя вознаграждения за вероятные потери, оставил бы нас в покое. К чему послужили бы в последнем случае риск и расходы для доставления продовольствия и военных запасов в Камчатку? В Камчатку, которая по размерам, принимаемым делами на Амуре, имела уже в этих краях только второстепенную важность. Не благоразумнее ли бы было 800 человек различных команд, военные суда, еще годные для службы, средства порта, довольно значительные, — не лучше ли бы и не расчетливее ли бы было бы все это, не подвергая опасности погибнуть в бесполезном бою, не давая неприятелю лишний раз случая похвастать победой, приобретенной превосходными силами, все это иметь под руками на устье Амура, в устье этой громадной реки, течение которой, представляя средства послать для подкрепления тысячи, обеспечивает в то же время надежный путь сообщения?

Правда, много преград и препятствий явилось при осуществлении смелой идеи. Правда, нелегко перебросить порт за 1 000 миль в виду неприятеля и ожидая каждую секунду появления его у себя за плечами, но предпринимая это трудное дело, рисковали один раз, тогда как оставаясь в Камчатке, мы точно таким образом находились бы в опасности каждый день, и столько лет, сколько война ни продлилась бы. Сообразив вышеизложенное, причины упразднения Петропавловска делаются достаточно ясными, хотя, конечно, нельзя сказать, чтобы было особенно приятно в числе этих причин видеть бедность целой области, простирающуюся до такой степени, что сделай неприятельские крейсера свое дело, ужасные бедствия разразились бы над всеми

составлявшими в то время народонаселение порта! Да и в самом деле, не больно ли, не прискорбно ли для национального самолюбия видеть огромнейший край, полтора столетия просуществовавший под нашим владычеством, и до того неразработанный, до того заброшенный, что не тысячи и десятки тысяч, а всего каких-нибудь 800 человек могли в нем встретить едва ли не голодную смерть, если бы им пришлось год или много-много что два довольствоваться местными средствами! Право, побывав в Камчатке, полюбовавшись великолепной Авачинской губой, приняв во внимание, что в самом Петропавловске мороз редко когда переходит за 10 градусов. Мягкость климата в самом Петропавловске должно отнести к окружающим его большим горам, равно как и к соседству океана, так как известно, что приморские места вообще имеют температуру, несравненно лучшую мест, лежащих с ними на одной параллели внутри страны.

Собрав поболее сведений о крае, вспомнив его громадные реки (например, река Камчатка), изобильные рыбным промыслом, — правда, как-то не хочется верить, что в полтора столетия нельзя было сделать столько, чтобы прокормить несколько сотен человек в известный промежуток времени! Камчатка, говорят, отрезана от России пустыми и необитаемыми пространствами, при мысли о которых дрожь прохватывает самого предприимчивого человека. Камчатка неспособна для хлебопашества, в ней не предвидится никаких источников для торговли, в ней, в этой негостеприимной и дикой стране, нет и не было, и никогда не будет ничего хорошего! Так ли это, и не виновата ли тут по обыкновению молва, часто преувеличивающая хорошее и дурное? Если сообщение с метрополией берегом действительно невозможно для пересылки грузов, то что же мешало сообщению морем? Если хлебопашество представляло сомнения, то разве изобильно снабженные провиантские магазины, подготовленные заблаговременно и исподволь, не были в состоянии обеспечить, не говорю уже команд, скопившихся в Петропавловске случайно, но по крайней мере хотя жителей края (запасные магазины на случай неурожая имеются в наших самых хлебобродных губерниях; в Камчатке, стране существующей привозным хлебом, мы не нашли ничего подобного. Надеюсь, что удивляться тут позволительно!)?

Десятки, сотни китобойных судов посещают Камчатское море и, без сомнения, имея они хотя малейшую надежду получить в Петропавловске необходимое, им не пришлось бы делать несколько лишних тысяч миль, чтобы идти на Сандвичевы острова запастись зеленью, маслом, или чтобы поправить команду на мясной пище. Все эти суда пошли бы в Петропавловск! Вот и верный сбыт, вот и окупленный труд для тех, которые бы решились приняться за огородничество и скотоводство, и если торговля ими не обещала десятков и сотен тысяч, то все же подобная торговля могла доставить некоторые существенные удобства и даже относительное довольство занимающимся

ею, могла бы иметь благотворительное влияние на целую массу жителей, доказав им, что труд вознаграждается и, наконец, в случае военных действий и блокады порта благонадежные запасные провиантские магазины, цветущее огородничество и изобилие рогатого скота, избавляя Петропавловский гарнизон от перспективы материальных лишений, избавили бы и правительство от огромных издержек по зафрахтованию судов, посланных в Камчатку из Соединенных Штатов и из Гамбурга, зафрахтований, сопряженных с большим риском и потому стоящих чрезвычайно дорого.

Что почва края способна для огородничества и скотоводства, ясно доказали не только попытки, делаемые в прежние времена, но еще и в особенности примеры, бывшие у нас почти перед глазами. Так, например, в четыре последние года при самых незначительных средствах было столько сделано, что команды могли запастись капустой, картофелем и луком на целую зиму, могли получать по праздникам мясную порцию. Потом, когда усиленные работы для снятия порта и экстренного вооружения судов заставили обратить особенное внимание на питательность пищи, все эти команды в продолжение целого месяца довольствовались постоянно мясом! Если в такой короткий срок достигнуты подобные результаты, то, что можно было сделать, не говорю уже с самого начала завоевания, но положим, хотя за последние пятьдесят лет?

Средства, имевшиеся при Петропавловском порте во время прихода туда «Авроры», могли быть предоставлены в распоряжение областного начальства и гораздо прежде. Стоили они недорого и заключались, преимущественно, всего в трех транспортах! Грузы, подвозимые последними из Сибири, вместе с грузами, доставляемыми из России морем вокруг света, увеличивая постепенно благосостояние страны, довели бы ее, наконец, до такого положения, что будущность жителей была бы обеспечена. Вследствие того уменьшились бы во многом и расходы правительства, так как дознано, что чем изобильнее собственные средства края (в особенности же отдаленного), тем дешевле обходится его содержание.

Высказав причины, вынудившие оставить Петропавловск, попытаюсь теперь передать все трудное и смешное в нашем тогдашнем положении. Смешного же было довольно и, главное, оно заключалось в том, что в первые дни по приезде курьера место назначения эскадры, кроме адмирала, знали очень немногие. Понятно, что вследствие подобного незнания толкам и пересудам конца не было и, наконец, последние размножились в таком количестве, что стали появляться слухи самые забавные. Усталый и измученный непрерывной работой от зари и до зари, возвратишься, бывало, домой и смотришь, — об отдыхе никто и не думает! Весь вечер проходит в рассказах самых фантастических, в предположениях о том, как и что будет с нами, выпустят ли нас англичане из Петропавловска, а, наконец, если и выпустят, то куда денемся

мы с нашей маленькой эскадрой, и какой порт положит предел нашим бесконечным странствованиям?

Приказы адмирала, всегда чрезвычайно короткие, не много распространялись и по этому случаю. Для примера, вот один из них: «Вследствие Высочайшего Его Императорского Величества повеления о поспешном оставлении Петропавловского порта, я предписываю гг. командирам судов приступить немедленно к их вооружению, имея при этом в виду, что от быстрого и скорого изготовления к плаванию будет зависеть весь успех нашего предприятия! Союзники, как положительно известно, имеют намерение напасть на Петропавловск с силами, непомерно превосходящими все наши силы, а, следовательно, было бы лучшим выйти в море не позже 1 апреля, для того, чтобы сколь возможно поспешнее достигнуть *места нового назначения нашего*. На этом основании я покорнейше прошу гг. командиров внушить их командам всю важность успешного производства работ по вооружению и изготовлению судов».

Указывая на необходимость усиленной работы, адмирал о цели плавания объявлял только, что отправляемся по назначению. Неделя и более прошло времени, пока хоть с некоторою достоверностью узнали мы, что за назначение это. Нижние же чины до самого выхода в море верили походу в Калифорнию. Несмотря на страшную усталость и на то, что было о чем подумать, много тешили нас рассказы о блаженной стране, где, по словам какого-нибудь мудреца с фор-марса, бери золота, сколько забрать можешь, или золота там столько, ребята, что ешь — не хочу!

Эскадра, предназначенная для переноски порта, заключалась в следующем составе:

Имена судов	Число орудий	Имена Командиров	Флагман
Фрегат «Аврора»	44	Капитан 2-го ранга Изильметьев	Контр-адмирал Завойко
Корвет «Оливуца»	18	Капитан 2-го ранга Назимов	
Транспорт «Двина»	10	Капитан-лейтенант Чихачев	
Транспорт «Иртыш»		Капитан-лейтенант Гаврилов	
Транспорт «Байкал»		Поручик Шарыпов	
Бот «№ 1-й»		Подпоручик Семенов	
Бот «Кадьяк»		Кондуктор	

Нужно еще заметить, что транспорты «Иртыш» и «Байкал» — суда небольшие, старые, давно отслужившие свой срок и, несмотря на то, что обошли вокруг света, — самых дурных морских качеств. В особенности

«Иртыш», который не только бросался в глаза уродливым и допотопным видом, но еще был замечателен по скверному ходу. Вообще, смотря на эти два судна, нельзя не подивиться, как решились отправить их в дальнейшее плавание, каким образом были доверены им жизнь людей и честь флага, значительные и ценные грузы, а также нельзя не отдать должной справедливости офицерам, благополучно плавающим с ними по настоящее время!

Таким-то образом, с небольшой эскадрой, обозначенной в вышеприведенной таблице, предстояло снять порт, прорваться сквозь неприятельских крейсеров, прийти в страну дикую, не довольно известную, поселиться в этой стране не на несколько дней, а на много лет и, приняв все меры обороны против превосходных неприятельских сил, быть в то же время готовыми к суровой зимовке в местах, где в продолжение более четырех месяцев двадцатиградусный мороз — почти нормальное состояние атмосферы, и где в декабре и январе термометр очень часто стоит на 22-х и даже на тридцати градусах! 3-го марта прискакал курьер, а 4-го работа уже кипела в полном разгаре.

Во время обыкновенного вооружения нескольких судов вдруг, в портах несравненно значительнейших, нежели Петропавловск, встречается всегда довольно затруднений, недоразумений и в особенности накапливается бездна переписки, порождаемой многими, часто совершенно лишними формальностями портового управления. При поспешном снаряжении целой эскадры при ограниченных средствах порта, лишь только зарождающегося и, в особенности, при необходимости одновременно с вооружением судов производить и погрузку всего портового имущества, — естественно, что затруднений и остановок должно было ждать несравненно более, и конечно в подобном случае принятие на себя обязанности капитана над портом адмиралом, губернатором области было мерой существенной важности. Мера эта не только давала капитанам возможность получать быстрый и точный ответ на все их запросы, но даже во многих случаях совершенно избавляла от переписки, заменяя целый ряд рапортов, запросов и отношений всего двумя или тремя словами...

Чтобы лучше понять, как было нелегко управиться в Петропавловске в короткое время, нужно сказать, *во-первых*, что в начале марта в Камчатке почти зима, и снега там чрезвычайно глубокие, в этих числах еще только что начинают таять; *во-вторых*, что, изготовляясь к обороне порта, мы менее всего другого помышляли о выходе в море, а потому и понятно, что когда пришлось начать вооружение, явилось множество затруднений, столь же мало предвиденных, как и самое известие об оставлении Петропавловска. Вот краткий перечень главных работ наших: грот-мачта фрегата, пробитая в своей середине ядром навылет, требовала тщательной тимберовки: ее пришлось вынуть, разобрать, вставить вместо поврежденных частей новые части, снова собрать и поднять на место. Подобная работа требует значительного времени

даже в Кронштадте, где есть краны и все возможные удобства. В Камчатке же исполнение ее было очень трудно, и если сказать, что, несмотря на дурные и в особенности весьма непостоянные погоды, чрез десять дней после спуска на лед мачта находилась на фрегате и на нее уже накладывались ванты, то, конечно, мало кто не согласится, что общий ход работ был вполне удачен, тем более что по недостатку леса в порту стрелы, необходимые для подъема и спуска, пришлось составлять из нескольких кусков различных деревьев, снайтовливая их и укрепляя железными бугелями. Стрелы эти были до того неблагонадежны, что лишь только мачта отделилась от шпора, они изогнулись в дугу и ежеминутно грозили надломом. Сверх того и как бы в довершение опасности неприятной операции, лопаля обоих гиней, перемерзшие и закоренелые на морозе, лопались два или три раза; и единственно благодаря запасным сей-талям, выбираемым с ними одновременно, не случилось никакого несчастья.

Орудия, с осени расставленные по батареям, понадобилось грузить на суда, а как батареи скрывались под горами снега, то сперва длинными железными прутьями пришлось отыскивать место каждого орудия, потом было необходимо раскопать его, и, вытащив из ямы, часто в сажень или даже $1\frac{1}{2}$ сажени глубиной, спускать на особенно устроенных саних с гор на лед малого рейда — лед уже недостаточно крепкий; почему доставка подобных тяжестей на суда сопряжена была с опасностью. Горы, окружающие Петропавловск, большею частью довольно круты, и потому легко представить себе затруднения, неизбежные при поспешном с них спуске 24- и 36-фунтовых длинных и двухпудовых бомбовых пушек. Дым летел из-под веревок, задерживавших орудия при спуске, лед трещал под санями, лишь только они касались его, и, конечно, одна крайняя необходимость могла заставить принять столь опасный способ спуска и перевозки тяжестей.

Для возможного устранения несчастий перевозка устраивалась следующим образом: лишь только орудие было спущено на лед, к полозьям саней привязывали длинные концы веревок; человек 30 или 70 самых здоровых из всей команды впрягалось в них, и когда все было готово и осмотрено, офицер, бывший при работе, давал знак, матросы сбились с силами, подхватывали разом, и опасная кладь летела к судну так быстро, как только было возможно. Лед трещал под полозьями, следом за санями оставались заметные трещины, но к нашему счастью и благодаря усиленной скорости перевозки все орудия, за исключением одного 36-фунтового, доставлены на суда благополучно.

Несчастий с людьми не было; и это трудное дело, столь сильно всех заботившее, окончилось так хорошо, как только можно было ждать, судя по крепости льда, очевидно сомнительной (на крепость льда так мало полагались, что по особенному приказанию адмирала, кладя орудие на сани, к нему всегда

привязывался томбуй с толстым буйрепом, за который в случае несчастья можно было попытаться орудие это вытащить).

Спускать орудия с батарей на гребные суда и для каждого из них прорубать по льду особенную дорогу было положительно невозможно, и кроме недостатка времени, эта мера была неудобоисполнима по множеству других, не менее уважительных причин. Отыскивание, собирание, погрузка ядер и картечей, причинили в свою очередь немало хлопот, хотя, конечно, при подобной работе опасности уже не было. Осенью разложенные и разбросанные по всем батареям снаряды эти были занесены снегом зимой, и как место, находившееся под ними, было менее пространства, занимаемого орудиями, то и отыскивать их было гораздо труднее. Весь груз принадлежностей порта, не считая багажа и имущества чинов гарнизона с семьями, простирался с лишком на 80 000 пудов. Его нужно было погрузить на транспорты, продолжая в то же время вооружение, как этих судов, так и судов собственно военных, нуждавшихся в серьезных исправлениях для плавания океаном и морями, обыкновенно бурными.

Зная, что нас ждет на Амуре, в Камчатке не оставлялось ничего, что могло бы пригодиться впоследствии при колонизации в стране, только что заселяемой. Из Петропавловска в буквальном смысле слов брали все, что только можно было взять: рамы из окон, петли от дверей, заслонки, плиты, вьюшки, железо с крыш. Все, до самых ничтожных мелочей грузилось на транспорты; в домах оставались лишь одни голые бревенчатые стены, которые, конечно, были бы разобраны по частям и тоже увезены, если бы дни нашего пребывания в Камчатке не были сочтены и, наконец, если бы множество других, гораздо более необходимых работ не положили предела столь тщательной заботливости о будущем.

К этому же времени относится и разочарование тех, которые упрямо не хотели верить переноске порта именно на устье Амура, а не в другое место. Да, действительно, заговорили самые недоверчивые, действительно мы идем в какую-нибудь сторонушку, где еще, пожалуй, будет и поскучнее, и потяжелее, чем в Камчатке! Иначе, зачем бы это переселение новым ковчегом, и неужели же, если бы мы в самом деле шли в Сан-Франциско или Батавию, неужели же там нужны свои рамы, свои крыши, свои двери, свои дома. Нет, видно, не миновать Амура!..

Подобные сетования напоминают мне жалобы на горькую судьбу бедных петропавловских жителей, жалобы с основаниями несравненно серьезнейшими! Многие из служивших в Камчатке обзавелись своим имуществом, своими домами, многие имели довольно большое хозяйство, и все это приходилось бросить совершенно даром, или же за такую цену, которой решительно нет возможности дать названия удовлетворения или платы. Так, например, дом продавался за десять рублей серебром (дом в камчатском смысле

слова; у нас в России подобный дом едва удостоился бы названия домишка, так как обыкновенно он состоял из трех, много что четырех комнат. Конечно, живя в нем, о комфорте и даже обыкновенных удобствах европейской жизни нечего было и думать) и даже, как рассказывают, были примеры подобной продажи за чемодан, шубу, кухлянку или что-нибудь в этом роде.

Сообразив недостаток леса в Петропавловске и трудность добывания в нем строительных материалов вообще, — тяжесть потерь местных жителей, вынужденных по обязанностям службы или вследствие других причин следовать за эскадрой, делается вполне понятною, тем более, что не только дома (так как в Петропавловске, кроме нескольких природных камчадалов и двух-трех семейств обстоятельствами вынужденных отстать от эскадры, остались только больные и несколько человек военных команд, то, естественно, покупателей на дома отыскать было очень трудно), но и большую часть движимого имущества им приходилось бросить ни за что, или за бесценок. Транспорты по незначительной величине своей, а также по огромному количеству казенного имущества, едва могли вместить самих переселенцев с семьями и с тем, что для них было необходимо, в строжайшем смысле последнего слова. К тому же погрузка и вообще снятие порта производилась чрезвычайно поспешно. Всякий час много значил, а сутки, потерянные для выхода в море, могли уничтожить успех предприятия. Приди неприятель в то время, когда батареи оставались разоруженными, и орудия, с них снятые, находились на судах, что стало бы с нами, и что могли мы сделать для нашей защиты?

Отвечать нетрудно: мы потеряли бы все! Все знали это, и потому работы шли с удивительной быстротой: ни морозы, ни метель, ни оттепель и в это время на берегу — страшная грязь, и на льду — вода по колено, ничто не останавливало! Все стремились к одной цели, у всех был один образ мыслей; 800 человек составляли большую семью, и благородное одушевление увенчалось завидным успехом. Неприятель, разбитый в 1854 г., в 1855-м не только не вознаградил себя за прошлогодние неудачи, но вообще успел так мало, что все французские и английские журналы сознались с редкою в них тогда откровенностью, что маленькая камчатская эскадра сделала свое дело. С трибуны английского парламента было сказано то же самое; американские газеты, журналы Мексики, Перу, Чили помещали длинные столбцы с рассуждениями о действиях на Восточном океане...

И только в одной России на действия эти не было обращено никакого внимания. Некоторые газеты сказали, правда, об них несколько фраз вкривь и вскользь. «Морской сборник» напечатал официальные рапорты, и все тут, и более ни слова... И кроме правительства и морского сословия, большая часть читающей публики до сих пор не знает, почему и как снят Петропавловский порт, что делала наша эскадра после ухода из Камчатки и наконец, каким образом в то время, когда неприятельские крейсера стремились к унич-

тожению наших сил на этих водах, не только ни одно из судов военных, но даже ни один транспорт, ни одна военная шлюпка не досталась в руки союзников! (Я не говорю здесь о судах купеческих, таких, например, как Российско-Американской компании корабли «Ситха», «Аян», бриг той же компании «Охотск». Последний взорван на воздух своим командиром, прежде чем к нему приблизились шлюпки союзной эскадры; первый достался в руки неприятеля и отведен в Сан-Франциско, второй сожжен в Петропавловске. То, что я говорил выше, относится к судам, принадлежащим собственно правительству, и из них только транспортная шкуна «Анадыр» попала в руки англо-французов, и то когда наш фрегат стоял в Петропавловске разоруженный и, следовательно, когда не было никакого средства подать помощь.)

...Пока вооружались и грузились суда, особенный отряд рабочих, составленный из всех команд, ежедневно пропиливал дорогу во льду, загрождающем выход с малого рейда. Работа эта после погрузки орудий была одной из труднейших и наиболее вредных для здоровья нижних чинов, а потому, думаю, будет не лишним сказать о ней несколько слов. Много раз и многими другими уже говорено и писано о важных качествах, характеризующих матросов бывалых или, что называется, обтерпевшихся. Качества эти выказываются преимущественно в критических случаях, и в особенности, когда дело доходит до необыкновенных трудов, или до какой-нибудь тяжелой, особенной службы. За примерами далеко идти незачем, и, конечно, имена столь громкие, как Севастополь, достаточно подтверждают вышесказанное. Здесь, пользуясь случаем, добавлю только, что матрос везде и всегда один и тот же, и что бодрость духа, выказанная на берегах Черного моря, не оставила его на другом конце света в обстоятельствах, не менее затруднительных. Например, в Петропавловске при расчистке пути для эскадры. Постоянно с промокшими ногами, в воде по колено, удается, бывало, после восьми или даже десятичасовой работы пробить, проломать и очистить ото льда несколько десятков сажен, вдруг неожиданный мороз — утреник. Целый день труда пропал ни за что!

И, несмотря на это, несмотря на то, что подобные невзгоды случались уже слишком часто, терпение и настойчивость взяли свое, и к 29-му марта путь к выходу в большую губу был совершенно свободен. 30-го покончено вооружение и погрузки, а 1 апреля все было готово к выходу на большой рейд; в этот же день назначено совершение напутственного молебствия, после которого экипажи судов должны были перебраться с берега. В десять часов утра офицеры, команды, все народонаселение, как остающееся, так и отправляющееся, собралось в старой петропавловской церкви. Весьма небольшая по размерам церковь была полна народу. Плач женщин, визг детей, различные сцены прощания, все это производило впечатление весьма тягостное.

Наконец с обычной церемонией принесли знамена и флаги. Водворилась торжественная тишина и началось молебствие... Глубоко растроганным голосом читал священник напутственные молитвы, потом последовало водосвятие, с церковным обрядом понесли на суда образа, освященные флаги взлетели на гафели, подняты вымпела, все по своим местам, все готово, и бедный Петропавловск, еще недавно оживленный присутствием стольких сотен людей, снова входил в свое прежнее нормальное положение, то есть делался заброшеннейшим из самых заброшенных уголков беспредельного русского царства.

По оставлении Камчатки сделаны следующие распоряжения: гражданское управление оставалось на руках земских начальств и главного из них — исправника; для наблюдения за действиями последнего, а также для начальствования над камчатскими казаками и ополчением был назначен есаул Мартынов, адъютант генерал-губернатора. На случай прихода неприятеля, и как по уходе наших судов в порту защищаться не представлялось возможности, адмирал предписал оставшееся казенное имущество, запас провианта, частную собственность, все это вывезти во внутрь страны, куда должны были отправиться больные, и где в десяти верстах от Петропавловска в селении Авача сосредоточивались военные команды, способные действовать. Для сообщения с заселениями на Амуре, куда переходило главное начальство края, от эскадры отделен был бот «Кадык», которому предписывалось отправиться в Большерецк и быть там в готовности во всякое время выйти в море. От Петропавловска до Большерецка была учреждена цепь казачьих пикетов, так что в случае крайней важности депеша, посланная чрез них и полученная на «Кадыке», могла быть доставлена последним в Де-Кастри или Аян, чем сообщение морем Камчатки с Сибирью если и не совершенно обеспечивалось, то, по крайней мере, делалось возможным. Большого числа судов, или судна, превосходящего «Кадык» морскими качествами, отделить было, очевидно, не из чего, в чем легко убедиться, обращая внимание на состав эскадры...

Второго апреля утром покончены все дополнительные работы по вооружению и нагрузке; вечером отдан приказ судам вытянуться в большую губу, а 6-го с рассветом эскадре назначено было сняться с якоря. Имея случай быть на берегу вечером 5-го числа, я пошел проститься с местами, о которых вряд ли и теперь заговорит равнодушно кто-нибудь из моих тогдашних сослуживцев. Много мыслей, воспоминаний сменялись одни другими, когда в последний раз обходил я извилистые горные тропинки, так живо рисуящие воображению различные эпизоды сражения 24 августа. Каждое дерево, каждый камень, каждая возвышенность имели свое значение, и право, как ни надоело годовое отчуждение от всего остального мира, как сильно не хотелось выбраться из Камчатки, но с Петропавловском нас связывало многое! Освоив-

шись с мыслью упорной обороны при вторичном нападении союзников, как-то больно было подумать, что после ухода эскадры французы и англичане подойдут к укреплениям безнаказанно...

Батареи, крытые ходы, пороховые погреба, все эти оборонительные линии, вновь возведенные с таким трудом, стоявшие так много пожертвовавших, приходилось отдать на разорение неприятелю и, хотя, конечно, причины подобной меры были очевидны, хотя скорейший выход в море был самым заветным из желаний, но наступило время его, и всем нам сделалось грустно.

Зная, что теряем в Петропавловске, мы не знали, что найдем впереди. Пред нами была неизвестность, сомнения невольно шли в голову и, может, нагнали бы тяжелое настроение духа, если бы родное «авось», занимательность будущих морских походов и этот таинственный Амур, о котором так много говорили разного, если бы все это взятое вместе не давало бы мыслям другого, более веселого оборота и не внушало самых невероятных надежд.

В пять часов приехал адмирал. Фрегат и корвет тотчас же начали сниматься с якоря, и в четверть шестого по полуночи оба судна уже были под парусами.

Утро было прекрасное. Камчатка прощалась с нами, хотела показаться во всем своем великолепии, и хотя, пользуясь ровным попутным ветерком, фрегат и корвет быстро продвигались вперед, но долго еще вход в губу, высокий и обрывистый берег, громадные горы, долго еще вся эта величавая картина на ярком фоне голубого неба провожала наши суда и как-то особенно медленно сливалась с горизонтом...

С рассветом скрылись берега Камчатки...